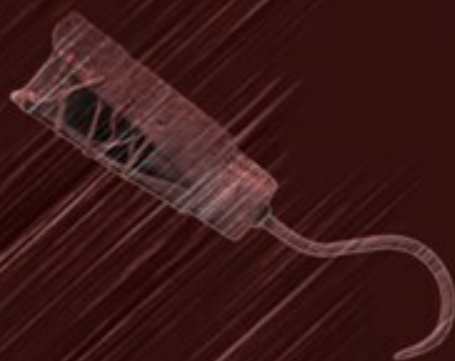

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

В ПОЛНОМ ОТРЫВЕ

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский

Агасфер. В полном отрыве

«1С-Паблишинг»

2021

Каликинский В. А.

Агасфер. В полном отрыве / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2021 — (Детектив с историей (1С))

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Серия книг «Агасфер» – это пять увлекательных шпионских ретродетективов, посвящённых работе контрразведки в России конца XIX – начала XX века. Главный герой – Михаил Берг, известный любителям жанра по роману «Посол». Бывший блестящий офицер стал калекой и оказался в розыске из-за того, что вступился за друга – японского посла. Берг долго скрывался в стенах монастыря. И вот наконец-то находит себе дело: становится у истоков контрразведки России и с командой единомышленников противодействует агентуре западных стран и Японии. В третьей книге серии нас ждёт продолжении истории Агасфера, отправленного ранее на Сахалин. Началась русско-японская война. Одновременно разгорается война другая, незримая для непосвящённых. Разведочное подразделение Лаврова пытаются вытеснить с «поля боя»; агенты, ведущие слежку, замечают, что кто-то следит за ними самими. Нужно срочно вернуть контроль над ситуацией и разобраться, где чужие, а где свои.

© Каликинский В. А., 2021

© 1С-Публишинг, 2021

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	43
Глава шестая	51
Глава седьмая	62
Глава восьмая	71
Глава девятая	82
Глава десятая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Вячеслав Каликинский

Агасфер. В полном отрыве

Часть первая

Пролог

На рубеже XIX–XX столетий в России «правил бал» многоликий и многонациональный шпионаж. Для противодействия этой угрозе военный министр Алексей Куропаткин и его единомышленники неоднократно предлагали учредить особый секретный розыскной орган, назвав его «Разведочным отделением». Однако их инициатива гасла в пылу подковерной борьбы в царском окружении. Вынужденно, еще на закате царствования Александра III, ушел в отставку едва ли не главный инициатор создания в России спецслужбы для противодействия шпионажу, полковник Генерального штаба Андрей Архипов. «Инициативная группа» продолжала работу по созданию новой структуры в его особняке, почти в условиях подполья. И действовать практически русская контрразведка начала гораздо раньше того, как на докладной записке военного министра появилась личная резолюция Николая II: «Согласен».

Однако, даже «выйдя из подполья», Разведочное отделение всегда было окружено глубокой тайной. Военные атташаты иностранных государств – основные центры шпионажа на территории страны – находились в столице России, основным районом деятельности нового органа определялся Петербург и его окрестности. Главными его задачами должны были являться «охранение» военной тайны и обнаружение деятельности лиц, выдающих ее иностранцам.

При постановке нового дела многое зависит от личности и деловых качеств первого руководителя. Им стал ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, специалист по тайному государственному розыску. По договоренности с министерством внутренних дел, он был переведен на службу в военное ведомство с должности начальника Тифлисского охранного отделения.

А еще раньше волею судьбы в дверь особняка полковника Архипова постучал едва ли не два десятилетия скрывавшийся от царского гнева в монастыре, без вины виноватый Михаил Берг. Разжалованный и лишенный прав состояния, бывший гвардейский офицер знал несколько языков и, самое главное, обладал феноменальной памятью. Убедившись, что Берг – «свой человек», единомышленники привлекли его к участию в тайных операциях.

Чтобы пресечь передачу германской разведке секретных данных, Берга, выбравшего себе псевдоним Агасфер, отправляют в Берлин и Вену, и он выполняет поставленную задачу. При этом он вынужденно «устранил» одного из продажных высокопоставленных русских офицеров и собрал данные, достаточные для предъявления серьезного обвинения другому предателю.

Такое «самовольство» побудило покровителей офицеров-предателей к ответным действиям, и «охота» открывается уже на самого Берга-Агасфера. Тем более что формально он все еще числился в полицейском розыске 20-летней давности. Не желая терять Агасфера, ротмистр Лавров принимает непростое решение: не просто спрятать его на бескрайних просторах России, а организовать многоходовую операцию. Он отправляет его через Иркутск на Сахалин. В случае войны с Японией (а Лавров считает это только вопросом времени) и вероятной оккупации Сахалина Берг, по его плану, должен перебраться в Японию и стать резидентом в тылу врага.

В ночь на 27 января 1904 года внезапным нападением японского флота на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, началась Русско-японская война. А в столице Российской империи разгоралась другая, невидимая непосвященному взору битва. Ее позиции пролегли через дипломатические рауты, шифровальные кабинеты посольств, оборонные цеха и конструкторские бюро, конторки чиновников военных интендантств и штабных канцелярий. Разведочное отделение Лаврова стали «вытеснять» с «поля боя».

У Разведочного отделения начались официальные неприятности. Агенты Лаврова, следившие за графиней Комаровской, подозреваемой в шпионаже, заметили организованное за ней параллельное наружное наблюдение. Неизвестные действовали весьма профессионально. Военные контрразведчики решили свернуть свое наблюдение и доложить о случившемся. Как вскоре выяснилось, перехватили Комаровскую филеры Департамента полиции. Через три недели Разведочное отделение таким же точно порядком было отстранено от наблюдения за неким Джоном Маршаллом. В своем отчете Лавров записал: «Возможность повторения подобных случаев, совершенно очевидно парализующих работу Отделения, вызвала необходимость обсудить положение дел, вследствие чего и последовало особое по сему поводу совещание».

На нем представители Департамента полиции предложили устранить образовавшуюся двойственность и объединить усилия подразделения Лаврова с только что созданной «контрразведкой тайной полиции». Причем возглавил «шпионское подразделение» в Департаменте полиции известный авантюрист Манасевич-Мануйлов. Дело шло к неминуемой передаче Разведочного отделения и всего дела в ведение Департамента.

На стороне Департамента полиции было бюрократическое преимущество – поддержка шефа жандармов, министра внутренних дел Плеве, а также мощь всего аппарата общей и тайной полиции. Предвидя дальнейшее осложнение ситуации, военное руководство Лаврова пошло на своеобразный маневр.

Чтобы штаб корпуса жандармов, которому по административной линии формально подчинялся Лавров, не мог надавить на своего офицера, последний был Высочайшим приказом уволен в запас. Одновременно были подготовлены документы к возвращению его на военную службу, но уже не в Корпус жандармов, а в распоряжение Главного штаба, что и было сделано приказом государя. Разведочное отделение было сохранено, но крылья, увы, ему были подрезаны основательно.

Небольшому подразделению Главного штаба трудно было отстаивать свои позиции в схватке за место под солнцем. Слишком неравными были «пробивные способности» тех, кто оказался во главе контрразведки в Генеральном штабе и в Департаменте полиции.

Контрразведка Департамента полиции начала массированное вторжение в сферу тайной деятельности отделения Лаврова. Ему приходится мало-помалу сворачивать работу закордонной разведки в Европе. Что же касается театра боевых действий на Дальнем Востоке, то там ее и вовсе создать не успели...

Глава первая

Москва

Было утро, 3 сентября 1904 года.

– Не оставь, богородица, сироту заботами своими! – женщина, чередуя мелкие поклоны с торопливым обмахиванием крестом, попятилась, потянула за собой худого мальчишку лет двенадцати-тринадцати. – Рот-то закрой, горе мое! Пошли, недосуг мне нынче!

У парадного подъезда солидного четырехэтажного здания на Тверской решительности у женщины поубавилось. Оглянувшись на сына, она тряхнула его ладошку:

– Здесь, что ли, Влас?

– Ага... Раньше газетная редакция в бывшем магазине Лукутина была, во-о-н туточки! А нонес в новый дом переехали, и типография папенькина тоже, в первом ентаже. Слышь, мать, как машины-то крыльями своими железными хлопают?

– «Хлопают»! Стой ровно, рубашку оправлю!

Женщина придиричиво оглядела сына, потом себя. Тронула щепотками пальцев насбо-ренную на талии старенькую бумазейную юбку. Обмахнула, словно от пыли, простенькую коф-тенку с уже обтрепавшейся баской. Снова с опаской покосилась на высоченные двери, кото-рые не успевали закрываться от постоянного потока входящих и выходящих людей. Поток был самый что ни есть разнокалиберный – приказчики, почтальоны с сумками через плечо и фуражках с кокардами, курьеры, прилично одетые господа в мягких шляпах и котелках. Вдоль тротуара выстроились длинной шеренгой извозчики, несколько ломовиков, щегольская коляска. Сбоку от крыльца швейцар, которого постоянный поток посетителей лишил необхо-димости открывать и закрывать двери, мирно беседовал с городовым – тот снисходительно слушал, приподнимаясь на носках блестящих сапог, изредка кивал, не забывая посверкивать на толпу острым надзирающим оком.

– Народу-то, народу! – вздохнула женщина. – Аж боязно! Не турнули бы нас с тобой, Власинька! Ну, пошли, благословясь...

В просторном вестибюле первого этажа было не менеелюдно и суетно, чем на улице. Посыльные и курьеры продирались сквозь толпу, сопровождая движение хриплыми возгла-сами «Виноват-с!», «Дорогу, дядя!», «Прощенья просим, сударь...». Вдоль стены по правую руку, до самой лестницы, тянулся высокий прилавок, отгороженный от посетителей деревян-ным барьером. За этой загородкой молодые люди конторского обличья, через одного в чер-ных парусиновых фартуках и нарукавниках, сортировали выстроившихся вдоль барьера посе-тителей, принимали от них какие-то пакеты и конверты, выдавали квитанции, разъясняли, как пройти туда-то и туда-то.

Еще раз мелко перекрестившись, женщина решительно потащила мальчишку к барьеру, поправила накинутый на плечи платок с узелком на груди и через непродолжительное время добилась торопливого внимания со стороны одного из конторщиков. Тот мгновенно оценил неприяательную одежку посетительницы:

– Тебе чего, матушка? Говори скорей, не видишь – бедлам тут у нас! Ну? За вспомоше-ствованием, что ли?

– Ага, то исть, не за энтим, господин хороший, – зачастила она. – Муж мой, покойник, работал в типографии вашей, наборщиком. Курносов Никодим, слышал, поди?

– Не слышал, мать! – нервно помотал головой конторский. – В сытинской типографии одной, тутошней, больше тыщи таких курносовых. Ты дело говори! Жалование за мужа полу-чать пришла? Пьющий он у тя?

– Како жалованье, Христос с тобой? С полгода как помер кормилец-то мой. Сыночка евойного хочу пристроить сюды посыльным, Власа. Совсем от рук отбился, цельными днями

по крышам голубей гонять... А так хоть копейку живую в дом понесет. Потому как и отец евонный тут пятнадцать годочков без малого отработал, в наборном цеху. Глядишь, и Влас мой ремеслу доброму выучится.

– погоди, мать! Толком говори – в газетную редакцию тебе али в типографию? Если в типографию – тогда в первый этаж иди, налево, мастера спросишь. Если в «Русское слово», то в третий этаж, мать. Там присутствие редакционного заведывающего...

«Мать» что-то попыталась объяснить дополнительно, но конторский уже передвинулся к следующему посетителю. Делать было нечего, и женщина направилась к лестнице, под которой темнела широченная дверь с табличкой «Типография газеты “Русское слово”. Товарищество И. Д. Сытина». Сунулась было в дверь, но моментально оробела от грохота и лязга огромных черных машин. Машины со свистом крутили огромные бумажные рулоны, хлопали какими-то решетками.

– Па-а-сторони-и-ись! – рявкнули над ухом, и посетители едва успели отскочить в сторону, оберегая ноги от тяжеленного бумажного рулона, который катили по полу двое перепачканных черной краской парнишек.

В застекленном закутке у входа с заваленным бумагами конторским столом и распахнутым настежь шкапом, также доверху набитым разнокалиберными бумагами, никого не было. А другая такая же будочка виднелась аж в самом конце неширокого прохода между страшными машинами по одну сторону и железными верстаками с другой. У верстаков тоже кипела работа, доносились выкрики чумазных от типографской краски людей. Вдоль верстаков бегали мальчишки, держащие в руках длинные полосы бумаги. Такие же полосы держали и солидные господа в сюртуках, пристроившиеся у широких подоконников цеха – те не бегали, а, согнувшись, что-то черкали там карандашами.

– Воистину бедлам, – поджала губы женщина. – Пошли, сынок, в третий этаж! Может, хоть там поспокойней будет...

На этаже, целиком занимаемом газетной редакцией, и вправду было потише. В просторном вестибюле у входа, заставленном пустыми столами, диванами и стульями сидели и стояли небольшими группами и по одному с десяток приличных господ разного возраста. Они курили, спорили, оживленно переговаривались. У многих в руках были такие же странные бумажные исчерканные полосы. Вдоль всего этажа уходил в глубину широкий коридор с двумя рядами дверей по обе стороны, у некоторых из них стояли неподвижные фигуры сторожей в фуражках с кокардами. Такая же фигура, охранявшая начало коридора, двинулась наперерез женщине с мальчишкой, небрежно прикоснулась пальцем к козырьку фуражки.

– Слуш-ш-шаю?

– Мне б в присутствие господина заведывающего, – заторопилась женщина.

Она снова пустилась в пространный рассказ о покойнике-муже, об оставшихся сиротах. Не дослушав, фигура отступила в сторону, пояснила:

– Ежели насчет места, то канцелярия господина заведывающего редакцией под вторым номером, направо...

В длинной комнате с множеством столов, где писали и щелкали счетами дюжины полторы конторских в белых сорочках с нарукавниками, снова пришлось рассказывать о муже, о старшеньком Власе и настоятельной необходимости носить в дом живую копейку. Двое конторских, не дослушав, попытались спровадить посетительницу на Хитровку, в Морозовскую биржу труда. Однако вдова упорствовала, и уходить не желала. Тогда ей было велено выйти в коридор и там дожидаться какого-то Петра Степаныча. Женщина заняла позицию у дверей присутствия и принялась терпеливо ждать.

Мальчишке, понятное дело, скучное стояние скоро прискучило. И он постепенно, шаг за шагом, стал отодвигаться от матери в сторону вестибюля, где заметил нескольких подросков своего возраста, гордо щеголявших в картузах с надписью «Русское слово». Мать про-

бовала негромко шипеть на сорванца, делать ему страшные глаза, однако, видя, что на мальчишек никто не обращает внимания, успокоилась.

Время шло. Массивные башенные часы в вестибюле бархатно отбили 11 часов, потом 11 с половиной. Несколько солидных господ прошло в канцелярию заведывающего, однако ни один из них не оказался Петром Степанычем, и вдова начала томиться. Потом дверь с лестницы распахнулась, пропустив высокого грузного мужчину с объемистым портфелем в одной руке и серой шляпой в другой. Господин громогласно распекал за что-то свою свиту, суетливо спешащую по бокам и следом.

Женщина встрепенулась и шагнула было навстречу, но вдруг заробела: широко шагающий по коридору господин явно был большим начальником. Курьеры и сторожа при его появлении вытягивались в струнку, встречные поспешно отступали в стороны и почтительно приветствовали идущего. Лишь мальчишки-курьеры вместе с ее Власом совсем некстати затеяли какую-то шумную неприличную перепалку, и вдова, косясь на важного господина, прикрикнула:

– Влас! А ну-ка, ступай ко мне! Живо!

Однако совершенно неожиданно на окрик отреагировал не ее сорванец, а важный господин с портфелем и шляпой, уже успевший удалиться на несколько шагов. Он остановился, развернулся к посетительнице всем корпусом, внимательно поглядел на нее и, наконец, насмешливо спросил:

– Изволите обращаться ко мне, сударыня?

Свита господина и сторожа тоже глядели на вдову – кто с ужасом, кто негодуя. Женщина только и успела сообразить, что сказала что-то не то. И сжалась, не сомневаясь в том, что важный господин сейчас закричит, затопает ногами, и сторожа немедленно выведут ее вон. А то и городовому сдадут!

Сторожа и курьеры и впрямь двинулись к посетительнице, однако господин в серой паре отмахнулся от них шляпой:

– Разрешите представиться, сударыня! – В голосе господина в сером все еще звучали насмешливые нотки. – Разрешите представиться: редактор Влас Михайлович Дорошевич! Чем могу служить?

– Ничем-с, ваше благо... ваше превосходительство, – совсем оробела женщина. – Я сынишку окликнула.

Она крепко ухватила за плечи подбежавшего к ней мальчишку, встряхнула: «Ну, оголец, я т-т-тебе потом покажу!» Прижала к себе, словно боясь, что сейчас сторожа разлучат ее с сыном.

– Значит, вашего сына Власом зовут? – любопытствовал Дорошевич. Он не глядя передал шляпу сопровождающим, поднял пальцем подбородок мальчишки. – Ну-ну! Нечастое имя, сударыня! А вы в редакцию по какому делу изволили придти?

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я до милости Петра Степановича, его дожидаюсь, – и женщина, окончательно растерявшись, снова принялась рассказывать свою историю важному господину, оказавшемуся редактором газеты.

Окружение Дорошевича делало ей страшные глаза и пыталось даже шикать и оттереть от занятого человека. Однако редактор повелительно поднял свободную руку и свита отступила.

– Ну, сударыня, сей вопросец мы решим, я думаю, и без вашего Петра Степановича! – едва дослушав, весело заключил Дорошевич и повернулся к сопровождающим. – Как, господа? Тезка мой, да еще и Курносов – ей-богу, возьмем! Тем более что потомственность в газетном деле надо всячески приветствовать и развивать! Запиши себе, Евдокимов: в посыльные парнишку!

Дорошевич тут же вручил смущенной посетительнице пятирублевую ассигнацию, приветливо кивнул на прощанье и, не слушая лившихся вслед благодарностей и уже забыв о

женщине и мальчишке со смешной фамилией, стремительно направился в сторону своего кабинета. Через несколько минут начиналось ежедневное редакционное заседание «примы отечественной печати», газеты «Русское слово».

Эта газета «стартовала» в патриархальной Москве XIX века дважды. Первым ее издателем и редактором был приват-доцент Московского университета Александров. Его репутация у властителей Российской империи и доверие со стороны Обер-прокурора священного Синода Победоносцева были таковы, что газете было разрешено выходить без предварительной цензуры ее номеров. Однако отсутствие у первого владельца организаторских и журналистских способностей, его политическая ориентация, близкая к черносотенной, едва ли не с момента регистрации издания обрекли газету на медленное увядание.

Агония газеты, стремительно теряющей подписчиков и бессмысленно проедающей правительственные дотации, привлекли внимание корифея издательского дела Сытина. Ивана Дмитриевича, ставшего к концу XIX столетия признанным авторитетом по части издания и продвижения в народ полезных и дешевых книг, с некоторых пор привлекала идея создания и народной газеты, внушенная во многом Антоном Павловичем Чеховым. Сытин сделал Александрову предложение, от которого было трудно отказаться. Российские власти отнеслись к предстоящей смене владельца «прикормленной» газеты весьма настороженно, и Сытин смог получить лицензию только при условии сохранения за Александровым поста редактора. Таким образом правительство надеялось удержать газету на лояльных к нему позициях.

Как сказали бы в наше время, имя издателя Сытина в тот период уверенно занимало место в первой десятке богачей Москвы. Однако никакие финансовые вливания сами по себе не могли вдохнуть в умирающую газету новую жизнь. Требовалось сделать ее интересной для читателей и подписчиков – только это могло повысить ее тиражи и сделать привлекательной для рекламодателей. «Русскому слову» нужны были громкие имена популярных у читающей публики журналистов. И соответственно, новый курс, несовместимый со взглядами Александрова и его команды.

Таковыми именами на рубеже веков были имена Александра Амфитеатрова и Власа Дорошевича. Заполучив хотя бы одного из них, за судьбу газеты можно было бы не беспокоиться – однако оба мэтра работали в столичной газете «Русь», и покидать берега Невы ради самого большого, но все ж губернского города России не собирались. К тому же «Русь» весьма щедро финансировалась купеческой элитой в лице Мамонтова и Морозова, известных не только толщиной кошельков, но и весьма прогрессивными взглядами.

Мэтры имели весьма примечательные «послужные списки». Амфитеаторов, по образованию юрист-правовед, совсем недавно числился не только надеждой русского вокала. Он получил «шлифовку» в Итальянской опере и был зачислен в труппу столичного Мариинского театра. Одно время мэтр успешно совмещал оперное пение и сотрудничество с популярными изданиями «Будильник», «Осколки», «Русские ведомости», но, в конце концов, сделал окончательный выбор в пользу газетного дела.

Дорошевичу поистине европейскую известность принесли его «проникновения в сущность» самой страшной в России Сахалинской каторги. Книги Власа Михайловича, хотя и не были запрещены, однако балансировали на грани этого, что не могло не подогревать интереса к ним читающей публики.

Сытин сделал ставку на Дорошевича. И в конечном итоге оказался прав: сначала мэтр согласился на регулярное сотрудничество с «Русским словом», а позже, когда Сытин выкупил кресло редактора и усадил в него своего зятя Благова, согласился на общее руководство газетным делом. Фактически Дорошевич и встал у руля «Русского слова» еще до того, как «Русь» была закрыта после скандальной сатиры Амфитеатрова на царскую семью. Дорошевич переехал в Москву, и «Русское слово» обрело своего истинного редактора – самого высокооплачиваемого в России, скандального, со множеством причуд и барских замашек.

Ежедневно в полдень на редакционных заседаниях он кратко обрисовывал «абрис» ближайшего номера, после чего большая часть ведущих сотрудников расходилась по домам для кратковременно отдыха. Плотная работа над номером начиналась в пять-шесть часов пополудни, и чаще всего заканчивалась уже под утро, к отходу с московских вокзалов курьерских поездов. Не чурался Влас Михайлович и личной проверки редакционной почты, сам активно искал «гвоздевые» материалы.

Нередкими были случаи, когда редактор появлялся в редакции уже за полночь, в облаке винного амбре – и начиналась ломка и спешная переделка сверстанных газетных полос. В переплавку частенько отправлялся уже готовый набор признанных «гвоздевыми» материалов Немировича-Данченко и Григорьева – а сам шеф, дыша вином, прямо на линотип диктовал наборщикам только что добытые им сенсации. Заведующий редакцией Никандр Васильевич Туркин только вздыхал, заранее представляя полные гнева упреки маститых авторов, чьи заметки были безжалостно сняты из номера.

Мирился с причудами и финансовыми запросами и издатель-миллионщик Сытин: тиражи «Русского слова» неуклонно росли, рекламодатели охотно несли в кассу денежки. Газета прочно вошла в когорту лидеров европейской и мировой журналистики – с ней считались в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне... Бухгалтеры «Русского слова» только крихатели (да и то про себя), получая указания Дорошевича о повышении гонораров, оплачиваемых отпусках (нонсенс для России начала века!), выдаче подъемных провинциальным и заграничным корреспондентам.

Все задумки Дорошевича, как правило, оказывались окупаемыми.

Однако то, что он выдал на заседании ведущих сотрудников 3 сентября 1904 года, было чересчур даже для этого экстравагантного человека!

По окончании заседания, выпроваживая из роскошно обставленного кабинета сотрудников, Дорошевич сделал знак Сытину.

– А что у нас в Москве с культурной жизнью происходит? – неожиданно спросил Дорошевич.

Вопрос поставил Сытина в тупик: чего-чего, а «культурного» вопроса он никак не ожидал. Быстренько прикинув варианты возможного подвоха, он по привычке потрогал холеную бородку и не спеша ответил:

– Начало осени у нас – мертвый сезон-с! Москвичи еще с дач не съехали... Впрочем, maestro Рахманинов дал согласие на пост дирижера в Большой театр. На днях будет премьера «Жизни за царя» в новой постановке и с его участием. У меня же, кстати, есть билеты в ложу – не желаете, Влас Михайлович?

– Нет, не желаю! – Дорошевич нервно крутнул шейю в тесном воротничке. – Оперу я слушал уже, и, признаться, не понимаю – что там может быть нового? Государя на кайзера заменят?

– Ох, договоритесь вы когда-нибудь, господин фельетонист! – Иван Дмитриевич невольно оглянулся на дверь, и, убедившись, что она плотно прикрыта, вновь обратился к Дорошевичу укоризненный взгляд серых, чуть навывкате глаз. – Ну кто вас за язык-то тянет, Влас Михайлович? Ну, со мной наедине – ладно! Так вы ведь и в более широких кругах не стесняетесь! Не бунтарь вроде записной, не социалист – а все туда же!

– А-а, оставьте! – капризно сморщился великий фельетонист. – Я не о том хотел спросить, Впрочем... Ах да: мне утром, по дороге в редакцию, кто-то сказал, что типографские рабочие опять волнуются. Депутацию к вам посылали... Никак штрафы ваша контора новые придумала?

Сытин поджал губы: опять этот неумный человек не в свои дела лезет! Однако промолчал, недовольство высказывать поостерегся. Лишь уклончиво отметил:

– Депутации часто ко мне приходят. И вопросы одни и те же ставят: укоротить рабочий день в канун праздников, двугривенный добавить за вредные миазмы в цехах. И без штрафов, Влас Михайлович, тоже никак нельзя! Вот сегодня, к примеру, мастер мне докладную подал на утверждение: двое типографских небрежно бумажный рулон в печатной машине закрепили. Он сорвался на ходу, с двух саженей высоты на каменный пол упал. Спасибо, что не прибил никого, но от удара деформировался, в машину теперь не поставишь. А это почти двадцать пудов отличной газетной бумаги – как не штрафовать? Другие хозяева вовсе за такие дела гонят!

– А вы у нас либера-а-ал! – хмыкнул Дорошевич.

– Напрасно смеетесь, Влас Михайлович! Да-с, либеральных взглядов не скрываю! Но моя твердость в интересах тех же рабочих! Отпущу пораньше в канун праздника – куда рабочий пойдет, Влас Михайлович? Не в читальню, и не к семье – в кабак побежит! И про двугривенный лишний детям не скажет, а туда же, в кабак понесет!

– Вам, капиталистам, виднее, конечно...

– Конечно, виднее! Хозяин не единым днем живет, а наперед смотрит. Извольте ли помнить мое народное издание сочинений Гоголя, Влас Михайлович? Мне тогда конторские да счетоводы при расчете будущих тиражей расклад дали: выпускать пятьдесят тысяч книг, в два рубля за каждую. А я тираж определил в два миллиона, а цену в полтинник. Извольте посчитать – кто в выигрыше остался? Осилил ли бы народ эти два рубля? Крестьянин сапоги купит за два рубля! А полтинник за книжку уже не жалко. Теперь Гоголь в каждой деревне, считай, есть. И товарищество Сытина в прибылях осталось! А вы говорите – двугривенного Сытину жалко! Вот на водку мне – жалко! А ежели куплю в Крыму участок земли, да построю там на эти непропитые двугривенные санаторий для типографских, для их оздоровления – что тогда скажете, Влас Михайлович?

– Постройте сначала! – буркнул Дорошевич. – Только прежде у самих рабочих спросите – нужна ли им эта подачка с барского плеча? Согласятся ли поехать в ваш санаторий? Я вот нынче с некоей вдовой в коридоре редакции столкнулся... Смешная фамилия такая – Курносова. Тоже ведь за господской милостью приходила – но не за двугривенным! Мальца своего просила Христом Богом пристроить к делу. А ваши оглоеды ее на биржу труда хотели!

Сытин захохотал и рухнул на диван. Смеялся он долго, со вкусом и переливами, вскриками «не могу!», «уморили, ей-богу!» – так, что постоянно дежуривший у дверей кабинета сторож в недоумении приотворил дверь и засунул внутрь мигающий глаз, нос и левый ус. Отсмеявшись, Иван Дмитриевич вытер глаза платком и поднял на фельетониста глаза в лучинках добрых мелких морщинок:

– Извините, Влас Михайлович! Вы мне сейчас показали, как рождаются газетные сенсации... Филиппику вашу гневную услышал – а на биржу труда ту вдову не мои конторские гнали, а ваши, редакционные работники!

Дорошевич, оценив двусмысленность ситуации, тоже улыбнулся, вернулся за обширный стол, шелкнул крышкой часов, посерьезнел.

– Я ведь с вами, Иван Дмитриевич, не о том вовсе поговорить хотел. Мысль у меня появилась одна... Не могу избавиться от чувства неудовлетворенности. Работа идет, движется... кипим, пузыри пускаем – а чего-то не хватает. Вот война с японцем – и что? Чем «Русское слово» от того же «Московского листка» отличается? Телеграммы с передовой печатаем – и другие печатают! Всеподданнейшие донесения генерала Куропаткина его императорскому величеству публикуем – опять же, как все!

– Что-то вы, батенька, нынче строги к себе необычайно! А корреспонденции Немировича-Данченко с передовых позиций? Их у нас и немцы с англичанами перепечатывают! Какая газета может себе еще позволить такое роскошество – иметь на содержании собственного

военного корреспондента на позициях наших войск? Платить ему по нормам военного времени, не считая четвертачка за каждую строчку?

– Опять вы о деньгах, Иван Дмитриевич! – сморщился Дорошевич. – Приземленный вы человек, право... А я о другом толкую: надобно «Русскому слову» что-то такое выдумать, чего у других газет нету! Например, в самую Японию корреспондента своего заслать, а? Из первых рук получить картину состояния духа противника, оценить и сравнить...

– Ну-у, Влас Михайлович, вы тут уже того! На прерогативы Ставки Верховного главнокомандования покушаетесь! – Сытин обеими руками поправил очки, озабоченно покрутил головой. – Разведчика из Генерального штаба заполучить желаете в штат «Русского слова»?

– Не не военного, а своего брата, газетчика!

– Понесло вас, батенька! Собственного корреспондента в Японии, во время войны занять! Это вам не к Папе Римскому под видом русского юриста-правоведа для взятия интервью проникнуть. В Ватикане вам от ворот поворот показали, без всяких вредных последствий. Канцелярия понтифика вам тогда просто отказала в аудиенции – и поехали вы себе дальше по Европе! А тут славянскую душу в Японию заслать мечтаете, чтобы в шпионстве там обвинили, да и повесили на первом столбе?!

– Да знаю, знаю всё, Иван Дмитриевич! – нетерпеливо прищелкнул пальцами Дорошевич. – Но вы забыли поучительнейшую страничку истории о Троянском коне! Русского агента можно преподнести япошкам в замаскированном виде!

– Это в каком же, позволю себе полюбопытствовать? – недоверчиво хмыкнул Сытин. – В самурайское кимоно агента одеть и шуриться велеть днем и ночью?

– Это в Индии меня осенило, – не обращая внимания на иронию, вдохновенно продолжал Дорошевич. – Думаю: а что, если найти и нанять английского либо американского газетного корреспондента? Их ведь в Японии и нынче с почетом принимают! Заключить с англичанином договор, тыщ этак на 25–30 газетных строк, выговорить исключительные права на публикацию в «Русском слове» – и пусть себе едет! Верите ли, Иван Дмитриевич, как надумал я эту идейку, так еле утерпел, чтобы тотчас же телеграмму не дать в редакцию! Поделиться! Но – понимаю, нельзя! И держал в себе, как галушку из раскаленного борща за щекой... И додержался. Остыла «галушка» после моего тесного общения с англичанами на пароходе. Нельзя с ними связываться!

– Ну, британцы всегда своей чопорностью отличались, Влас Михайлович! – Сытин пожал плечами, фыркнул.

Помолчав, Дорошевич рассеянно попытался выстроить на столе из двух каменных пресс-папье пирамиду, едва успел поймать тяжеленную «болванку», едва не свалившуюся ему на колени и неожиданно сообщил:

– Признаться, Иван Дмитриевич, попал ко мне в руки... случайно, знаете ли, на том пароходе, британский паспорт... Нарочно сегодня его в багаже поискал, проверил: оказывается, годен еще на полтора года...

– Господи, Влас Михайлович... И слышать не желаю об этом! «Попал в руки»! Как попал?! Впрочем, не желаю знать! – Сытин картинно заткнул уши и направился к дверям, укоризненно качая головой.

– А что? Фотографической карточки в паспорте нет. Описание владельца? – Дорошевич прикрыл глаза, вспоминая истинного владельца паспорта, с коим судьба столкнула его на борту парохода, прибывшего в Индию. – Блондин, рост, брови, нос... Ну, все это, думаю, можно и поправить...

– То есть как это – «поправить»? – Сытин немедленно развернулся от дверей, сверкнул на Дорошевича стеклышками очков. – Вы имеете в виду – подделать?! Да вы с ума сошли, Влас Михайлович! Раздобыли неизвестно как паспорт иностранца, вместо того, чтобы вернуть его владельцу – припрятали и привезли в Россию. Теперь хотите подделать документ чужой

страны! Ей-богу, ушам своим не верю! Будто не в редакции солидной газеты разговор идет, а в разбойничьем притоне каком-то!

Сытин подскочил к столу, за которым картинно развалившийся Дорошевич продолжал играть каменными пресс-папье и чему-то улыбаться.

– Чему вы смеетесь, Влас Михайлович? Я гляжу, поездка на Сахалинскую каторгу и долгое житьё среди тамошнего преступного элемента оказали на вас ужасное влияние! – Сытин погрозил собеседнику пальцем. – Я зна-а-аю, что вы до сих пор получаете с Сахалина письма от этих... этих...

– Разбойников и душегубов, – подсказал Дорошевич. – Признаться, я иной раз и отвечаю им – они же люди, в конце концов!

– Цвет отечественной журналистики переписывается с каторжанами! – Сытин буквально упал в кресло перед столом.

– И не только переписывается, – поддразнил Дорошевич. – Я ведь, Иван Дмитриевич, теперь и личное знакомство с некоторыми каторжанами вожу – и бывшими, и будущими, надо думать... Меня ведь и в знаменитый кабак «Каторга», что на Сухаревском рынке, честью приглашали.

– И вы пошли?!

– А что? – пожал плечами Дорошевич. – Сходил, выслушал комплименты в свой адрес. Получил заверения что ни меня, ни жилья моего никто отныне не тронет! И обращаться просили непременно, коли в чем нужда будет...

– Зарезать кого, убить, – с горькой насмешкой подсказал Сытин, и тут же, не выдержав, закричал, сорвав с носа очки. – Вы меня без ножа режете своими авантюрами, Влас Михайлович! Право, иногда и меру знать надобно!

– Надобно, надобно, Иван Дмитриевич, – кивнул Дорошевич, напряженно размышляя о чем-то. – А за подсказочку спасибо! Ай, спасибо, Иван Дмитриевич!

Глава вторая

Сахалин – Хоккайдо

Капитан японской шхуны, стоявшей на рейде Маоки, заметно нервничал, и все время поглядывал во все стороны, словно ожидая появления русских броненосцев. Тем не менее Демби и Агасфер настояли на том, чтобы солдаты помогли демонтировать основные узлы рыбоконсервной линии и перенести их на судно.

Последним по сходням на борт поднялся Демби с неизменной короткой трубочкой в зубах. Маленький Андрей второй день капризничал и хныкал – по уверению Насти, у него лез первый зуб. Проводив жену с сыном в единственную свободную крохотную пассажирскую каюту на судне, Агасфер не утерпел и снова вышел на палубу. Старый шотландец стоял у фальшборта, крепко держась за него двумя руками, и глядел на опустевший берег, на котором продолжали суетиться японские солдаты. Демби коротко глянул на подошедшего компаньона, скривил угол рта в улыбке:

– Хороший был уголок для жизни! Не правда ли, мистер Берг?

– Да-а, – неопределенно протянул Агасфер.

– Здесь, в Маоке, родились все мои дети! – неожиданно заявил шотландец. – Сначала, в восьмидесятом году, первенец Альфред, через год Тедди, а потом Лизи и Джордж и последыш, малыш Джон-Ваня. И крестил я их всех на Сахалине, в Анивской церквушке... Вам, видимо, трудно понять эти чувства, мистер Берг – когда навсегда оставляешь место, где впервые заголосило твое дитя...

– Ваши дети крещены по православному обряду? – удивился Агасфер, который за несколько месяцев тесного общения со стариком-шотландцем почти ничего о нем не знал.

– Вас это удивляет? – хмыкнул Демби. – Я же русскоподданный, мистер Берг! Я немало пошатался по свету, а женился в Хакодате, на православной японке, Мэри Моритака, по-русски именуемой Анной Рудольфовной Монетесса. Хакодате – известное гнездо православия в Японии, мистер Берг! Городишко небольшой, на самом юге Хоккайдо – но чертовски уютный, если вы понимаете, о чем я говорю, мистер Берг!

Агасфер машинально кивнул, дивясь про себя неожиданной разговорчивости старика. Причина стала понятной, когда тот извлек из внутреннего кармана сюртука плоскую объемистую фляжку, отхлебнул из нее и протянул спутнику.

– Да, Хакодате стал первым местом после Шотландии, где я решил построить свой дом и жениться, – кивнул Демби. – Потом я купил пару домов в русском Владивостоке. У меня есть домовладение и в Гололулу... Знаете это местечко?

– Разумеется, Георгий Филиппович! – решил блеснуть Агасфер. – Этот город на острове Оаху Гавайского архипелага, как и вся куча островов, едва не попали под протекторат России. И если бы наш прежний государь, Александр I, в свое время проявил чуть больше решительности, в Гонолулу нынче говорили бы по-русски! Раздор между полинезийскими королями островов дошел до того, что один из них попросился под русский протекторат во время визита на остров корабля Русско-Американской компании.

– Никогда не слышал об этом! – подивился Демби. – Я думал, что там всегда хозяйничали американцы!

– Русские впервые появились в этом уголке Тихого океана во время кругосветки Крузенштерна, позже остров стал координационной точкой для кораблей, курсирующих между Азией и Америкой. Потом на Гавайи положила глаз Русско-Американская компания, и, в частности, русский натуралист, путешественник и авантюрист Георг Шеффер. Он уже практически договорился с полинезийскими королями островов! Однако Александр I, желая показать Британии и американцам пример отказа от захвата новых земель, отклонил проект Компании по при-

соединению к России Гавайев¹. Американцы тут же снарядили экспедицию, которая разгромила три форта и все фактории, построенные русскими, а также перестреляла трех русских и с десяток гавайцев, успевших перейти в православие. И со временем Америка аннексировала весь архипелаг...

– Черт поberi, мистер Берг! – изумился Демби, вновь протягивая собеседнику фляжку. – Вы слишком образованы для коммерсанта! Откуда вы знаете все на свете?

Сделав «глоток вежливости», Агасфер пожал плечами:

– Ну, во-первых, я слишком долго просидел в одной замечательной библиотеке². А во-вторых, знать все на свете просто невозможно, Георгий Филиппович! Я вот, к примеру, понятия не имел, что у вас пятеро детей и православная супруга-японка. Если честно, то полагал, что вы – авантюрист-одиночка, в свое время перессорившийся со своими шотландскими родителями и отправившийся странствовать по свету.

– Я не великий любитель поболтать, – признался Демби. – И не такой уж любитель одиночества. Моей супруге тоже очень нравилось это место, и она с сожалением покинула Маоку после рождения последнего ребенка: старшие к тому времени подросли и не могли продолжать жить тут маленькими дикарями. Расставание с местом, где родились дети, меня сильно задело... И раз уж у нас начался «вечер признаний», хочу кое о чем с вами поговорить, мистер Берг! Чтобы больше не возвращаться к этой теме...

Шотландец спрятал фляжку и повернулся к Агасферу всем корпусом.

– Вы мне весьма нравитесь, мистер Берг – так же, как ваша очаровательная жена и сынишка! И моим домашним наверняка придется по душе, будь я проклят! Не сомневаюсь, что не сделал ошибки, предложив вам угол в своем доме в Хакодате. Дом, как я уже упоминал, достаточно большой. К тому же мой первенец, Альфред, практически «отпочковался» от семьи, женился и завел собственное дело в Нагасаки. Но кое-что меня настораживает, мистер Берг! Можете сколько угодно смеяться над моей шотландской мнительностью и подозрительностью, но ваше общение с японским пехотным капитаном кое в чем меня насторожило.

Демби помолчал, сердито посвистел погасшей трубкой.

– Будь я проклят, если это не японский шпион, мистер Берг! Я несколько раз видел его во Владивостоке, где господин Танака щеголял во фраке и представлялся коммерсантом. Мне кажется, у него этих имен больше, чем на собаке блох: я своими ушами слышал, как капрал называл его господином Осаму. Но, в конце концов, черт с ним – Танака он или Осама. Дело в вас, Майкл! Что-то мне подсказывает, что и вы такой же коммерсант, как и он. Только играете за другую команду.

Агасфер заставил себя громко рассмеяться:

– Вы не только подозрительны, но и обладаете большой фантазией, Георгий Филиппович! Я действительно знаком с этим японцем и разделяю ваши убеждения в том, что он шпион. Более того: признаюсь, что он и мне делал кое-какие предложения, выходящие за рамки чистой коммерции. В России меня никто не ждет с распростертыми объятиями: я за свою жизнь успел испортить отношения со многими сильными мира сего. Но быть шпионом! Вы когда-нибудь слышали о шпионе-калеке?

Демби несколько смутился и отчаянно замахал своей трубкой:

– Не знаю, право... В конце концов, история знает несколько весьма талантливых одnogлазых полководцев – тот же британский адмирал Нельсон, генералиссимус Кутузов... Но, как бы там ни было, я не потерплю никаких игр в «рыцарей плаща и кинжала» в моем доме, мистер

¹ Исторический факт. – Здесь и далее прим. автора.

² Имеется в виду почти двадцатилетнее пребывание Агасфера-Берга в монастыре Ясна Гура (Южная Польша), где он был хранителем монастырской библиотеки (см. роман «Старьевщик»).

Берг! Тем более если в эти игры начнут втягивать меня или мою семью. Делайте выводы сами, мистер Берг!

Словно нивелируя безапелляционный тон мирными действиями, Демби снова выудил из кармана фляжку, протянул ее Агасферу, предварительно основательно угостившись сам.

Тем временем японская команда по свистку капрала выстроилась на берегу в одну шеренгу, дружно повернулась и затопала к борту судна.

– Ну, вот, кажется, и все! – буркнул Демби. – Скоро будем, видимо, отправляться. Черт возьми, хорошо, что ваши норвежцы успели поставить и смонтировать только одну консервную линию на нашей фабрике, мистер! Японское правительство, без сомнения, уже с удовольствием приписало ее к числу военных трофеев, и не видать ее нам, как своих ушей! Вы обратили внимание, мистер Берг, сколь тщательно солдаты собирали всё до последнего болта? Чисто хозяйски!

– Насколько я понял, это специальная трофейная команда, – кивнул Агасфер. – Вообще любопытный народец эти японцы... Кстати, Георгий Филиппович, вы не обратили внимания – они не слишком старательно копались в канализационном коллекторе?

– Чего ради? – не сразу понял шотландец. – А-а, вы имеете в виду останки вашего учителя, которые мы с вами не слишком почтительно спустили под доски слива? Да, надо было, конечно, отнести труп подальше в тайгу – там лисицы и росوماхи давно бы «утилизировали» все следы... Впрочем, с чего бы японцам лезть в чужое дерьмо?

– Надеюсь, что у них нет оснований, – согласился Агасфер.

– Поэтому давайте не будем спешить требовать поставок всего оборудования – пока мы не прибудем в Японию, и я кое с кем не переговорю по этому поводу, – не совсем логично закончил тему Демби. – Признаться, у меня есть хорошие знакомые из числа власть имущих по ту сторону пролива...

– Не по линии вашей супруги – японки, Георгий Филиппович?

– Женщины в Японии не лезут в дела своих мужей, – покачал головой Демби. – Нет, я имею в виду своих деловых знакомых. И если они не гарантируют нам соблюдения права частной собственности в военное время, придется искать место для нашей фабрики где-нибудь в нейтральной стране!

– Надеюсь, дело до этого не дойдет! – вздохнул Агасфер. – Ладно, пойду погляжу, как там устроились Настенька с Андрюшкой...

Совершив в свое время плавание на паровом катере губернатора Сахалина Ляпунова от поста Дуэ до фактории в Маоки, Агасфер пребывал в уверенности, что уже знаком с пассажирскими закутками на маломерных судах. Однако, открыв дверь в каюту, предоставленную капитаном шхуны его семье, он понял, как жестоко ошибался. С относительным комфортом там на единственной полке-койке расположился только его сынишка. Настя, пристроившаяся рядом с капризничавшим малышом, лежала, по сути дела, на подставленных к полке мешках и узлах с немногим имуществом. Для второго человека в каюте просто-напросто не было места – если не считать таковым складной столик у иллюминатора и откидного сиденья у самой двери, рядом.

Обернувшись на звук открываемой двери, Настя тут же приложила палец к губам: малыш только что уснул. И виновато пожала плечами, словно извиняясь за конструкторов, опрометчиво назвавших эту каморку каютой.

Проверяя свои шансы на ночь, Агасфер попробовал устроиться на откинутах сиденье и сложить ноги на таком же столике, но уже через несколько минут убедился, что это совершенно невозможно. Помучавшись несколько минут, он с трудом разогнулся, выбрался из каюты и отправился на поиски капитана шхуны или господина Осама с просьбой как-нибудь устроить и его: плыть до японских берегов им предстояло более двух, как ему сообщили, суток.

Скоро, однако, он убедился, что вторая каюта, предоставленная шотландцу Демби, была еще меньше. А Танака-Осама намеревался спать под натянутым на носу суденышка брезентом, рядом со своими солдатами. Остальная часть палубы была завалена снастями, бухтами канатов и ящиками с демонтированной консервной линией. Что касается матросов-рыбаков и самого капитана, то они, как выяснилось, уже натянули для себя сетки-гамаки в небольшом трюме, обычно предназначенном для улова. Пахло в трюме так, что Агасфер поспешно закрыл люк и отскочил к фальшборту.

– Придется нам, мистер, спать в моем «собачьем ящике» по очереди, – невесело прокомментировал поиски Агасфера шотландец. – Хвала святому Патрику, я захватил с собой достаточно «снотворного», – и он с удовлетворением похлопал рукой по карману с булькнувшей флягой.

Между тем качка усиливалась: рулевой по команде капитана уходил все дальше от берега острова, который хоть немного прикрывал шхуну от порывов вечно дующих в Татарском проливе ветров. О причине такого маневра догадаться было нетрудно: японский капитан знал о наличии у защитников южной части Сахалина нескольких стволов береговой артиллерии, и не хотел искушать судьбу.

С наступлением ночи шхуна миновала юго-западную оконечность острова и попала во власть ветров и волн Лаперузова пролива. Капитан не стал зажигать ходовых огней: шхуна шла хоть и в нейтральных водах, однако при этом в опасной близости к обычным маршрутам русских боевых кораблей. Господин Осама, составивший ненадолго компанию Агасферу у фальшборта, мрачно кивнул на застывшего у потушенного до поры до времени прожектора вахтенного матроса:

– Дальше будет еще опаснее, барон: скоро мы попадем в зону ответственности японских морских патрульных кораблей, которые прикрывают на дальних подступах Хоккайдо. У наших военных моряков хорошая немецкая оптика, будь она проклята: заметив судно без ходовых огней, они могут открыть огонь еще до того, как наш сигнальщик отстучит прожектором условный сигнал.

– Боюсь даже подумать о том, что ваш сигнальщик может ненароком ошибиться, – проворчал Агасфер. – Не говоря уже о том, что кому-то в военно-морских штабах могло прийти в голову сменить за последние сутки опознавательный световой сигнал «свой-чужой».

– Бойтесь, господин барон? – насмешливо спросил Осама.

– Когда под ногами земная твердь, а в руках оружие, я никого и ничего не боюсь! – парировал Агасфер. – А тут, в открытом море, на этой скорлупке, которую швыряет из стороны в сторону и с боку на бок, чувствуешь себя абсолютно беспомощным...

– Не будьте эгоистом, Агасфер! – уже без улыбки прервал его японец. – Наше командование послало это судно специально за вами, а вы жалуетесь! Представьте себе чувства мирных рыбаков, которые рискуют из-за вас – вместо того, чтобы мирно и привычно ловить рыбу под защитой береговой артиллерии Японии или ее боевых кораблей! Нужно верить в свою судьбу и не пытаться ее обмануть!

Пока Агасфер соображал, что именно хотел сказать последней фразой японец, тот круто повернулся и ушел к солдатам под брезент.

Через четверть часа к Агасферу подошел, цепляясь за снасти, шотландец. Он привычно протянул спутнику свою фляжку, приложился к ней сам и предложил идти и немного подремать в свой «ящик».

– Однако сомневаюсь, чтобы вы смогли там уснуть, мистер Берг, – «оптимистически» напутствовал он Агасфера. – У этой полочки, которую они называют койкой, нет даже защит-

ной боковой доски. Я задремал было пару раз, однако всякий раз просыпался на полу, заставленном проклятыми ящиками и прочим барахлом. Привязаться нечем, да и не к чему: я не заметил на переборке никаких креплений и крючков, сколько ни искал...

– Тогда я лучше составлю вам компанию и останусь здесь, – решил Агасфер. – Должно же все это когда-нибудь кончиться!

Под утро шхуна попала в обширную область густого тумана. К тому же берега Хоккайдо были, очевидно, совсем недалеко, и капитан велел зажечь ходовые огни. Туман они, разумеется, не рассеяли, но, как рассудил Агасфер, все же сделали шхуну более уютной.

На востоке ощутимо посветлело, однако туман и не думал сдаваться. Казалось, наоборот: его клочья и полосы превратились в сплошную серую мокрую кипу облаков, облепивших судно со всех сторон. Однако утро неумолимо наступало, вскоре туман начал редеть, и в его просветах по левому борту начало мелькать нечто более темное, чем волны, по-прежнему зло бьющие в борта шхуны.

Ветер усилился, и капитан выкрикнул команду убрать часть парусов, и болтанка ощутимо уменьшилась. Не успел Агасфер поинтересоваться у ухитрившегося дремать стоя Демби причинно-следственной связью этого явления, как шотландец, изрядно нагруженный «снотворным», побрел в свой «ящик» в надежде хоть немного поспать.

Вскоре капитан приказал сбавить обороты двигателя, и болтанка снова вернулась. Вместе с ней к Агасферу вернулся и господин Осама.

– Почему мы резко сбавили ход? – поинтересовался у него Агасфер. – Я не морской человек, конечно, но, рассуждая логически, с рассветом можно было бы и наоборот, прибавить обороты...

– Я тоже не моряк, но, в отличие от вас, барон, знаю, что мы находимся у северо-западной оконечности Хоккайдо, – буркнул японец. – Здесь начинаются минные поля, а, кроме того, мы в любую минуту можем столкнуться с патрульным кораблем Императорского флота, который потребует немедленной остановки для проверки. Если судно промедлит с выполнением приказа, патруль может открыть огонь. Это будет обидно, господин барон: проделать такой путь и погибнуть от сорвавшейся с якоря мины или от излишней ретивости какого-нибудь лейтенанта-артиллериста.

– Накаркали, господин Осама! – тут же ответил Агасфер, кивая на вынырнувший из тумана силуэт канонерской лодки.

С судна в шхуну тут же ударили мощные прожектора, на боевом корабле взвыла сирена и отчетливо послышались колокола громкого боя – сигнал тревоги.

Капитан шхуны тут же приказал убрать последние паруса и застопорить машину. Матрос-сигнальщик отчаянно стучал рукояткой шторок прожектора, подавая на канонерскую лодку сигнал «свой».

Канонерка, дымя трубами, приближалась. Агасфер скоро и без бинокля увидел орудие главного калибра, нацеленное на шхуну и невольно поежился. Тем временем капитан выстроил своих матросов вдоль правого борта и встал рядом с ними с рупором в руках.

– Идите сюда. Под брезент! – крикнул Агасферу Осама.

– А почему вы не покажетесь вместе с солдатской командой? – не утерпел Агасфер.

– Ненужные объяснения, – ответил тот. – Если командир лодки ограничится дальней визуальной проверкой, шхуне просто разрешат идти дальше. Если с канонерки заметят солдат, даже своих и с офицером, детальная проверка неминуема. У меня есть письменный приказ и прочие бумаги, но для их проверки нас непременно отконвоируют в ближайший порт, будут

связываться с высоким начальством. Потом разрешат следовать дальше, но мы потеряем много времени...

– Понятно...

– Издержки всякой войны – повышенная бдительность, – продолжил Осама. – У командира каждого морского патруля есть реестр рыболовных судов, приписанных к ближайшим портам. Наша шхуна приписана, к сожалению, к порту Хакодате, и, по идее, вообще не должна вести промысел у западного побережья. Это может насторожить военных моряков – хотя все знают, что рыбаки-японцы рыбачат там, где есть рыба, то есть везде.

Приблизившись примерно на четверть морской мили³ к шхуне, канонерка застопорила ход, сирена там смолкла, и в наступившей тишине раздался голос японского командира, усиленный рупором. Капитан шхуны что-то рявкнул в ответ.

Переговоры были недолгими. Обменявшись паролем-отзывом и убедившись, что перед ним действительно мирные японские рыбаки, командир канонерской лодки выругал их на прощанье за большое уклонение от разрешенной акватории моря. На канонерской лодке отчетливо прозвучал сигнал отбоя боевой тревоги, и судно стало разворачиваться, возвращаясь на приписанный маршрут. Немного погодя и капитан шхуны дал своему экипажу команду запустить двигатель и поднять паруса.

– Хорошо, что лодка уходит в попутном нам направлении, на юг, – прокомментировал Осама. – Командир наверняка предупредит остальные патрули о возвращающейся в Хакодате рыбацкой шхуне, и останавливать нас, скорее всего, больше не будут...

– Значит, следующая остановка – Хакодате? – с надеждой поинтересовался Агасфер.

– Если бы! – криво усмехнулся японец. – Сангарский пролив⁴ вплотную заминирован на случай русского десанта. У входа в него придется останавливаться и брать лоцмана. А поскольку подойдем к нему мы уже в темноте, то придется провести на шхуне еще ночь, ждать рассвета на якоре.

Агасфер и подошедший Демби мрачно переглянулись. Осама рассмеялся:

– Потерпите, господа! Как только канонерка скроется из виду, я подниму своих солдат. Они немного разомнутся, а вы сможете отдохнуть на их месте. И даже поспать – если вблизи не появится другой военный корабль!

Пока шхуна весь день трудолюбиво тарахтела мотором вдоль западного побережья Хоккайдо, Агасферу удалось несколько часов поспать под солдатским брезентом – правда, не столько, сколько хотелось. Но помехой на сей раз оказались Настя с Андрюшкой, выбравшиеся из каютки подышать воздухом и размяться. Сынишка, надышавшись морским воздухом, повеселел и перестал кукситься. А вскоре, убаюканный ровной качкой, уснул прямо на палубе, на заботливо расстеленной шубе из багажа.

Агасфер и Настя стояли рядом у фальшборта, глядя на проплывающие мимо гористые берега, чуть тронутые дымкой. Столь же безлюдные, как и берега Сахалина, все же это были чужие берега. Как-то их встретит эта земля?

Второй рассвет в Японском море, у южной оконечности Хоккайдо, Агасфер встретил на ногах. Стоял он по-прежнему у левого борта, вглядываясь в проявляющиеся вместе с рассветом очертания какой-то деревушки...

Агасфер нахмурился: что же, неужели он забыл, как именуется эта деревушка? Прикрыл глаза: ну, конечно же, княжество Мацумаэ, первое этническое японское поселение на этом

³ Одна морская миля равна примерно 1853 метра.

⁴ Сангарский пролив отделяет самый северный остров Хоккайдо от другого крупного острова – Хонсю.

острове! Соседний, более южный Хонсю был перенаселен, и колонисты, несмотря на более суровый климат, потихоньку, начиная с XVI века, перебирались сюда, на исконные территории айнов. Опасаясь воинственных аборигенов, японцы с Хонсю не считали остров Эдзо японской землей и ютились на самом его юге. Лишь летом они позволяли себе короткие торговые вояжи на север острова, но к зиме непременно возвращались на свой юг.

Агасфер невольно вздохнул: его друг Эномото... Это ради него он вступил в тот отчаянный поединок на крыше вагона. Потерял левую руку, семью, невесту... А «приобрел» только всероссийский полицейский розыск, да гнев государя, Александра II, который так никогда и не узнал, что юный прапорщик Мишель Берг вступил в бой и за его честь...

Эномото, выполнив в России важную дипломатическую миссию, очень хотел забрать своего искалеченного русского друга Мишеля Берга с собой, в Японию. Но тот отказался от роли «вечного живого укора». И в своем прощальном письме лишь нетвердо, с оговорками, обещал когда-нибудь приехать повидаться... Но кто мог тогда, 20 с лишним лет назад, знать – *как* ему придется приехать. В качестве *кого*?

И еще размышлял Агасфер о причудах капризной дамы по имени Судьба. Почему сложилось так, что пригласивший его под свой кров Демби из всех городов и городишек Японии выбрал для своего дома именно Хакодате? Там, куда некогда мятежный морской офицер Эномото некогда увел свою эскадру. Там, в пятибашенном замке Горёкаку, Эномото провозгласил первую в Азии парламентскую республику, с президентом во главе. В Хакодате многое будет напоминать Агасферу об Эномото и его нелегкой судьбе. И невольно сопоставлять судьбы – свою и его...

Поднимающееся солнце окрашивало резко очерченные силуэты пологих гор в розовый цвет. Горы подступали к самому морю, их склоны сплошную были изрезаны террасами, на которых белели клочки маленьких полей. Там и сям, словно игрушечные, виднелись домишки с причудливыми крышами.

Идиллическую картину подчеркивали посвисты ветра в снастях шхуны, стоявшей с вечера у входа в Сангарский пролив: дальше без лоцмана двигаться было нельзя. Со шхуны уже дважды сигналили, вызывая его, но лоцман, похоже, крепко спал – или проверял нервы у измученных дальним рейдом рыбаков.

Наконец на причале началось какое-то движение, и вскоре от него отвалило две лодки, направившиеся к шхуне. Через несколько минут на палубе оказались лоцман в синей униформе и два армейских офицера, которые тут же вступили с Осамой в перепалку – причем говор пришлых был настолько быстр, что Агасфер почти ничего не понимал.

Пришлые офицеры бушевали до тех пор, пока Осаму не достал и предъявил им какую-то бумагу казенного образца – после чего аборигены мгновенно смолкли, лихо отковыряли и поспешили ретироваться, оставив порядком рассерженному долгим ожиданием господину Осаме на растерзание лоцмана. Однако тот быстро сориентировался и поспешил к капитану на мостик.

Агасфер приблизился к японцу и поинтересовался:

– Насколько я понимаю, лоцман и эти офицеры никак не могли предположить, что выдерживают на рейде столь высокопоставленную персону, как капитана-разведчика Второго отдела Императорского Генерального штаба со своей командой и даже «трофеями» в нашем с Демби лице. Не так ли, господин Осама?

Тот несколько натянуто улыбнулся:

– Да, примерно так, господин барон. Только я что-то не припоминаю, чтобы говорил вам о своей службе во Втором отделе Генштаба. Речь до сих пор шла, если я еще не сошел с ума, о Кансейкеку. Как это у русских – «откуда дровишки», господин Агасфер?

Тот пожал плечами:

– Как вы знаете, я одно время служил чиновником для особых поручений при военном губернаторе Сахалина. Одной из моих обязанностей было ознакомление с секретными документами. Структура японской разведки была своевременно доведена до губернатора – правда, я не совсем понимаю – для чего ему были эти тонкости? Ну а я никогда не манкировал своими должностными обязанностями, господин капитан!

– Понятно! – неопределенно отозвался японец.

«Сваливая» свою информированность на сахалинский период своей службы, Агасфер немного рисковал: он вовсе не был уверен в том, что при штабе Ляпунова не было человека, работающего на разведку Японии. Вопрос был в том, поверит ли японский разведчик в то, что губернатора самого отдаленного региона России исправно информировали о постановке разведки в Японии? Если поверит – значит, японского «присмотра» за Ляпуновым не было. Если не поверит – значит, господин Осама точно знал все, о чем говорилось в ближайшем окружении губернатора.

Осама ухмыльнулся, одновременно и незаметно для себя сваливая камень с души Агасфера:

– Что ж, добросовестное выполнение своих обязанностей никогда не было отягчающим для офицера обстоятельством! Кстати, во время прохода коридора в минных полях Сангарского пролива, по идее, я должен был загнать вас в каюту – либо завязать глаза. Цените, господин Агасфер!

Тот усмехнулся: стало быть, о его феноменальной памяти японец тоже не знал. Что ж, чем больше козырей на руках, тем больше шансов выйти из игры победителем! Всмотревшись в то, что происходит на капитанском мостике, Агасфер обратил внимание на то, что лоцман пользуется не только какими-то записями, но и прибором, похожим на теодолит⁵.

– Должен сказать, что вы немногим рискуете, господин Осама! На таком расстоянии от капитанского мостика записи, с которыми сверяется лоцман, способен, вероятно, рассмотреть только какой-нибудь орел! К тому же он пользуется теодолитом...

– А вы знаете этот прибор?

Агасфер с изумлением поглядел на японца: не шутит ли он?

– Помилуйте, господин Осаму! Я хоть и отставной, но все же офицер саперного батальона! Мы спали в обнимку с этими приборами во время полевых учений и съемок местности! Не полагали же вы, что у лоцмана чисто японское секретное изобретение? Теодолиту не менее пары-тройки тысяч лет!

Строго выполняя все команды лоцмана, рулевой шхуны буквально взмок, не успевая крутить штурвальное колесо и заставляя судно описывать в море весьма сложную кривую. Нашлась работа и капитану, стоявшему рядом: пробираясь по коридору в минных полях самым малым ходом, нужно было не только маневрировать рулем, но и делать весьма сложные поправки на ветры, постоянно дующие в проливе, а также на течения.

Наконец лоцман захлопнул свою тетрадку и упрятал ее вместе с теодолитом в чемоданчик. Получив положенную мзду, он спустился в подтянутую матросами лодку и взялся за весла.

До Хакодате было еще 40–50 миль пути – несколько часов хода, и Демби решил было воспользоваться случаем и попросить лоцмана отправить из своей деревушки телеграфную депешу супруге – предупредить ее о своем возвращении и необходимости подготовить комнаты для гостя – Агасфера с семейством. Однако лоцман сделался вдруг слеп и глух к просьбам гэйдзина⁶, и с неохотой взялся выполнить просьбу шотландца только после вмешательства капитана шхуны, но, главным образом, после вмешательства господина Осамы.

⁵ Теодолит – измерительный прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при геодезических работах, топографических, геодезических и маркшейдерских съемках, в строительстве и т. п. Был изобретен еще древнегреческим ученым Героном Александрийским, жившим приблизительно около 1 в. до н. э.

⁶ Гэйдзин – полупрезрительное именование японцами иностранцев, европейцев. Означает примерно: «чужак», «неяпо-»

После отбытия лоцмана весь экипаж шхуны, включая пассажиров и солдатскую команду, явно повеселел: конец пути был уже близок. Пользуясь попутным ветром, капитан велел увеличить парусность, и судно скользило по спокойному морю с приличной скоростью.

– Только здесь, в середине пролива, и можно устроить небольшую регату, – сообщил Агасферу господин Осама. – Чтобы выбраться из Цугару⁷ в Тихий океан или, наоборот, пробраться сюда с востока, приходится преодолевать такие же минные поля. Ничего не поделаешь: издержки военного времени! Владельцы участков земли с термальными источниками, куда до войны неиссякаемым потоком ехали лечиться и отдыхать на водах тысячи богатых людей, весьма недовольны: они терпят огромные убытки! Как, впрочем, и десятки тысяч ремесленников, мастеров для туристов различные поделки и сувениры.

– Черт бы побрал все эти ваши войны! – буркнул незаметно подошедший Демби. – Если они и приносят кому-то удовольствие, так это военным подрядчикам! Остальная торговля страдает! Пока не началась вся эта кутерьма, «Семенов и Демби» отправляли в Китай чертову уйму тюков морской капусты и сушеной трески. А теперь?

– Ну-ну, господин Демби, успокойтесь! Теперь вы с господином Бергом напали, кажется, на настоящую золотую жилу! – попытался успокоить шотландца Осама. – Я имею в виду производство консервов из рыбы. Не забывайте, что у нас в трюме пробная партия ваших консервов, которую я намерен представить экспертам Генерального штаба. Скажу вам по секрету: учитывая неурожай риса в этом году и определенные трудности, связанные с интендантским снабжением наших войск на огромной территории боевых действий... В общем, я не думаю, что наши генералы-интенданты будут долго размышлять – закупать или не закупать столь нетрадиционный для Японии продукт? И когда вам поднесут на блюдечке солидный военный контракт – вот тогда мы поглядим, куда поддается ваше дурное настроение и проклятия в адрес тех, кто ведет войны! Как вы считаете, господин барон? Ведь вы счастливый совладелец рыбоконсервной фабрики?

– Радоваться пока рано, господин Осама! Насчет участка земли с факторией в Маоке вы нам с господином Демби уже все объяснили: на эту землю у правительства Японии свои планы. А судьба оборудования, сложенного на палубе, тоже пока неясна. Если его сочтут военным трофеем, то и будущие барыши будут подсчитывать совсем другие люди, а не мы с господином Демби!

Время в такой полушутливой – полусерьезной пикировке летело незаметно, и вскоре капитан шхуны велел убрать паруса и сбавить обороты машины: судно приближалось к порту Хакодате, прилепившемуся к широкой косе, далеко выдающейся в море. Проскочив рыбный порт – сдавать рыбакам шхуны было нечего – и начинающийся прямо от причала Утренний рынок⁸, судно совсем сбросило ход, и по команде старшины портовой команды, машущего флажками как ветряная мельница, наконец причалило.

– А вот и мое семейство, благослови его святой Патрик! – воскликнул Демби, бесцеремонно хватая Агасфера за рукав и показывая на группу людей, энергично пробивающихся к причалу. В самом хвосте процессии мелко семенила одетая в смешанный японо-европейский наряд женщина, высокая прическа которой была покрыта по-русски, цветастым платком. – Привет, Анна Рудольфовна!

Скорее не услышав, а почувствовав, что к ней обращаются, православная японка Мэри Моритака остановилась, обернулась куда-то назад и вбок и с поклонами закрестилась, благодаря Бога за то, что муж снова вернулся к ней и детям живым. Вслед за ней начали по-право-

нец».

⁷ Цугару – второе название Сангарского пролива, употребляемое чаще местными жителями.

⁸ Утренний рынок (или Аса-ити) – одна из достопримечательностей Хакодате. Много десятков лет он открывается в 4 часа утра, и к полудню его прилавки уже пустеют. Здесь продают и покупают только что выловленную рыбу и прочие морские деликатесы. А окрестные ресторанчики, облепившие рынок, соревнуются в рецептах супов из морепродуктов.

славному креститься и кланяться в сторону невидимого со шхуны храма взрослые и маленькие дети, японская прислуга многочисленного семейства.

Агасфер обнял жену, стоявшую рядом с сынишкой на руках, заглянул в глаза и кивнул головой, успокаивая: все будет в порядке!

Словно подслушав, подал голос и господин Осама:

– Все будет в порядке, господа! За багаж и оборудование не беспокойтесь: мои солдаты доставят ваши вещи прямо домой к господину Демби. А за оборудованием консервной линии тоже присмотрят, разгрузят и перевезут его на один из местных складов – до решения вопроса о принадлежности. Господин барон! Я хотел бы сказать вам пару слов приватно!

Отведя Агасфера в сторону, господин Осама, все еще улыбаясь, сказал:

– Сегодня, конечно, отдыхайте, барон! Приходите в себя после нелегкого путешествия. Однако завтра утром, в десять часов, у дома Демби вас будет ожидать посыльный, который ответит вас в местное отделение полиции...

– Полиции? – удивился Агасфер.

– Наша специальная служба не строит, подобно европейцам, офисы в каждом заштатном городишке, господин Агасфер! Мы активно сотрудничаем с местными отделениями полиции. Подготовьте вашу супругу – думаю, что скоро вам с ней придется покинуть гостеприимный дом Демби и Хакодате вообще. Это произойдет не завтра, разумеется: данные вопросы решаю не я...

Глава третья

У Малого Сухаревского переулка извозчик решительно натянул вожжи, снял шапку и наполовину обернулся к странному седоку:

– Извиняйте, барин, а тока дальше я не поеду! Тута место такое, что заедешь с лошадыю, а вертаться без нее придется. Ежели башку не снесут ишшо...

Делать нечего, не поедет ведь... Дорошевич вылез из экипажа, сунул извозчику обещанный полтинник, обеими руками поправил на голове шляпу и зашагал по переулку, стараясь не обращать внимания на темные фигуры в арках тесно сдвинутых домов и подворотнях.

При виде прилично одетого господина фигуры зашевелились, но дорогу заступить никто не посмел: так смело тут мог шагать только свой, либо кто из сыскного.

К счастью, переулок, вплотную состоящий из домов терпимости и «номеров» на совсем короткое время, был недлинен. Дойдя до пересечения с Трубной улицей, Дорошевич поискал глазами вывеску часовщика и поспешно толкнул звякнувшую колокольчиком дверь.

Часовщик, несомненно бывший и скупщиком краденного, поднял на звонок голову, немного удивился приличному виду посетителя, но виду не подал.

– Чем могу служить-с?

Дорошевич чувствовал себя крайне неудобно, и, как всегда в минуту смущения, выхватил из кармана летнего пальто платок и принялся полировать стеклышки пенсне. Днем, в редакции, он сказал Сытину правду: после опубликования своей «Каторги» он стал весьма популярной личностью в самых разных кругах – от светских салонов до малин Сухаревки и Хитрова рынка. И действительно, был как-то приглашен в этот воровской район одним из тех, кто чувствовал себя тут хозяином.

В знаменитый трактир «Каторга», разместившейся вольготно в доходном доме Елизаветы Петровны Ярошенко на самой Хитровой площади, в Подколокольном переулке, господина писателя доставил «черный извозчик»⁹, а несколько дюжих молодцов, одетых с претензией на приличие, уважительно проводили Дорошевича каким-то хитрым ходом в «чистую половину» трактира, куда обычным завсегдатаям и вовсе ходу не было.

За накрытым с некоторой претензией на светскость столом гостя тут ждала принимающая сторона – полдюжины людей самого разного возраста. Однако назвался коротко только один – Степаном. Он же и говорил за всех один – остальные только время от времени кивали и поглядывали на штофы. Степан выразил свое почтение господину писателю, не побоявшемуся самого страшного в России острова-каторги Сахалина. Похвалил честность и меткость описания, сообщил, что с некоторыми «героями» книги знаком лично.

Потом Степан самолично разлил по лафитничкам водку и поднял тост за уважаемого отныне и во веки веков господина писателя. Прибавив, что отныне ни ему, ни его близким никого в Москве не стоит бояться, равно как и за свое имущество. Ну а ежели какой неразумный либо залетный «штымп» посмеет обидеть господина писателя, то жалеть он об этом будет до самого конца жизни, которая станет совсем короткой и незавидной. Что же касается самого господина Дорошевича, то, буде какая нужда возникнет – ему будет достаточно лишь дать знать ему, Степану.

Отказываться пить с блатными «хозяевами» Хитровки после такого тоста было, разумеется, нельзя. Дорошевич выпил большую рюмку, закусить решился только парой печеных яиц.

По второй выпили уже по инициативе писателя – он поблагодарил за «привет и ласку». И, осмелев, поинтересовался у Степана – куда ему обратиться, ежели что?

⁹ «Черными извозчиками» называли подручных, прикормленных людей, помогавших налетчикам и ворами и с места происшествия быстро скрыться, и «нечаянные» трупы вывезти и «утилизировать».

– Сами понимаете, уважаемые: до Подколокольного переулка я могу просто не дойти – по причинам, Степан, вам, безусловно, понятным.

Подумав, Степан и назвал тогда лавку часовщика – на углу Малого Сухаревского переулка и Трубной улицы (Грачёвки). Господин писатель всегда может оставить хозяину лавки записку с просьбой, а ответ будет получен через самое малое время. На том и расстались – надо сказать, с чувством обоюдного облегчения.

– Так чем могу служить, господин хороший? – столь же мягко, но уже с оттенком нетерпения повторил часовщик, чуткий нос которого уловил в воздухе некоторое амбре от выпитой Дорошевичем перед визитом водки.

– Надо бы мне человеку одному с Хитровки письмецо передать. Степаном прозывается, он же этот адрес и дал в свое время, – Дорошевич положил на прилавок запечатанный конверт с короткой запиской.

– Степанов тут много, – задумчиво нахмурился часовщик, однако конверт сбросил в ящик. – Сделаем, господин хороший, не извольте беспокоиться!

Степан протелефонировал в гостиницу «Лоскутная», где время от времени останавливался Дорошевич, собственного жилья в то время в Москве не имевший, на следующий день. Поскольку суть просьбы литератора была изложена им в записке, лишних вопросов у Степана не возникло.

– Сыщу я, господин писатель, потребного вам человечка – только извиняйте великодушно, в вашей «Лоскутной» невместно вам видаться. Запишите адрес, господин Дорошевич, – Степан назвал улицу и номер дома почти в центре Москвы. – Там имеют быть номера коммерсанта Овсянникова, а вывески, кажется, нету. Но вы смело заходите и требуйте ключ от номера пятого: там в семь часов пополудни сегодня и будет ждать потребный вам человечек. Захватите с собой фотографический портрет с указанием точного роста и особых примет, если таковые имеются. Говорить с мастером можете вполне откровенно, денежками баловать – боже упаси! Всего вам доброго, господин писатель! Рад, что хоть в малости услужить вам могу. Даю отбой!

В необозначенных номерах Овсянникова визиту Дорошевича и его требованию предоставить ключ ничуть не удивились. Гостю подали требуемый ключ и кивнули на правую часть коридора, абсолютно пустого и тихого.

Открывая дверь, Дорошевич поудобнее перехватил тяжелую трость, залитую свинцом и представлявшую собой серьезное оружие. Однако при виде ожидающего его там человека едва не рассмеялся: росточком тот был едва выше пояса Дорошевича. Соскочив со стула, на котором дожидался важного гостя, человечек оказался еще ниже, поскольку ножки в сапогах и вовсе имел короткие и кривые.

Однако лицо у человечка казалось умным, серые глаза смотрели доброжелательно, а редкая растительность на нижней половине лица делала его похожим на мальчишку, смеха ради налепившего на физиономию пряди от шиньона своей матушки.

Не теряя времени, Дорошевич сбросил крылатку и шляпу на единственную в номере кровать, уселся за стол, придвинул поближе настольную лампу и достал из кармана сюртука британский паспорт.

Человечек к тому времени успел вскарабкаться на свой стул, обтер ладони о скатерть и принялся внимательно рассматривать документ.

– Паспорт английский, поэтому записи в нем, прошу убедиться, тоже на английском языке, – словно извиняясь, подал голос Дорошевич. – Мне желательно внести некоторые изменения вот тут и тут. В первой графе упоминается про рост владельца, а второй...

– Не извольте беспокоиться, господин Дорошевич! – неожиданным басом перебил его человечек. – Я, ежели не принимать во внимание свою карикатурную личность, вполне владею и английским, и французским, и немецким языками. Приходилось иметь дело с документами

большинства стран Европы. Вам, простите за нескромность, сей паспорт для каких надобностей?

– То есть... То есть – как это для каких? – не понял Дорошевич. – Для путешествий и удостоверения личности при пересечении границ...

– То есть не только для внутрироссийского употребления, – кивнул человек. – В том числе и в самой Британии?

– Ну, там – это вряд ли...

– Уже хорошо, – перебил карлик. – Предполагается ли, что обладатель сего паспорта будет пользоваться межбанковской и международной системой безналичных расчетов, дорожными чеками, аккредитивами и прочими финансовыми документами?

– Разумеется...

– Угу! Стало быть, работа нужна серьезная, – понимающе кивнул головой карлик.

Вооружившись лупой, он внимательно просмотрел всю книжицу паспорта, указывая заказчику на незаметные для дилетанта отметки, проглядел все страницы на свет и даже поколупал кое-где бумагу и чернильные записи сточенным бритвенным лезвием.

– Работа серьезная, – повторил он. – К счастью, паспорт выдан не самой Британии, а консульским отделом Соединенного Королевства в Австралии. Как отмечено – взамен утерянного. Иными словами, это не что иное, как дубликат настоящего паспорта. И это обстоятельство внушает нам некоторый оптимизм. У вас есть фотография нового владельца паспорта, господин Дорошевич?

Литератор достал фотографию Краевского и положил на скатерть. Карлик внимательно взгляделся в лицо на фотографии, перевернул ее, убедившись, что там помечен карандашом рост и особая примета – старый шрам на кисти левой руки.

– Знаете ли вы форму этого шрама и его размеры? Отлично! Диктуйте!

Записав сообщенное на клочке бумаги, карлик вложил бумажку в паспорт и повернулся всем корпусом к заказчику.

– Документ будет готов послезавтра, господин литератор. Я буду очень стараться, тем не менее, должен вас предупредить, что использование сего паспорта господином э... Палмером в самой Британии, пересечение границ метрополии и денежные операции в оной крайне не рекомендуются!

– Стало быть, подделку могут распознать? – приуныл Дорошевич.

– Я этого не утверждаю. Заметьте, господин Дорошевич, я не задаю вам никаких лишних вопросов. Я не знаю и не хочу знать – чем будет заниматься этот человек, – карлик постучал коротеньким искривленным пальчиком по фотографии Краевского. – Однако если он обратит на себя внимание таможенников, пограничной стражи, чиновников, полиции и банкиров, то внимание к удостоверению его личности будет повышенное. У англичан глаз в этом смысле особо «набит».

– Нет, на территории Англии он не будет пользоваться этим паспортом, – решительно заявил Дорошевич.

– Что ж, в таком случае я гарантирую вам, что в любой другой стране моя работа не вызовет ни малейшего сомнения!

Поняв, что разговор закончен, Дорошевич встал, надел крылатку и шляпу и вопреки предупреждению Степана осведомился у карлика о стоимости его трудов. Тот покачал большой головой:

– Разве вам не сказали, господин Дорошевич, что для *вас* эта работа стоит ничего не будет? Всего доброго. Счастлив был познакомиться с вами! – карлик соскочил со стула и раскланялся. – Итак, послезавтра, во второй половине дня, у портье этих номеров вас будет ждать конверт с исправленным паспортом.

– Фотографию этого господина я тоже попросил бы вернуть! – вспомнил Дорошевич.

– Разумеется! Кстати, а этому вашему человеку не понадобится «липовая сара»? – уже вслед, словно невзначай, поинтересовался карлик.

– Простите? – не понял Дорошевич. – Впрочем, это, кажется название фальшивых денег? Пожалуй, что нет...

– Жаль. Я мог бы предложить вам дополнить паспортную экипировку вашего человека бумажными «фантиками» и почти золотыми соверенами¹⁰, – с надеждой предложил карлик. – Или, по вашему, господин Дорошевич, пользование фальшивым паспортом менее предосудительно, чем «липовой сарой»?

В голосе карлика звучала явная насмешка, однако тон был серьезен.

– Ну, почему же – менее? – смутился Дорошевич. – Просто в этом нет необходимости!

– Жаль! – повторил карлик. – Что «фантики», что «совки» изготовлены отменно! Я ведь, знаете ли, на Коняевском заводе¹¹ науку сию проходил! Потом: за паспорт с вас плату брать не велено, а насчет всего остального уговора не было! Так что можем доставить друг другу, как говорится, взаимное удовольствие! И возьму недорого...

– Простите, но все же я, наверное, откажусь! – решил Дорошевич. – Так что простите, господин э... вот не знаю, как вас звать-величать...

– Крохой-Матехой свои кличут. А настоящее имя свое я и позабыл. Ну, что ж, всего хорошего, господин Дорошевич! Значит, не забудьте – послезавтра! Дверь снаружи закройте, сделайте милость! А ключик от нумера портье послезавтра отдадите, в обмен на конвертик-с!

– Господин Краевский! Владимир Эдуардович! Впрочем – чего мы тут официальщину разводить будем – Володинька! Садись, дорогой, поближе – и не ужасайся! – Дорошевич усадил Краевского рядом с собой на диван и продолжил, внимательно глядя собеседнику в лицо. – Володя, редакция имеет к вам серьезное предложение!

– Слушаю вас, Влас Михайлович! – Краевский присел на край дивана, аккуратно подпернув брючину, закинул ногу на ногу.

– Редакция «Русского слова» предполагает отправить специального корреспондента в Японию. Насколько я знаю, во время войны этого не делала ни одна редакция!

– Гм... Признаться, я тоже не слыхал о подобном, – Краевский покрутил стопой ноги, озабоченно проверяя – достаточно ли тщательно начищен башмак.

– Отправить сейчас своего корреспондента в Японию! – Голос у Дорошевича стал мечтательным. – Пусть объедет всю страну, своими глазами поглядит – что там делается? И по возвращению расскажет нашим читателям всю правду – правду очевидца!

– Это было бы интересно, – кивнул Краевский, сконцентрировав свое внимание на втором башмаке.

– Редакция предлагает это вам! – торжественно выпалил Дорошевич.

От стола, за которым сидел, взявшись обеими руками за голову, Сытин, слышался чуть слышный стон.

Если Краевский и удивился неожиданному предложению, то виду не подал. Он сел ровно, сложил руки на коленях, подумал пару мгновений и кивнул головой:

¹⁰ Соверен – английская золотая монета, равная 20 шиллингам и 1 фунту стерлингов (3,375 г чистого золота). Выпуск соверенов был начат в 1817 году и продолжался с некоторыми перерывами до 1917 года. Работу фальшивомонетчиков, штампующих лжесоверены, облегчало то обстоятельство, что настоящие монеты выпускались во многих городах Британского Содружества.

¹¹ Имеется в виду основанный в конце XIX века крестьянином Ефимом Ковалевым из деревни Коняево Владимирской губернии заводик по производству серпов. Его хозяева с большим успехом практиковали также изготовление поддельных золотых монет.

– Благодарю за доверие, Влас Михайлович! Полагаю, это было бы интересным!

От стола послышался более громкий стон. Дорошевич, гневно сверкнув пенсне в сторону издателя, снова впился глазами в лицо Краевского. Ни смущения, ни сомнения, ни страха... Поистине, невозмутим, как истый англичанин!

– Что ж, я согласен, господа! – Краевский негромко рассмеялся. – Ха-ха! Таким образом, «Русское слово» «перепойнит» и саму Японию и всех своих конкурентов! Конечно, я согласен! Надеюсь, редакция подготовит мне соответствующее прикрытие?

– Разумеется, мой мальчик! Разумеется! – Дорошевич был старше сорокалетнего Краевского всего-то на неполный десяток лет, и такое обращение вызвало новую улыбку корреспондента.

– Владимир Эдуардович! – послышался от стола голос Сытина. Говорил издатель с некоторым надломом. – Голубчик, вы так быстро согласились – право, как мальчишка, которому приятели предложили слазить за яблоками в соседский сад! Как же вы так можете? Вам предлагают рискованнейшее дело, а вы смеетесь! Соглашаетесь, не подумав! Не узнавши подробностей, не выговорив условий, наконец!

– Позвольте, Иван Дмитриевич! Я знаю господина Дорошевича достаточно давно, еще с «Одесского листка», и хорошо знаю этого человека! Если он оказывает мне такую профессиональную честь и доверие – значит, у него все достаточно серьезно продумано! Я что же – должен бегать по кабинету, заламывать руки, причитать и требовать время на размышление? Извините, Иван Дмитриевич: от таких предложений ни один настоящий газетчик не отказывается!

Стеклышки пенсне снова сверкнули в сторону Сытина – на этот раз торжествующе.

– Володя, я действительно многое продумал и предусмотрел. И окончательно план вашей поездки мы будем шлифовать и шлифовать до полного блеска! Не оставим на нем ни одного спорного пятнышка! Но самое главное: вы говорите по-английски как англичанин! Как меня уверяли – совершенно без акцента! А уверяли меня настоящие англичане – помните, месяца четыре назад мы после театра заехали в один клуб и вы, дурачась, представились компании британцев как их соотечественник? Вы болтали с ними часа полтора, и никто ничего не заподозрил, пока мы сами не признались им в розыгрыше!

– Это было забавно! – кивнул Краевский. – Помнится, они так до конца и не поверили, что я не британец, а русский! Нет, я действительно готов ехать хоть сегодня!

– Авантюристы! – не выдержав, Сытин выскочил из-за стола и кругами забегал по кабинету. – Мальчишки, право слово! Мало мне было одного Власа Михайловича – так теперь и второй авантюрист в редакции завелся! Благодарю покорно! Не солидное издательство, а цирк-шапито, право слово!

– Сядьте и успокойтесь, господин издатель! И попрошу не бросаться оскорбительными намеками!

– Кроме того, *doubt generals before the decisive battle could undermine the spirit of the troops, sir*¹², – не удержавшись, вставил Краевский с той же легкой улыбкой.

Сытин, остановившись напротив него, подозрительно наморщил лоб:

– Пользуетесь тем, что я сильно плаваю в английском, господин Краевский? Вы изволили сказать что-то про генералов, мешающим своим солдатам? Слушайте, Владимир Эдуардович, а откуда вы вообще столь хорошо знаете английский и так ловко на нем объясняетесь? Только без шуток, пожалуйста! И по-русски, если можно!

Краевский не впервые слышал подобные вопросы, и, как правило, избегал исчерпывающих ответов. Вот и сейчас он пожал плечами:

¹² Сомнения генералов перед решающим боем могут подорвать дух войск, сэр (англ.).

– У меня были очень хорошие учителя, Иван Дмитриевич! Преимущественно англичане. Я, видите ли, получил домашнее воспитание: отец часто менял места службы и всегда говорил мне, что человек не в состоянии быть первым во всем. И решил, что мне надо обязательно знать в совершенстве английский язык. Он и со мной говорил только по-английски – как только ему предоставлялась такая возможность...

– А лучшую языковую практику вы, Володя, получили на английском пароходе, на который нанялись простым матросом, бросили «Одесский листок» и уехали на несколько лет куда-то на Дальний Восток, – проявил осведомленность Дорошевич. – Если не ошибаюсь, единственное, что вы тогда привезли в Одессу, был шрам на левой руке. Никаких «алмазов пламенных в пещерах каменных» – не считая языковой практики, не так ли?

– Да, с тем экипажем мне повезло! – кивнул Краевский. – В него входили практически все слои традиционного английского общества – кроме особ королевской крови, разумеется.

– А почему вы не спрашиваете, Володя, под какой «крышей» мы собираемся вас послать? – прищурился Дорошевич. – Вы же не собираетесь ехать под своим настоящим именем: японцы вас просто не пустят!

– Вероятно, у вас уже есть какое-то решение этой проблемы, – невозмутимо парировал Краевский. – Не с закрытыми же глазами мне ехать!

Дорошевич, победоносно сверкнув пенсне, бросил на колени корреспондента паспорт. Увидев его, Сытин опять застонал и вернулся за свой стол. Краевский с любопытством раскрыл серо-желтую книжицу, перекинул несколько страниц, вернулся к первой – с описанием владельца. Внимательно прочитав внесенные данные, он еще раз осмотрел весь паспорт и даже проглядел его странички на свет. Поднял глаза на Дорошевича и очень серьезно спросил:

– Это что – настоящий британский паспорт? Примите мои поздравления, Влас Михайлович: вероятно, вы потратили уйму времени на поиск моего двойника: единственное расхождение, которое я заметил – это возраст. Сэр Персиваль Палмер старше меня на четыре года. А так... Даже шрам мой упомянут в качестве особых примет. И нет ни малейшего признака подделки, черт побери! Может, вы просто подружились с кем-то из Королевской службой выдачи паспортов для путешественников из министерства внутренних дел Соединенного Королевства, Влас Михайлович?

Тот самодовольно улыбнулся:

– Значит, никаких сомнений в подлинности?

– Мне доводилось держать в руках подлинные британские паспорта, – кивнул Краевский. – Причем держать достаточно долго. Я, конечно, никогда не служил по таможенной части, либо по линии иммигрантских бюро. Однако полагаю, что если это и подделка, то подделка высочайшего качества. Ее обладателя, думаю, можно «раскусить» – но для этого потребуются очень серьезные основания и большой опыт. Да, с таким паспортом можно смело ехать куда угодно!

– Разумеется, к этому паспорту необходимы какие-то мелкие «дополнения и приложения», – зачастил Дорошевич. – Личные письма от родственников, всевозможные квитанции, банковские аккредитивы... Нужно продумать все на свете!

– Господа, господа! Да разве возможно продумать все мелочи, с которыми может столкнуться человек с чужим паспортом? – снова застонал Сытин.

Дорошевич, не обращая внимания на издателя, демонстративно глянул на часы, встал и торжественно пожал руку вскочившему Краевскому.

– Спасибо, Володя... Владимир Эдуардович! Я рад, что не ошибся в вас! Идите сейчас, заканчивайте все дела в редакции и вживайтесь в образ мистера Палмера. Я думаю, что эта тайна не выйдет из стен этого кабинета, Иван Дмитриевич! Никто в редакции, никто из ваших домашних не должен ничего знать! И вы, Володя, воздержитесь, ради Создателя, хоть словом, хоть намеком, хоть кому! Для всех: редакция посылает вас в Берлин и Париж!

– Я все понял. И с вашего позволения, господа, удаляюсь! – поклонившись присутствующим, Краевский, чуть слышно насвистывая, вышел из кабинета.

Заперев дверь, Дорошевич захохотал и даже исполнил несколько па невесть какого танца перед столом издателя, потом подскочил к Сытин, и в порыве чувств, обняв, звонко расцеловал в обе щеки.

– Дело сдвинулось, Иван Дмитриевич! Дело сдвинулось, дорогой вы мой! Теперь – дело за вами!

– В каком это смысле? – возмутился Сытин. – Вы меня, Влас Михайлович, в свою авантюристическую артель не записывайте! Молчать буду, извольте! Хотя, по-хорошему, нужно бить тревогу и направить вас с вашим Краевским на психиатрическое обследование! Вы почему не сказали ему о том, что ждет пойманных шпионов в Японии? Не читали последних телеграмм Рейтер? Вот, извольте! Петля! А вы столь легкомысленно пускаетесь тут в пляс и радуетесь, что толкаете человека в петлю?!

Дорошевич мельком пробежал отчеркнутые заметки о казнях в Японии и отбросил газету в сторону. Бросился на диван, заложил руки за голову, покосился на Сытина:

– А вы почему не использовали сей аргумент, Иван Дмитриевич? – вкрадчиво спросил он. – И перевод, и сами газеты все время были у вас на столе, если не ошибаюсь!

– Ну, почему, почему? Не знаю! – выпалил Сытин. – Наверное, потому, что до сих пор надеюсь, что вы одумаетесь! Кто помог вам подделать паспорт? Ваши уголовники? Вот специалистов нашли, тоже мне! А если они разболтают о вашей просьбе?

– Прекратите, Иван Дмитриевич! – поморщился Дорошевич. – С чего бы им болтать? И потом: они же не знают имени того, кто поедет с этим паспортом! Прочь пессимизм, Иван Дмитриевич! Нужно думать о хорошем, а не накаркивать беду! Лучше вызывайте-ка нашего главного бухгалтера и думайте с ним, как можно потихоньку, не привлекая внимания, в течение недели, скажем, снять со счетов потребную для поездки Краевского сумму!

– Я уже имел сегодня с Лурцевым беседу относительно расходов на ваши поездки, Влас Михайлович! – мрачно покачал головой Сытин. – Вы только что вернулись практически из полукругосветного вояжа в Индию и снова собираетесь в Италию.

– Совершенно верно. Возможно, и в Испанию придется заскочить! – небрежно согласился Дорошевич. – Но деньги на поездку Краевского тоже надобны! И немалые: я полагаю, что безопаснее всего для него будет попасть в Японию через Америку! Японцы охотно привлекают американских туристов – им и в голову не придет, что оттуда к ним в страну может «просочиться» русский репортер!

Услыхав про Америку, Сытин откинулся на спинку кресла и в изумлении выкатил глаза до пределов, положенных природой.

– Через Америку?! Вы не шутите, Влас Михайлович?

– Какие тут могут быть шутки! Краевский пересечет Европу под своим настоящим именем. Сядет в Марселе или в Ливерпуле на пароход и доберется до восточного побережья Соединенных Штатов – тоже под своим именем. А там – на трансконтинентальный экспресс и на Западное побережье, где он превратится в Палмера. Купит всю американскую одежду, белье – до последней пуговицы, до последнего носового платка...

Слушал Сытин Дорошевича молча, лишь нервно играя пальцами.

– Краевский организует сам себе письма из разных городов Америки, какие-нибудь рекомендации, продолжал трубить Дорошевич. – И в Сан-Франциско сядет на пароход, отправляющийся в Японию. Да, чуть не забыл! Кроме того, в Японии он должен иметь на руках аккредитивы и дорожные чеки на серьезную сумму, Иван Дмитриевич! Солидный банковский счет – лучшая рекомендация для американского туриста!

Закончив, Дорошевич схватил с тумбочки графин, и, не тратя время на поиски стакана, залпом опорожнил едва не половину.

– Ну? Что вы молчите, Иван Дмитриевич?

– Вы еще спросите: почему я не танцую, как вы, от радости! – мрачно парировал Сытин. – Я слушаю вас и поражаюсь: вам, Влас Михайлович, действительно надо бы показаться хорошему специалисту в области психиатрии! Извините за прямоту, конечно... Вы, может быть, просто забыли, что мы с вами не на Монетном дворе служим! Не деньги печатаем, а газеты с книгами! Ну откуда я вам выну такую прорву деньжищ?! Разве что пару типографий продать...

– Дороговато выйдет, конечно, – согласился Дорошевич. – Но ведь можно взять банковский заем! На покупку того же, скажем полиграфического оборудования. Да вам всякий даст, Иван Дмитриевич!

– Даст, конечно! А чем отдавать?

– Слушайте, Иван Дмитриевич, шутки в сторону! Я не лезу с ревизиями в вашу бухгалтерию. Но я вижу другое: позвольте вам напомнить, что с момента, когда я согласился работать на вас в «Русском слове», тиражи газеты возросли вдесятеро! Соответственно растут очереди рекламодателей, что дало вам возможность только в нынешнем году трижды поднимать рекламные расценки! Вы, Иван Дмитриевич, большая умница! И не можете не понимать, что если Краевский привезет из Японии то, что мы ему закажем, газета получит такую популярность, что наши конкуренты тихо помрут в нищете под заборами! Мы будем продавать право на перепечатку репортажей Краевского по нашим ценам! Мы издадим его публикации отдельной книгой! Да вы с вашим главбухом Лурцевым вдесятеро от вложенного вернете!

– Возможно, – мрачно кивнул Сытин. – Только для этого нужно, чтобы Краевский вернулся! И написал серию репортажей... Чтобы его не разоблачили в Японии и не повесили как шпиона!

– А вот как раз для этого я и прошу у вас денег на столь затратное «мировое турне»!

Сытин безнадежно махнул рукой и дважды нажал на кнопку электрического звонка. Дорошевич знал, что так он обычно вызывает главного бухгалтера своего издательского дома. Торопясь, пока издатель не передумал или не стал задавать массу вопросов, Дорошевич с самым серьезным видом торжественно пожал Сытину руку, и, открыв запертую дверь, поспешил удалиться, наказав несшему вахту у дверей сторожу:

– Вот что, братец: сейчас к главному господин Лурцев придет. Так ты того: больше никого и ни под каким видом в кабинет не пускай!

– Слушшюсь, Влас Михайлович! – откозырял сторож.

– И вот еще что, братец... Разговор у главного с бухгалтером долгий будет. И трудный, я полагаю. Так что ты капелек сердечных раздобудь пока побольше, что ли...

– Слушшюсь, Влас Михайлович... Только, осмелюсь спросить – где их раздобыть, этих капелек? В аптеку нешто сбегать? Так пост мне никак оставлять нельзя!

– Ну, тогда водки! – махнул рукой Дорошевич. – Этого добра, полагаю, в каждом шкапу в редакции припрятано...

Глава четвертая

Хакодате

Агасфер, несмотря на две предыдущие бессонные ночи в море, утром первого дня пребывания в Хакодате проснулся по привычке рано. Бесшумно встал, оделся, покосился на зарывшуюся в простыни и тихо посапывающую Настю. Сынишка в своей кроватке, приставленной к большой, тоже спал.

Агасфер обошел предоставленные им с супругой «апартаменты» на втором этаже большого дома Демби. Две комнаты в четыре окна, недостроенная ванная и туалет. Комнаты были смежными, и в японских традициях разделялись или соединялись легкими раздвижными перегородками – рамами, обтянутыми желтоватой рисовой бумагой. В «апартаментах» были две двери – одна на лестницу отдельного входа, другая, очевидно, вела в хозяйскую половину. Двери, как отметил Агасфер, были европейского типа, однако без признаков каких-либо замков либо задвижек.

Еще накануне Демби сообщил ему, что раньше в апартаментах жили его старший сын с женой – несколько лет назад Альфред завел собственное дело и уехал на юг Японии, в Нагасаки.

Мебели в комнатах, кроме кроватей и пары шкапов, не было, и Агасфер отметил в уме, что если он останется здесь, кое-что надо будет прикупить.

На хозяйской половине, за дверью, стояла мертвая тишина, и Агасфер решил, что семейство все еще спит. Спала и Настя с сынишкой, и он решил спуститься в небольшой сад, разбитый во внутреннем дворе.

Сад произвел на Агасфера впечатление обилием деревьев и кустов, за которыми тщательно ухаживали. Узкие дорожки, разбегающиеся по саду, были посыпаны белым толченым ракушечником, и это вызвало озабоченность Агасфера: Андрюшка начал уже ходить, и Настя считала, что самое здоровое дело для малыша – обходиться без обуви. А тут – ракушечник, по нему не побегаешь: малыш мигом ноги изрежет.

Двор казался пустым. Где-то за кустами тихо журчала вода, и Агасфер, пойдя на эти звуки, за ближайшим поворотом дорожки обнаружил небольшой пруд явно искусственного происхождения. Рядом, в миниатюрной беседке в японском стиле, он обнаружил также своего компаньона и хозяина дома – Георгия Филипповича Демби.

Еще вчера Агасфер обратил внимание, что в доме разговаривают преимущественно по-английски. И, подходя к беседке, уже решил, что русские имена-отчества, вполне уместные на Сахалине и во Владивостоке, здесь выглядят явным диссонансом.

Демби со своей неизменной трубочкой в зубах сидел у края беседки, нависшей над водой, и кормил обитателей прудика – здоровенных разноцветных рыб, лениво шевеливших плавниками у самых его ног. Таких Агасфер до сих пор видел только на картинках – это были домашние карпы кои, насколько он помнил по своим библиотечным бдениям в монастыре.

– Здравствуйте, мистер Демби! Я смотрю, вы из ранних пташек, как и я!

Демби сумрачно покосился на Агасфера, кивнул вместо ответа и протянул миску с распаренными кукурузными зернами – предлагая присоединиться к кормлению карпов. Зачерпнув пригоршню, Агасфер пристроился рядом с шотландцем и стал бросать зерна в пруд. Большие рыбы в локоть величиной отнюдь не производили впечатления голодных, он лениво скользили в прозрачной воде, лениво открывали рты, втягивая корм, половина которого попадала на дно.

– Раз уж мы компаньоны и живем в одном доме, Майкл, давайте обходиться без всех этих «сэров» и «мистеров», – предложил Демби. – Называйте меня Джорджем!

Привычным движением он вытянул из кармана неизменную фляжку и протянул Агасферу. Тот покачал головой:

– Простите, Джордж, но только не на пустой желудок!

Шотландец пожал плечами и приложился к фляжке сам.

Подумав, Агасфер решился на бестактность – на правах компаньона:

– Это не мое дело, конечно, но раньше я крайне редко видел у вас в руках эту фляжку. Какие-то неприятности?

– Неприятности? – угрюмо переспросил Демби. – Сплошные неприятности, мистер! Вчера я, понятное дело, не успел сходить в свою контору и побеседовать со служащими. Зато немного поговорил о делах с Мэри: она у меня барышня экономически подкованная. И то, что я услышал от нее, Майкл, оптимизма не внушает! Коммерция в Японии находится в ужасном состоянии: все высасывает война с Россией! Экспорт товаров практически под запретом, правительство разрешает вывозить из страны разве что бамбук и всякую ерунду вроде ремесленных поделок. Да и на чем вывозить? Все мои четыре судна попали под закон о мобилизации морского транспорта, и до окончания военных действий будут перевозить только военные грузы – если раньше не подорвутся на русской мине или не попадут под обстрел.

– А тут еще я на вашу шею со своим семейством...

– Это тут не при чем, Майкл! Разговор об экономике страны! Крестьяне и рыбаки обложены налогами так, что одни отказываются выходить в море, а другие сажать рис и просо: все уловы и выращенный урожай облагается огромными налогами, и людям остается, считай, только шелуха от обмолоченного риса. А рыбакам – дырявые сети... В деревнях почти не осталось мужчин: недавно объявили о мобилизации еще одного призывного возраста – 45 лет. Женщины не успевают хоронить младенцев, которые умирают прямо у них под грудями, в которых нет молока...

– Но кое-что в полях все-таки выращивается! – Агасфер кивнул на миску с кукурузой в руках Демби.

– Ценю вашу наблюдательность, Майкл! На моих складах остались еще кое-какие довоенные запасы. Но нам с вами надо форсировать усилия, чтобы возродить здесь рыбоконсервное производство! Я не слишком рассчитываю на то, что нам вернут демонтированную линию: что к правительству в лапы попало, то пропало! Разрешили бы ввоз оставшегося у норвежцев оборудования! Пусть обкладывают налогами – нам с вами все равно кое-что останется! Кстати, иностранцев власти обдирают не так бессовестно, как своих...

Помолчав, Демби добавил:

– Через пару дней я собираюсь в Токио. Навещу старых друзей и попробую прозондировать этот вопрос. Прошу и вас не упускать его из вида, Майкл! Судя по тому, что за вами на вражескую территорию была организована целая экспедиция, вы им нужны! Ну упускайте момент!

– Не надо меня агитировать за очевидное, Джордж! Эта фабрика – все, что у меня есть! Было бы странным, если б я молчал и не реагировал!

– Реагируйте, Майкл! Только смотрите, не перестарайтесь! Помните наш разговор на шхуне, в самом начале пути?

Агасфер кивнул, и, переводя разговор на другую тему, поинтересовался: почему в доме так тихо?

– Мэри не пропускает ни одной службы в храме. Сегодня ей есть за что благодарить Бога: он вернул ей мужа после его долгих странствий! – Демби приложился в своей фляжке, протянул было ее Агасферу и тут же спохватился. – Господи, да вы, конечно, голодны, Майкл! Ступайте на кухню – там, кажется, недавно мелькал кто-то из прислуги: слава Провидению, в этом доме не все перешли в православие и не все проводят по полдня в храме!

Агасфер попробовал было отказаться – под предлогом, что позавтракает позже, с женой, после того, как она проснется. Однако Демби и слушать не стал: высыпав остаток кукурузы карпам, он выбрался из беседки и решительно зашагал к дому, во все горло призывая: «Эй, есть тут кто-нибудь, черт возьми?!» Делать нечего, пришлось идти.

Выйдя из дома ровно в назначенное время, Агасфер обнаружил возле калитки полицейского, а рядом с ним – рикшу. Оба дружно поклонились ему, а когда Агасфер, старательно подбирая слова, заговорил по-японски, вытаращили глаза. Опомнившись от неожиданности, полицейский с поклоном указал Агасфера на рикшу, и объяснил, что тому поручено доставить господина туда, где его ожидают – в Юнокава Онсэн, на термальные источники.

Не споря – на источники, так на источники – Агасфер решительно сел в коляску, и рикша побежал ровным шагом куда-то на восток.

Агасфер с любопытством поглядывал по сторонам нешироких улиц, по которым его везли. Центр города был застроен домами преимущественно в колониальном стиле, как у Демби – каменный первый этаж и деревянный второй. Попадались и типично японские домики, и чем дальше от центра, тем их становилось больше.

Вскоре последние городские постройки Хакодате остались позади, а рикша все еще неустойчиво бежал по проселку, засыпанному песком и мелкой галькой. Справа, совсем близко, слышался шум моря, невидимого с дороги из-за зеленой стены кустов и небольших деревьев. Однако вскоре дорога повернула от моря и пошла явно в гору: рикша невольно сбавил свой бег, а его голые плечи покрылись капельками пота.

Подъем становился все круче, и Агасфер совсем хотел было остановить явно утомленного рикшу и пойти рядом с ним пешком. Но тут подъем прекратился, дорога неожиданно снова стала ровной, а по обе ее стороны вновь замелькали каменные двухэтажные дома с вывесками отелей. К своему удивлению, Агасфер увидел и несколько вывесок на русском языке.

Впрочем, он тут же припомнил, что в Хакодате некогда размещалось русское консульство, а сам город-порт неофициально считался русским: сюда заходило множество кораблей из России. И военных, посещавших Страну восходящего солнца с дружескими визитами, и торговых. Немало бывало тут и жителей Владивостока, оценивших целебные термальные источники.

Пробежав по дороге вдоль длинной стены из дикого камня еще немного, рикша свернул в ворота, распахнутые настежь, и, переводя дыхание, остановился.

– Мы приехали, господин...

Агасфер выбрался из коляски, оглянулся: прямо на середине дорожки, конец которой терялся в клубах пара, его поджидал господин Осама. Он по-прежнему был в военной форме пехотного капитана – только фуражку, подчеркивая неофициальность встречи, держал в руке.

Сделав к нему несколько шагов, Агасфер вдруг вспомнил про рикшу и с досадой прищелкнул языком: рассчитаться с ним было нечем. В утренней суматохе Агасфер не озаботился занять у Демби немного японских денег. Вряд ли рикша возьмет в качестве оплаты за свой «пробег» русские монеты.

Сделав вознице успокаивающий жест, Агасфер поспешил навстречу японцу, с неохотой осознавая необходимость одалживаться.

– Здравствуй, господин Осама! – коротко поклонился он. – Я попал в чертовски затруднительное положение: вы не предупредили меня о том, что придется воспользоваться услугой рикши. А японских денег, даже мелочи, у меня просто нет...

– Не стоит беспокоиться, барон! Будем считать, что рикша уплатил полиции часть обязательного налога натурой. Добро пожаловать на Юнокава Онсен, Берг! Я вспомнил об этом месте случайно, и решил, что здесь наш разговор, вдобавок ко всему прочему, будет еще и полезен для здоровья! Прошу следовать за мной!

– Но все-таки неудобно, – запнулся Агасфер.

Осама рассмеялся:

– Не смущайтесь, барон: ему все равно велено ожидать вас, чтобы отвезти обратно! Прошу! – И, считая разговор об оплате исчерпанным, офицер зашагал к приземистому одноэтажному зданию, также сложенному из дикого камня.

Здание оказалось подобием русской бани – Осама назвал его купальней и объяснил отличие от источников: здесь люди, прежде чем погрузиться в природные минерализованные воды, мылись в больших деревянных бочках обычной горячей водой.

– Если желаете, можно прибегнуть к помощи женщин-банщиц, которые обычно смывают с посетителей грязь и пот, – предложил Осаму. – Это вполне японская традиция, а мелочью для оплаты их услуг я вас ссужу.

Агасфер предпочел отказаться: не столько из-за стеснения, сколько из необходимости одалживаться.

Большинство расставленных в купальне бочек были пусты, лишь у нескольких из них, словно часовые, сидели на коленях молодые женщины в кимоно. Здесь же лежали стопки простыней и полотенец. После отказа Агасфера японец сделал им знак, и банщицы, грациозно поднявшись, поклонились и засеменили прочь.

– Ну, не будем терять времени! – Осама прошел вперед, быстро разделся возле одной из бочек, дымящихся паром, и залез в нее.

Агасфер последовал его примеру, и, очутившись в бочке с нестерпимо горячей водой, обнаружил внутри ее полочку с губками, мылом, какими-то щеточками непонятного назначения.

Пока он с наслаждением смывал с себя дорожную грязь, банщицы вновь появились в купальне и стали наполнять водой еще пару бочек, не обращая на мужчин никакого внимания. Вылив в каждую ведер по десять воды, женщины снова исчезли.

Когда с мытьем было покончено, мужчины, завернувшись в простыни, выбрались из купальни и очутились возле череды открытых бассейнов разных размеров. Отовсюду поднимался пар, в воздухе витал резковатый запах.

– Это и есть онсэн, термальные источники. Воду в них подогревает уже сама природа, – пояснил Осама. – Бассейны различаются температурой воды – где погорячее, где попрохладнее. В некоторых из них вода чрезвычайно минерализована солями и полезна при различных заболеваниях. Я предлагаю погрузиться вот сюда: вода здесь не слишком горяча, поначалу приятно расслабляет, а в конечном итоге приятно бодрит.

Скинув простыню, японец поднялся по наружным ступенькам и спустился по внутренним. При этом он, к удивлению Агасфера, положил свернутое полотенце, захваченное из купальни, себе на макушку.

– Бойтесь застудить голову? – поинтересовался он.

– Отнюдь, – покачал головой Осама, бродя по пояс в воде и в конце концов усевшись на невидимую сверху скамейку, опоясывающую бассейн изнутри. – Просто, выбравшись отсюда, полотенца можно не найти...

Явный намек на то, что полотенце могут украсть, привел Агасфера в некоторое замешательство: он неоднократно слышал от Демби, что преступность в Японии – явление чрезвычайно редкое. Не найдя, что возразить своему спутнику, Агасфер бросил свои простыню и полотенце на скамейку и быстро забрался в бассейн, захватив с собой лишь отстегнутый протез. Побродив по онсэну, он понял, почему это делал японец: дно бассейна по периметру было неровным, для людей разного роста. Найдя достаточно глубокое место неподалеку от японца, Агасфер уселся на подводную скамью, оказавшийся в воде по горло. Свой протез он положил на широкий борт бассейна.

– А когда-то это был один из самых популярных курортов, – вздохнул Осама. – Всего на юге Хоккайдо, если не ошибаюсь, более двух тысяч бьющих из-под земли источников горячей минерализованной воды. Однако именно здесь, в Юнокава, вода считалась самой целебной.

Увы, война разорила хозяев всех этих курортов: ведь сюда, на север Японии, туристы и любители термальных вод почти не ездят. Если их и можно встретить, на это на юге Японии и на самом большом острове, Кюсю. А здесь... Как видите, мы единственные посетители последнего курорта, который еще открыт.

Агасфер сомневался в том, что они тут – единственные посетители: порывы ветра иногда доносили до него чьи-то невнятные возгласы и плеск воды. А через клубы пара, застилавшие территорию источников, у дальних бассейнов иногда мелькали смутные фигуры.

– Давайте совместим приятное с полезным и немного поговорим, господин барон! – предложил Осама. – Собственно, для этого я вас и пригласил сюда: нам нужно обсудить множество вопросов.

– Согласен, – Агасфер продолжал всматриваться в неясные фигуры у других бассейнов. – И если у вас нет возражений, я хотел бы включить в тему нашей беседы свой собственный статус... Вы знаете, господин Осама, выходя нынче из дома господина Демби и заметив ожидавшего меня полицейского, я чуть было не юркнул обратно в калитку. Тот же полицейский мог спросить мои документы – и при их отсутствии отправить не к вам на термальные источники, а в местную каталажку!

– Вы мой гость, барон! – усмехнулся Осама. – И пока останетесь таковым, ни один полицейский не посмеет даже подойти к вам.

– Это намек на то, что если гость вас разочарует, то моментально окажется в той самой каталажке? – невесело усмехнулся Агасфер.

– Не стоит смотреть на мир столь мрачно. К тому же я и сам планировал обсудить ваш статус, господин Берг! Но многое тут зависит от вас! И от результатов нашей беседы...

– Что ж, слушаю вас...

– Для начала я хочу рассказать то небольшое, что знаю о вас. Вы появились в поле зрения нашего резидента в Иркутске, и довольно легко дали себя завербовать. Тогда вы были Бергманом, и носили мундир Главного тюремного управления. Попытки резидента навести справки о вашем прошлом оказались тщетными – несмотря на то, что в России у нас, как вы можете догадаться, была довольно широкая сеть агентуры. В том числе и в Петербурге, откуда вы и приехали в Иркутск с вашей очаровательной супругой.

– Была и наверняка осталась, – не утерпев, вставил Агасфер.

– Неважно, – отмахнулся японец. – Итак, резидент в Иркутске потерпел фиаско, но сообщил о вас в Токио. И наша спецслужба удвоила усилия, чтобы раскопать ваше прошлое – хотя ваша результативность как агента была, по сообщениям нашего иркутского резидента, невысокой. Вас просили сообщать о штабных офицерах, имеющих доступ к секретным материалам стратегического значения – перспективных, с нашей точки зрения. Об игроках в карты, например, о любителях дамского общества – словом, о людях, нуждающихся в дополнительном заработке. Вы сообщили резиденту несколько таких имен. Но работа с ними разочаровала резидента: эти офицеры либо ничего не знали, либо отказывались работать на великую Японию.

– А почему вы ставите это в вину мне? – возмутился Агасфер. – Вполне возможно, что это ваш резидент не смог подобрать к иркутским штабистам «ключики»!

– Не знаю, – уклонился японец. – Тем временем вы объявились во Владивостоке в моем поле зрения. Вы несколько укоротили свое имя, и стали представляться не Бергманом, а Бергом. В Приморье вы направо и налево рассказывали какую-то невероятную историю о деспоте-отце, оставившего странное завещание и обусловив ваше вступление в права наследования обязательной государственной службой...

– Но это правда, господин Осама! Разве вы не видели рыбоконсервную линию в Маоке, поставленную норвежскими коммерсантами? И не только видели, но и захватили ее с собой... Вместе с партией выработанных консервов.

– Хорошо. Оставим пока коммерцию. При каких обстоятельствах вы потеряли левую руку, барон?

– Это следствие глупой мальчишеской дуэли. И в конечном итоге имеет прямое отношение к моей ссоре с отцом и его завещанию, которое вы называете невероятным и странным.

– С кем у вас был поединок, господин барон?

– С офицером. К моему несчастью, отец моего противника занимал высокий пост в Петербурге, и добился моего отчисления из гвардии.

– А также того, что вы были объявлены во всероссийской розыск, который не прекращен до сих пор? – насмешливо поинтересовался Осама. – Кроме того, вы вызвали гнев царя, Александра II. Его величество рассердила эта ваша дуэль?

– Можно сказать, что да...

– Хорошо. Оставим пока Александра II в покое. Вернемся к недавнему прошлому. Зимой прошлого года, уже из Маоки, вы совершили блиц-поездку во Владивосток...

– У меня там родился сын. И мне хотелось его увидеть – что же здесь странного?

– Но у вас во Владивостоке произошла, насколько я знаю, и менее приятная встреча. С правой рукой директора Департамента полиции Петербурга, неким господином Манасевичем-Мануйловым. Вот о нем нам известно многое! Долгое время он возглавлял Парижское отделение российской охранки, потом вернулся в Петербург, где под сенью Департамента полиции занялся выявлением иностранных шпионов. Должен сказать, что действовал он весьма успешно, и сумел перехватить у наших дипломатов несколько ключей к шифрам. И вдруг Манасевич во Владивостоке. Он проехал бог знает сколько тысяч верст для того, чтобы арестовать вас и доставить в столицу, для предания суду Особого присутствия. Однако расстались вы вполне мирно, и уехал он в Петербург без вас. Интересно почему?

– Скрывать нет смысла: я от него просто откупился. Дал отступные – этот человек очень любит деньги.

– Почему человек из полицейской контрразведки, специалист по шпионам, вдруг заинтересовался вами?

– Это личные счета, господин Осама. Не более того...

– Вы неискренни со мной, господин Берг! И это очень меня огорчает, – сокрушенно покачал головой японец. – И куда это вы все время смотрите?

Вместо ответа Агасфер молча указал здоровой рукой на противоположный край бассейна. Во время всего разговора с разведчиком он не спускал глаз с расплывчатых фигур, двигавшихся какими-то странными прыжками. Когда фигуры приблизились, Агасфер в изумлении вытаращил глаза: это были обезьяны! Гоняясь друг за другом, две из них запрыгнули на край их бассейна и с шумом рухнули в воду, ничуть этим не смутившись.

– А-а, обезьяны! – ничуть не удивился японец. – Совсем забыл вас предупредить, барон: курорт расположен практически на территории национального парка, где водятся эти обезьяны. Их запрещено трогать, и они совсем не боятся людей, как видите. До войны, в сильные морозы, я сам видел, как они забирались греться в онсэны, не обращая внимания на отдыхающих. А то и прогоняя их...

Услышав позади шорох, Агасфер вскочил на ноги и убедился, что несколько бесшумно подобравшихся к бассейну бесхвостых обезьян увлеченно роются в оставленных им простынях и играют с полотенцем.

– Кыш! Брысь! – крикнул Агасфер, и обезьяны с воплями кинулись прочь, захватив при этом его полотенце.

– Я же говорил вам! – засмеялся Осама, демонстрируя свое, которое он так и держал у себя на голове.

– Хорошо, что я не оставил вместе с полотенцем и свой протез, – смущенно покачал головой Агасфер. – Это было бы потерей посерьезнее!

– Кстати, о протезе и вашей потерянной руке, Берг, – посерьезнел разведчик. – По моим данным, руку вы действительно потеряли в поединке. В каком году это случилось?

– Осенью 1874 года.

– То есть почти тридцать лет назад. Чем вы занимались все это время?

– Полученные мной раны были серьезны, я потерял много крови. Меня приютили монахи одного из монастырей в Южной Польше. Они вылечили меня и спрятали у себя: поединок вызвал большой резонанс в Петербурге, негодование Александра II, и, как следствие, всероссийский розыск. Я прятался у монахов почти двадцать лет.

– Остается около десяти лет, – напомнил японец.

– Покинув монастырь, я полагал, что все давно забыто. Вернулся в Петербург и нашел службу у одного отставного офицера-чудака, помешанного на старинной механике. Несколько лет я искал для него в России и по всей Европе старые шарманки и забавные механические игрушки. К тому времени всплыло завещание моего отца, и, чтобы выполнить его условия, друзья помогли мне получить место в Главном тюремном управлении. Я женился, и был намерен отслужить на государственной службе пять лет, как этого требовал в своем завещании отец. Но случилось так, что меня случайно опознал один из старых знакомых по Гвардейскому саперному батальону, где я служил до злополучного поединка. Мне снова пришлось покинуть Петербург и перебраться сначала в Иркутск, а потом во Владивосток. Там я нашел компаньонов для открытия своего дела и перебрался на Сахалин. Душеприказчики моего отца сочли условия моего вступления в права наследства выполненными. Я начал переговоры с норвежцами, и те с разрешения душеприказчиков начали выполнять условия отсроченного контракта: поставили в Маоку первую линию консервной фабрики. А потом началась война...

– Можете назвать монастырь, где вы скрывались, и имя того чудака, который принял вас на частную службу в Петербурге?

– Монастырь Ченстоховской Божией Матери в Ясна Гура. Там я был хранителем библиотеки. А петербургский чудака, приютивший меня – отставной полковник Генштаба Архипов.

– Что ж, пока все сходится. Вернее, почти все... Ваша «исповедь» чрезвычайно похожа на правду. Но так ли это, Берг!

– Вы мне не верите?

– У нашей службы были хорошие наставники – немцы¹³. Они многому нас научили – в том числе трижды и четырежды проверять все на свете. Сейчас политические приоритеты Японии несколько сменились, а отношения с Германией на официальном уровне стали более прохладными, нежели с Англией. Но спецслужбы наших стран по-прежнему сотрудничают. И мы запросили своих старых друзей в Германии насчет вас, барон. Не хочу скрывать: у моего руководства – большие надежды, связанные с вами.

– Вот как?

– Но окончательное решение мои начальники примут только после того, как получат ответ из Германии. Когда это произойдет? Я не знаю. Может, месяц, может, три или пять. И нельзя исключать того, что эти надежды – мои и моего руководства – могут рухнуть, если немцы сообщат нам о вас что-либо неприятное. Пока же я вижу, что вы уходите от ответов на некоторые вопросы! И возможно, очень ловко смешиваете правду с недоговорками и ложью. Прошу не забывайте: даже маленькая ложь может вызвать большое недоверие!

– Но я рассказал вам все!

– Вынуждаете выложить карты на стол, барон? – криво улыбнулся японец. – А если я это сделаю – выложите ли вы свои?

¹³ Разведывательная и контрразведывательная служба Императорского штаба Японии была создана в 1878 году при активном участии группы советников во главе с германским генералом Меккелем, руководителем одного из подразделений Прусской разведки кайзера.

– Да. Слово чести!

– Хорошо, попробуем сыграть в открытую. Начнем с того, что руку вы действительно потеряли в поединке – но не с русским высокопоставленным офицером, а с японским дипломатом, секретарем первого нашего посольства в России, неким Асикагой, в 1874 году. Вот истинная причина и вашей отставки из гвардии, и гнева вашего царя, и полицейского розыска! Мне пришлось поднимать архивы нашего министерства иностранных дел для того, чтобы проверить эту информацию и разыскать документы, касающиеся трагической гибели дипломата. Там и всплыло ваше имя, барон! Что же касается тогдашнего посла в России, виконта Энмото Такэаки, то он категорически отказался говорить о вашем злополучном поединке даже с главой Второго отдела! О вас, кстати, виконт отзывался только хорошо. И даже с чувством некоей вины, я бы сказал.

– Энмото, Энмото, – пробормотал Агасфер.

– Насчет монастыря – расхождений с нашими данными нет. А вот дальше... Этот ваш «чудак-механик» с полковничьими погонами, Архипов... Наши агенты из Петербурга любезно сообщили, что полковник Архипов и его друзья стояли у истоков создания в Русской армии профессиональной службы разведки и контрразведки. Эта инициативная группа начала проводить свои операции в России и Европе раньше, чем была официально разрешена царем Николаем II, барон!

– Вас хорошо проинформировали, господин Осама, – пробормотал Агасфер.

– А вы? Неужели столь наблюдательный человек, как вы, ничего не видели у себя под носом?

– В доме Архипова иногда собирались его старые друзья. Но все эти люди были с высоким положением в обществе – генералы, начальники департаментов. А кому нужен человек, уволенный из армии в чине прапорщика? И к тому же калека...

– Резонно, – согласился японец. – Тем более что чуть позже у этой инициативной группы наступил крах. Созданную все же волею вашего царя и инициативой патриотов России армейскую разведку и контрразведку стали оттеснять от оперативной работы за рубежом. В группе недавних единомышленников и создателей спецслужбы произошел раскол. Что же касается вас, то ставший директором Департамента полиции господин Лопухин стал ворошить старые дела и настаивать на том, чтобы предать вас, барон, суду Особого присутствия. За поединки двадцатилетней давности, едва не сорвавший переговоры России и Японии. И тогда ваши новые друзья решили спрятать вас подальше. Так вы оказались в Иркутске. Я нигде не ошибся, господин Агасфер?

– Пока нет. Поздравляю вас, господин Осама: ваши люди умеют добывать информацию! Где-то вдали глухо ухнул колокол, и Осама встал.

– Пора выбираться из источника, барон: слишком долгое пребывание в минеральной воде может обернуться ущербом для организма. Мы договорим, пока будем одеваться и отдыхать после этой водной процедуры.

– Да, но проклятые обезьяны уволокли мое полотенце и все простыни! – встав на ноги, Агасфер растерянно оглянулся.

– Не смущайтесь! – усмехнулся японец. – Я же сказал вам, что мы здесь одни, если не считать банщиц. Доберемся до купальни в костюмах Адама, смоем с тела соль и оденемся...

Мужчины оделись и перешли в помещение, застеленное циновками. Сюда принесли чай в крохотных бронзовых чайниках. Следуя примеру японца, Агасфер вытянулся на полу, подложив под голову деревянный чурбачок. Полежав и приступая к чаепитию, Осама сел и некоторое время с легкой улыбкой наблюдал, как его спутник пытается сесть на пятки, а потом приказал прислужнице принести европейский стул.

– Теперь поговорим о вашей фабрике, господин Берг. Надо сказать, что вы чертовски вовремя – во всяком случае, для меня – занялись коммерцией.

– У меня есть компаньоны, – напомнил Агасфер.

– Я не забыл о них. Но купец Семенов далеко отсюда, в России, а Демби меня мало интересует, – пожал плечами японец. – В конце концов, они вложили в ваше предприятие только свои деньги. Сегодня я выезжаю в Токио, где доложу руководству о выполнении своей миссии, о привезенном оборудовании. Отвезу также на экспертизу образцы изготовленных вами консервов. Неплохо было бы, если бы вы, барон, дали мне бумаги, подтверждающие ваше участие в норвежском контракте. Иначе, в случае одобрения рыбных консервов, оборудование для их производства могут просто конфисковать как военный трофей.

– Благодарю вас, господин Осама!

Японец небрежно отмахнулся:

– Пока благодарить не за что. Полагаю, что вам с Демби вернут оборудование, разрешат выписать у поставщиков остальное и заняться производством консервов здесь, в Хакодате. Вся продукцию, или большую ее часть, будут забирать на военные нужды. Не даром, разумеется: о цене будете договариваться с интендантскими службами. Ну, и налоги, конечно...

– И что же нам с господином Демби в результате останется? – мрачно поинтересовался Агасфер.

– О, не беспокойтесь! – рассмеялся японец. – Останется вполне достаточно для того, чтобы со временем сделать хороший подарок человеку, который будет хлопотать за вашу фабрику в Токио!

– Не сомневайтесь, господин Осама!

– Но я бы попросил вас, Берг, договориться с господином Демби о том, чтобы он принял все хлопоты по восстановлению фабрики, строительству новых линий и производству консервов на себя: в отношении вас у меня и у моего руководства другие планы.

– Я почему-то не сомневался в этом, – мрачно кивнул Агасфер.

– Люблю догадливых людей! – продолжал веселиться японец. – Кстати, в вашем багаже есть приличная европейская одежда типа смокингов, сорочек и прочего?

– Боюсь, что нет: в Иркутске и после него я вполне обходился мундиром Главного тюремного управления. И дорожной одеждой для путешественников.

– Вам непременно надо заказать европейскую одежду, в том числе и вечернюю. Если моя миссия в Токио закончится удачно, вам придется бывать в обществе иностранцев, посещать приемы и прочие светские мероприятия.

– Но у меня нет местной валюты, – возразил Агасфер. – И ваши финансисты вряд ли примут чеки Приморского банка, где у меня был открыт еще довоенный счет.

Японец протянул ему небольшой черный портмоне.

– Считайте это авансом, барон. В монетном отделении портмоне есть настоящие довоенные иены. Имейте в виду, они ценятся в нашей стране гораздо выше их бумажного эквивалента военной поры.

– А мои бумаги? Разрешение на жительство, удостоверение личности, или как оно у вас называется?

– Терпение, Берг, терпение! Если Токио примет в отношении вас мой план, у вас будет временный вид на жительство в Японии. И тогда вы смело можете ходить не только по Хакодате, но и в любом городе Японии.

Агасфер внимательно поглядел на собеседника:

– А если вдруг я не понравлюсь вашему начальству в Токио?

– Боюсь, тогда дело может кончиться тем, что вас с супругой признают персонами нон грата и вышвырнут из Японии. Как минимум!

– А как максимум? – допытывался Агасфер.

– Не забывайте, что моя страна находится в состоянии войны с вашей, барон. Если вы были неискренни со мной сегодня, то вас могут счесть русским разведчиком, проникнувшим в

Японию с враждебными целями. Тогда вас ждет военный трибунал и, возможно, петля. Война, барон, война! Нам некогда возиться с подозрительными личностями.

– Теперь вы пытаетесь запугать меня! – мрачно констатировал Агасфер. – Между тем хочу напомнить, что вовсе не рвался в Японию, и не проникал в вашу страну тайно. Скорее, наоборот: это вы снарядили экспедицию и вывезли меня из России, прихватив при этом мою коммерческую собственность! Скажите прямо: в чем меня подозревают?

– Пока ни в чем, – японец встал, показывая, что разговор закончен. – Поговорим после моего возвращения – это, думаю, дней через десять. Пока отдыхайте, посещайте источники, осматривайте достопримечательности Хакодате – их, кстати, тут немало. Закажите приличную одежду. И не сорите понапрасну деньгами, барон! Рикше заплатите пятьдесят сен, бумажкой. На улицах, в лавках и на рынках портмоне старайтесь в руках не держать: хотя уровень преступности в Японии всегда был низок, война многое изменила. Народ обнищал, и... Ну, вы меня понимаете, я полагаю!

На улице собеседники раскланялись. Уже садясь в коляску подбежавшего рикши, Агасфер оглянулся. Японский разведчик смотрел ему вслед с непроницаемым, как обычно, выражением лица – широко расставив ноги и заложив руки за спину. Агасфер кивнул – японец никак не отреагировал...

Глава пятая

Петербург

Возница придержал лошадей перед подъездом особняка Архипова, и, едва дождавшись, пока седок легко выпрыгнет из экипажа, тут же отъехал и скрылся за углом. Его пассажир в два легких шага пересек неширокий тротуар, на ходу доставая из кармана ключ. Открыл дверь, тщательно запер ее за собой, и был тут же встречен швейцаром Трофимом.

– Господин ротмистр? Ваше благородие, Владимир Николаевич! Сколько зим, как говорится! Милости просим, милости просим!

– Здравствуй, Трофим! А ты, гляжу, по-прежнему манкируешь своими обязанностями и дремлешь в теплом уголке? Господин полковник у себя? В мастерских? Поди доложи, что я жду его в библиотеке!

И, не слушая бормочущего что-то в свое оправдание швейцара, ротмистр отдал ему шапку, отцепил саблю и легко побежал по лестнице вверх. Очутившись в знакомой библиотеке с ее непередаваемыми ароматами старых переплетов, хорошего табака и любимого хозяином дома арманьяка, ротмистр с наслаждением опустил в глубокое покойное кресло, вытянул ноги и даже покрасневшие от бессонных ночей глаза прикрыл от удовольствия. Однако долго сибаритствовать не пришлось: послышались тяжелые шаги хозяина и его бас, на ходу распекавшего прислугу и отдающего распоряжения.

Лавров со вздохом открыл глаза, выбрался из кресла и шагнул навстречу полковнику Архипову, спешащему к гостю. Мужчины молча обнялись, похлопали друг друга по спинам. Архипов сходу оценил желтоватый цвет лица ротмистра, его припухшие веки и повернулся к дворецкому Кузьме:

– Два стакана чаю, господину ротмистру – покрепче! Завтракать будете, Владимир Николаевич?

– Пожалуй, что нет... Вот чай с капелькой вашего арманьяка – это будет в самый раз, Андрей Андреич!

– Прошу садиться! – усадив гостя, Архипов достал из шкапа знакомую бутылку. – Действительно, в чай капнуть, или рюмочкой предварим?

– В чай, в чай, Андрей Андреич! Иначе, боюсь, развезет с усталости. Ну, как вы тут? Все с шарманками старыми возитесь?

– А чем еще старику заниматься? Вы меня своими поручениями и приказами обходите, сижу целыми днями, аки старый филин в дупле... Со скуки к пасьянсам, каюсь, начал тягу иметь. Да что я, Владимир Николаевич! Вы-то как? Как наше детище, долго пестуемое? Судя по вашему усталому виду, нет покоя ни днем ни ночью? Что с Дальнего Востока нового?

– Все новости с фронтов – в газетах! – усмехнулся Лавров. – Надеюсь, не забываете за шарманками и пасьянсами в газетки заглядывать?

– Не обижайте старика: не только отечественную прессу получаю, но и иностранную – английскую, немецкую, французскую газетки изучаю. Только я ведь не об этом, Владимир Николаевич! Вы-то на живом месте обретаетесь, по своей службе должны много больше знать!

– Должен, да не дают! – вздохнул Лавров, подхватывая с подноса, поднесенного Кузьмой, тяжелый серебряный подстаканник с вензелями. Дождавшись, пока стороживший каждое движение гостя Архипов плеснет в стакан арманьяку, с наслаждением сделал несколько глотков, кивнул. – Кузьма, еще стаканчик сразу принеси, озаботься, друг мой!

Повернувшись в Архипову, ротмистр невесело подмигнул:

– Правда, кое-что мы и без спроса узнаём, по старой привычке! Но это когда как повезет!

– Но это же нонсенс! – сердито заворочался в своем кресле Архипов. – Ни одна держава, сколь бы мощным войском она не обладала, просто не может воевать вслепую, без разведки!

Мы же не стадо первобытных троглодитов, размахивающее дубинами направо и налево! Куда смотрит государь, самолично подписавший рескрипт о создании Разведочного отделения?!

– Перестаньте, Андрей Андреич! Вы же все прекрасно знаете! Насколько мне известно, кое-какие возможности разведки Россия в этой войне использует! Дипломаты стараются, как могут. Военные агенты используют старые связи и дружеские контакты с иностранным атташом... Да и война, считай, скоро кончится: американский президент по просьбе Японии призвал государя императора к столу переговоров.

– Но японцы тем временем продолжают укрепляться на Сахалине! – Архипов потряс кипой газет. – Начальник войск местного гарнизона генерал-губернатор Ляпунов, мне кажется, долго сопротивляться не станет!

– Всем в свое время воздастся по делам их, – неопределенно заметил Лавров, вынув стакан с чаем из подстаканника и катая его в ладонях.

– Владимир Николаевич, а... Мишель Берг? – осторожно поинтересовался Архипов. – Вы ничего не знаете о судьбе нашего Агасфера?

– Последним из наших, кто видел его живым и здоровым, был его высокопревосходительство господин военный министр Куропаткин, во время своего краткосрочного визита на Сахалин летом, накануне войны, – отозвался Лавров. – Да вы же знаете, Андрей Андреич!

– А сейчас? Мы... Вы же специально готовили его... Вел с ним секретную переписку.... Впрочем, – смутился Архипов.

– Да не смущайтесь, Андрей Андреич! – вздохнул Лавров. – Хоть ваша роль в Разведочном отделении и не афишируется, вы по-прежнему в штате наших сотрудников. И знаете о переписке с ним – разве что кроме предпоследнего сообщения от Агасфера, полученного зимой 1903 года, накануне войны с Японией. Он приезжал во Владивосток на крестины своего первенца, на собаках.

– На собаках?!

– На собачьей упряжке – по крайней мере, через пролив, – поправился Лавров. – А во Владивостоке его уже поджидал господин Манасевич-Мануйлов – полагаю, с санкции нашего старого «друга» господина Лопухина, директора Департамента полиции.

– И... И что же?

Лавров пожал плечами:

– Наше счастье, что этот «бугор»¹⁴ превыше всего на этом свете любит деньги. Агасфер сообщил, что ему удалось откупиться от господина Мануйлова. И он благополучно покинул Владивосток, а следующим летом супруга с сынишкой должны были выехать к нему на Сахалин.

– Вы сказали – «предпоследнее», – помолчав, поинтересовался Архипов. – Стало быть, было и последнее сообщение?

– Да, было – с какой-то почтовой станции на обратном пути того зимнего рейда, посланное через третьи руки, по резервному каналу связи. Агасфер сообщал, что, несмотря на мирное окончание встречи с Манасевичем-Мануйловым, на обратном пути на Сахалин его поджидала засада головорезов, которых в тех краях называют хунгузами. Агасфер не сомневался, что это – прощальный «привет» от господина «бугра».

– Мишелю удалось прорваться? – улыбнулся Архипов.

– А кто бы иначе послал то последнее сообщение? – улыбнулся в ответ Лавров. – Он сообщил, что злодеи были ликвидированы. Агасфер должен был перебраться следующим летом на фабрику Маока, напроць лишенную какой бы то ни было связи и с материком, и со столицей острова. Ну а в январе 1904 года Япония открыла военные действия против России.

¹⁴ По некоторым данным, Манасевич-Мануйлов сделал свою карьеру не без помощи своей нетрадиционной половой ориентации. В то время гомосексуалистов презрительно именовали «буграми».

– Остается льстить себя надеждой, что Агасфер попадет в Японию не в составе пленных, – проворчал Архипов, решительно отставляя свой стакан и берясь за бокал с чистым арманьяком. – Значит, остается ждать весточки от него оттуда?

Лавров скептически покачал головой:

– Не знаю, Андрей Андреевич. Связь с Бергом в Японии просто не была предусмотрена: как вы знаете, и сама возможность войны была под вопросом...

Архипов залпом опрокинул бокал и наполнил его снова.

– Эх, Мишель, Мишель... Прости нас, коли можешь! Бросили тебя прямо в волчью пасть! Да еще с женой и дитем малым...

– Ну-ну, Андрей Андреич! Прекратите! Перестаньте нюнить! – одернул старика Лавров. – Нашему Агасферу в рот пальца не клади, сами знаете! Его врагов жалеть впору, право! Бог даст – дойдет дело и до мирного договора, наши отношения с Японией постепенно возвратятся в довоенное русло. А там и наши дипломаты вернутся туда. Поживем – увидим, в общем!

Полностью доверяя старому полковнику, Лавров тем не менее удержался от того, чтобы просветить Архипова насчет наиболее вероятной возможности восстановления связи с Агасфером. На фактории в Маоке Берг был, по данным Лаврова, вместе с неким коммерсантом Георгием Демби, старым компаньоном купца-первогильдейщика Якова Лазаревича Семенова из Владивостока. Уж кто-то, а разлученные войной коммерсанты находят друг друга довольно быстро! А там, глядишь, и с Агасфером прояснится!

– Я к вам, собственно, вот отчего приехал, Андрей Андреич! – перевел разговор на иную тему Лавров. – Хотел предложить вам живое дело – если, конечно, вы способны оторваться от вашей старой механики!

– Что за вопрос, Владимир Николаевич? – обиженно загудел Архипов. – В конце концов, вы мой начальник, хоть и неафишируемый! Я готов-с! Что надо делать?

– Хотелось бы попытаться включить вас в комиссию общества Красного Креста, которая скоро направится в Японию для уточнения списков русских военнопленных. Как вы, наверное, знаете, при этом обществе в Москве еще прошлым году было образовано Центральное справочное бюро. Оно контактирует с французским посольством в Токио, японским Красным Крестом, даже с Николаем Японским. Все это время уточнялись поименные списки военнопленных, их распределение по лагерям. Но в списках много расхождений – японцы чудовищно коверкают русские имена. Теперь решено поглядеть положение дел на месте и решить многие другие вопросы – в том числе и очередности возвращения наших в Россию... Как вам такое живое дело, Андрей Андреевич?

Архипов крикнул:

– Хоть я на этих самураев глядеть спокойно не могу – поеду, коли надо! Вот только пустят ли? Боюсь, что дружба с вами, господин ротмистр, может сыграть здесь плохую службу...

– Не скажите, не скажите, Андрей Андреич! – усмехнулся Лавров. – Это как еще поглядеть! Вот ответьте, как на духу: если ли у вас возможность получить аудиенцию у вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹⁵? Или, на худой конец, у великого князя Георгия Михайловича или у великой княгини Марии Георгиевны?

– Смотря по какому вопросу, – состорожничал Архипов.

– По самому что ни есть человеколюбивому! – заверил Лавров. – Дело в том, что волею случая мне передали около двух сотен писем раненых, обращенных к Марии Федоровне. Все это – пациенты санитарного поезда ее имени, выражающие благодарность за излечение и помощь после выздоровления. Весьма трогательные солдатские письма, Мария Федоровна будет очень тронута. Передадите письма, а в конце аудиенции выразите озабоченность состо-

¹⁵ Мария Федоровна – вдова царя Александра III – была попечительницей Русского общества Красного Креста (РОКК). В числе прочего ею было инициирована постройка и рейсы санитарных поездов-госпиталей. Один из них был назван ее именем.

янием помощи военнопленным в Японии – я просто уверен, что вас и попросят дать согласие на работу в намечаемой депутации в Японию, лично съездить и убедиться, так сказать...

– И я попытаюсь разыскать там нашего Мишеля! – с энтузиазмом закончил Архипов.

Лавров слегка поморщился.

– Боже вас упаси разыскивать нашего Агасфера – если вы, конечно, желаете ему добра, Андрей Андреевич! Только военнопленные и их нужды!

Архипов подозрительно покосился на Лаврова, покашлял в кулак:

– Ну а в чем тогда будет заключаться суть моей миссии, Владимир Николаевич? Только не пытайтесь меня уверить, что это будет чистой воды благотворительность!

– В первую голову – благотворительность! – заверил ротмистр, и, в свою очередь, покашлял, делая паузу. – Ладно, раскрою вам карты до конца! Нам удалось перехватить один из отчетов французского консула в Токио – Франция, как вам известно, любезно согласилась выступать посредником в общении воюющих сторон. Очень любопытный оказался отчетец, Андрей Андреевич! Француз, например, уверяет, что среди русских военнопленных в японских лагерях немало лиц, не желающих возвращаться в Россию!

Архипов поперхнулся чаем:

– Как такое может быть, господин ротмистр? Не врет французик часом? Чтобы славянин по доброй воле пожелал остаться у своих поработителей? У макак этих? Не верю!

– Воля ваша, – пожал плечами Лавров. – Ежели поедете – сможете убедиться самолично. Лично я верю. И вот почему: дело в том, что организованные японцами лагеря для военнопленных, по многочисленным отзывам, мало напоминают русские тюрьмы. Скорее, это поселки с ограниченной, разумеется, свободой передвижения и прочими строгостями военного времени. Но тем не менее, Андрей Андреич! У русских в Японии есть возможность свободных увольнительных, им выдают жалованье, на которое совершаются покупки. Все это и многое другое мало похоже на отечественное казарменное житье-бытье не только солдат, но и офицеров. Приветливое население, чистенькие японские города-поселки... И если бы сами японцы не были исторически пристрастны к иностранцам, не были бы столь не расположены к любым иноземцам вообще – боюсь, число невозвращенцев-славян было бы гораздо большим!

– Значит, моей задачей будет выявление таких непатриотически настроенных военнопленных и воспитательная среди них работа?

– Можно сказать и так, – согласился Лавров. – С одной небольшой поправкой: вам нужно будет найти хотя бы одного-двух невозвращенцев и попытаться помочь им остаться в Японии! С тем, чтобы у нас появилась там своя агентура! Что скажете, господин полковник?

– Хм... Скажу, что сия задача кажется мне невыполнимой! Ну как вы себе представляете русского полковника, члена депутации Красного Креста, который будет обивать пороги японских властей с просьбой оставить у себя неких Иванова, Петрова и Сидорова?

– Ну, зачем юродствовать, Андрей Андреич? Это ни к чему! – укоризненно покачал головой Лавров. – Если серьезно, то вы, наоборот, должны громогласно порицать невозвращенцев. И через японцев так действовать, разумеется, глупо. Эта страна, между прочим, истощена закончившейся войной больше, чем Россия. У них своих голодных полно, и чужие там и вовсе ни к чему. Если их кто-то из военнопленных и может заинтересовать, так это, скажем, какие-то изобретатели, умельцы. Но таких среди военнопленных крайне мало, полагаю. Старшие офицеры славянских кровей им тоже ни к чему: нашу тактику и стратегию японцы давным-давно изучили. И военных инструкторов раньше предпочитали искать у немцев, а нынче отдают предпочтение англичанам. И вообще мы все тут плохо, к сожалению, знаем особенности их национального характера и предпочтения. Надеюсь, что ваш визит поможет нам лучше узнать это. На месте поглядите – что и как. Не получится с агентурой – никто вас корить не станет. Да и некому, честно признаться: знаем об этих задумках только мы двое!

– Как говорят, попытка – не пытка. Попробуем, – вздохнул Архипов. – Когда аудиенцию-то испрашивать?

– А вот с этим тянуть не надо, Андрей Андреевич! Может, сразу пойдете к графу Воронцову-Дашкову¹⁶? Как вы с ним?

– Да практически никак, Владимир Николаевич! Как говорится, птица высокого полета и не наших кровей. Мне проще к вдовствующей императрице напроситься, через нее действовать. Письма-то ваши где?

– К вечеру доставят вам сундучок-с.

– Ну и ладно. Что там с Алексеем Николаевичем Куропаткиным, не слышать?

– Не в фаворе нынче наш генерал-адъютант. Вы, наверное, слышали – после отставки наместника Алексева был назначен главнокомандующим всеми нашими войсками и флотом. Пошел было в гору, но проиграл сражение при Мукдене, после чего был перемещен на место командующего Первой армией Линевича. Когда дело запахло миром, забросал государя телеграммами о невозможности закончить войну столь позорно, ратовал за продолжение военных действий. Не было бы этих телеграмм – глядишь, не привлек бы к своей персоне столь пристального внимания. А нынче его только ленивый в печати не ругает. Делают главным виновным в проигрыше... Просится в Петербург, для личных объяснений с государем – а его видеть не желают... Держат пока на Дальнем Востоке. Так-то, Андрей Андреич!

Лавров встал, помял поясницу, вздохнул:

– Век бы из ваших кресел не выбирался, господин полковник! Но – дела, дела! С вашего позволения – откланиваюсь. И жду добрых вестей по результатам аудиенции.

Лавров поклонился, звонко щелкнул каблуками, и напоследок по-свойски обнял Архипова:

– Провожать не надо, Андрей Андреич! Прощайте!

Выйти из дома Лавров с самого начала предполагал черным ходом, через запущенный двор и замаскированную калитку, выходящую в переулок. Так он и поступил: ротмистр опасался привлекать внимание к полковнику накануне его миссии.

Выйдя в переулок, Лавров негромко свистнул, и через пару минут к нему подкатил экипаж.

– На Таврическую! – негромко бросил Лавров вознице и откинулся поглубже на сиденье, ставши совершенно незаметным для прохожих.

Скромный неброский дом на Таврической, 17 по-прежнему украшала табличка перестраховочного товарищества на паях «Злобин и компания». Выскочив из экипажа на ходу, Лавров быстро нырнул в застекленную дверь главного входа. При его появлении конторщики вскочили с мест, сдержанно наклонили головы. Кивнув в ответ, Лавров быстро прошел к тайному ходу в свой кабинет, расположенный во втором этаже. Швырнув саблю, форменную шапку и перчатки в кресло, прошел за свой стол, поправил приготовленные к его приходу папки, но раскрывать их не спешил, ждал с докладом порученца. Не прошло и трех минут, как тот явился, поздоровался и с разрешения начальника присел за приставной столик, положив перед собой единственный, весьма тощий бювар. Его доклады традиционно были устными.

– Ну, что у нас новенького, Сергей Иванович?

– Активности противника вокруг нашей конторы за минувшие сутки не отмечено, Владимир Николаевич. Посетителей вчера было двое – случайные люди, действительно по страховым делам. Семен Харитонов¹⁷ телефонировал – из Москвы он вернулся благополучно, к

¹⁶ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков – русский государственный и военный деятель: министр императорского двора и уделов, с 1904 года – председатель Красного Креста, позже – наместник на Кавказе.

¹⁷ Под именем Семена Харитонова, наблюдательного агента 1-го класса, в РО продолжал службу Евстратий Медников, некогда начальник летучего отряда Московского охранного отделения.

полудню обещал подойти. Остальная работа идет по плану, рапорты в папках на вашем столе, Владимир Николаевич...

– Хорошо. Свободны пока, – Лавров бросил короткий взгляд на массивные часы в углу кабинета. До полудня оставалось минут двадцать – а Евстратий не из тех, кто позволяет себе опаздывать к назначенному времени.

В Москве у Разведочного отделения был небольшой филиал – штатной численностью всего в три единицы. Работы по профилю РО во второй столице России было не в пример меньше, чем в Петербурге, но совсем со счетов Москву никто не сбрасывал. Политическая обстановка в России менялась порой совершенно неожиданно, и не всегда в пользу Разведочному отделению. Лавров даже не исключал возможности передислокации своей конторы туда – если в столице вдруг станет для нее слишком неуютно. Вот Медников – Харитонов и навещал время от времени свои старые пенаты, встречался с приятелями, с коими начинал работу в охране, прощупывал обстановку.

Когда часы начали с хрипом отбивать полдень, за стеклянной дверью появился знакомый силуэт. Лавров нажал кнопку, открывая дверь и одновременно блокируя стальное полотнище, которое, в случае непрошенных визитеров, наглухо перекрывало вход в кабинет.

Медников переступил порог, приостановился, коротко поклонился:

– Желаю здравствовать, Владимир Николаевич! Дозвольте войти?

– Заходи, заходи, Евстратий! – искренне улыбнулся Лавров. Он единственный сохранил за собой право называть Медникова по-старому. – Специально, поди, ждал, пока часы начнут бить?

– Не без этого! – сознался старый сыщик, упруго шагая к столу и с поклоном подавая начальству руку – по-европейски.

– Ну, с приездом тогда. Садись, рассказывай – как там Златоглавая?

– Жарковато, господин ротмистр! Робята в поте лица трудятся – много революционеров переехало нынче отсель в Москву. Тут-то за них господин Лопухин взялся основательно, вот они в тишину и патриархальную благодать подались. Да и простые уголовнички активизировались: что ни ночь, то минимум два-три налета на банки, богатые конторы.

– Обратного не звали тебя? – усмехнулся Лавров, которые знал о многочисленных предложениях, от которых Медников – Харитонов едва успевал отбиваться.

– Звали, конечно! – серьезно кивнул Медников. – Но уже без надежды на мое согласие. Так, по привычке.

– Что еще?

– Да вот, не знаю – интересно это нам или нет, – медленно начал рассказывать Медников. – Третьего дня проводили робята московские большую облаву по хазам, малинам и прочим местам, интересным уголовничкам. И в числе прочих взяли они старого знакомого, «блинопека»¹⁸ по специальности. Я его еще по прежней службе помню – Кроха-Матеха кличку имеет. Крепко, видать, он влип – вот и сдал в числе прочих весьма необычного и солидного заказчика одного. Слыхали о нем наверняка, господин ротмистр: редактор московской газеты «Русское слово», господин Влас Михайлович Дорошевич.

– Вот это да! Всероссийский обличитель пороков, цвет отечественных фельетонистов – и на таком деле попался! И что же он заказал Крохе твоему?

– Принес он ему в работу английский паспорт. Самый что ни есть настоящий, как Кроха утверждает, – а ему в этом смысле доверять можно! И попросил кое-что в разделе «Описание владельца» исправить¹⁹.

¹⁸ На блатном жаргоне «блинопеками» называли фальшивомонетчиков и специалистов по подделке документов.

¹⁹ В британском паспорте для путешественников до 1915 года фотографии владельца не было – только описание лица, характерных примет, роста, телосложения.

– Так-так-та-ак... На Остров Сахалин сей пронирыливый литератор уже пробирался. Куда ж еще он собрался с британским паспортом?

– В том-то и дело, Владимир Николаевич, что не для себя ему паспорт потребовался! Московские сыщики Кроху долго пытали и выяснили, что под описание владельца в «исправленном» варианте Дорошевич никак не подходит! Не для себя он, короче, паспорт заказывал!

– Слушай, Евстратий, а чего это ты мне с Дорошевичем, Крохой и британским паспортом минут пять уже голову морочишь? – прищурился Лавров. – Других занятий у тебя в Москве не было, что ли?

– А ты меня не осаживай, господин ротмистр! – со злинкой парировал Медников. – Я нутром чую: неспроста этим паспортом наш старый друг, Манасевич-Мануйлов шибко заинтересовался! Поскольку с Британией отношения сейчас у нас весьма напряженные, доложили москвичи об этом по инстанции, в Петербург. А отсюда депеша ушла в Москву, за его подписью: немедленно доставить Кроху к нему! А мое нутро, Владимир Николаевич, сам знаешь – чуткое! И от беды не раз спасало, и верную тропку в розыске подсказывало!

– Ну-ка, ну-ка! И что оно тебе на сей раз подсказывает, Евстратий?

– Сам пока не знаю! – сердито огрызнулся Медников. – Но ребята московские, по старой дружбе, значить, дали мне возможность с Крохой тет на тет побалакать – перед тем, как его с конвоем к Манасевичу отправить.

– И что?

– Побалакал я с ним. И понял, что с другим человеком балакать надо – потому как описание владельца паспорта под каждого второго человека подходит. Манасевич-то всю пограничную стражу России уже на ноги поднял, в посольство британское запросы шлет. Те отвечают, что господин Палмер в Россию не въезжал и в Бюро иностранцев не регистрировался. Вот и получается, что только сам господин редактор может ответить – для кого он чужой паспорт в работу отдал? Манасевич насчет Дорошевича тоже допер, да поздно! Дорошевича как раз в России-то и нету – уехал в Италию, говорят.

– По своему паспорту?

– По своему. А дней за десять до того, как Крохе английский паспорт принести, господин Дорошевич из Индии, пароходом через Одессу вернулся. На том маршруте, говорят, англичан много всегда бывает – так что мог кто-то и обронить свой паспорт, – многозначительно поиграл бровями Медников.

– Слушай, Евстратий, я все же что-то никак не пойму: чего ты в этот паспорт британский вцепился? – помолчав, поинтересовался Лавров. – Ну, с Манасевичем-Мануйловым понятно: тот изо всех сил нужность своего полицейского антишпионского подразделения всем доказывает. И фантазия у этого господинчика богатая: вполне мог придумать «шпионское гнездо» в России, с Дорошевичем во главе. Тем более – война у нас с Японией идет, а британцы им нынче первые друзья. Но мы-то тут каким боком? Дорошевич – личность слишком известная в России, да и в Европе тоже – после издания книжки своей о Сахалине, – чтобы в японские шпионы лезть. Что ты предлагаешь, в конце концов? Мануйлову ножку подставить? Показать всем ненужность наших конкурентов? А для этого с Дорошевичем «завязаться»? Уволь, брат! Прессу нынче только тронь – такой вой поднимут, что не приведи господи! Тем более – «Русское слово»! Или ты, Евстратий, не договариваешь чего? Тогда договаривай!

Медников крикнул, пригладил двумя руками жидковатые длинные волосы на макушке. Покрутил головой:

– Недаром все же тебя, господин ротмистр, начальником в нашу контору поставили! И моя чувствительная утроба по сравнению с твоей... инто... Как ее, слово выскочило из башки...

– Интуицией? – улыбнулся Лавров. – Ты с комплиментами начальству погоди, Евстратий! Знаешь ведь, не люблю! Лучше все до конца расскажи!

– Ну, раз угадал – слушай! Раз Дорошевич уехал – решил я, будучи в Москве, вокруг редакции покрутиться, поразнюхать – чего можно. И представь себе – нашел человечка одного, обиженного, разговорчивого и на рюмку падкого. Младшим счетоводом-кассиром в издательском доме Сытина служит – ну, который «Русским словом» владеет.

– Знаю Ивана Дмитриевича, – кивнул Лавров. – Весьма достойная личность!

– Да бог с ним, с Сытиным! – отмахнулся Медников. – Я про Порошкина, счетовода говорю. Как я его вычислил – долго рассказывать. Суть скажу: очутился я с ним за одним столом в трактире, в день, когда издательским жалованье выдают. Ну, себе-то я заранее у трактирщика графинчик водички колодезной выговорил – знаешь ведь, не пью и табаком вера моя пользоваться не велит. А Порошкин – человек слабый на сей счет. Слабый да завистливый. Вот и узнал я от него, что днем раньше Дорошевича отъехал в командировку в Париж его любимчик, талантливый репортер – некто Краевский Владимир Эдуардович. По описанию Порошкина вполне подходит под британский паспорт...

– Ну и что? Сам поминал: под то описание многие подойти могут!

– Во-первых, командировочных сумм Порошкин выдал Краевскому, на сей раз, просто огромную сумму – пять раз до Парижа доехать можно! А во-вторых, Краевского приятели Англичанином иной раз кличут – так ловко он на их языке говорит. Деньги выданы по личному указанию Сытина, а Дорошевич прибегал к бухгалтерам, ругался, что тянут с выдачей. Вот тебе, Владимир Николаевич, и разгадка британского паспорта!

– Допустим. И что это нам дает?

– Пока ничего. Но не худо было бы проследить, господин ротмистр, куда Краевский из Парижа двинется!

– Краевский или упомянутый тобой Палмер, – пробормотал Лавров, выстукивая пальцами на столешнице какой-то марш. – Жалко: почти все парижские связи под Манасевичем-Мануйловым остались...

– Неужто все, Владимир Николаевич? – Медников даже подался вперед, вглядываясь в невозмутимое лицо начальника.

– Ну, допустим, не все, – протянул Лавров. – И я, конечно, попытаюсь навести справки. Но признаюсь, Евстратий, что перспектив этого дела для нас пока не усматриваю... Впрочем, поживем – увидим!

– Эх, самим бы в Париж кого откомандировать! – мечтательно прикрыл веки Медников. – Наши точно бы всё раскопали!

– И думать забудь! – погрозил пальцем Лавров. – Такая поездка мигом Мануйлову известна станет! Через пограничную стражу, подведомственную Департаменту полиции. Только и будет заботы, что от его «хвостов» отделяться! Во-вторых, бюджетец наш слишком тощ ныне, чтобы такие командировки организовывать. И в-третьих, не вижу смысла...

– Пока не вижу, – помолчав поправился Лавров. – Здесь надо покопать хорошенько. В той же Москве – очень осторожненько, чтобы полицейский департамент не насторожить! Такие поездки, под чужой личиной, в газете, конечно, в большой тайне держат. Но кто-то все равно сию тайну знает. Друзья-приятели Краевского могут знать... А уж Сытин-то наверняка! Ладно, Евстратий! Спасибо за службу, как говорится. Рапорт мне к вечеру подробный на стол положишь. Вот Архипова провожу, дай Бог, чтобы получилось у него – и сам съезжу в Златоглавую!

Глава шестая

Петербург – Париж

Закрытое авто, приткнувшись к поребрику правыми колесами, замерло у дома № 12 на набережной Мойки, где обосновалось Охранное отделение. Сторож в мундире унтер-офицера едва успел сбежать с невысокого крыльца и, оскальзываясь на мокром булыжнике, распахнуть дверь перед важным посетителем. Однако замечания не избежал:

– Спишь, что ли, братец? – Посетитель, плотный мужчина среднего роста тяжело выбрался из автомобиля, недовольно покосился на низкие, морозящие мелким дождем тучи и быстро зашагал к подъезду. – Зонтика в охранке нет, что ли?!

– Виноват-с! – козырнул оробевший унтер. – Не подумавши, стало быть...

Обогнав посетителя, он распахнул перед ним массивную дверь и аккуратно притворил ее за грозным гостем, не забыв нажать кнопку электрического звонка, оповещающего начальника о подобных неожиданных визитах.

В пустом вестибюле Манасевич-Мануйлов на ходу стянул с плеч мокрый плащ, бросил его на перила первого лестничного марша, бросив унтеру через плечо:

– Почисти, что ли... Просушить все равно не успеешь...

– Слушшиш, вашш превосходительство! – подхватив плащ, унтер проводил посетителя недобрый взглядом, прошипел вслед. – «Превосходительство»! Тьфу! Надворный советник, а попробуй не назови – рад не будешь! Какую власть при департаменте заимел, «бугор» проклятый!

Полковник Николай Леонидович Кременецкий, исполняющий должность начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка по Санкт-Петербургу с прошлого года, о визите Манасевича был предупрежден из Департамента полиции еще по телефону, поэтому не слишком приятного гостя встретил у лестницы на втором этаже. Тот, словно чувствуя скрытую неприязнь, холодно кивнул в ответ на приветствие, последние ступеньки преодолевать не стал, осведомился:

– Привезли голубчика? В подвале? Ну, проводи, что ли! – И, развернувшись, начал спускаться вниз.

Кременецкий кашлянул:

– Не по этой лестнице, Иван Федорович! Извиняйте, придется подняться! Прошу за мной!

Пройдя длинным коридором второго этажа, Кременецкий распахнул неприметную дверь на черную лестницу, ведущую в подвал бывшего пушкинского дома, где были наскоро оборудованы несколько камер для задержанных преступников. Обогнав посетителя, пошел по коридору и остановился у железной двери, возле которой дежурил второй унтер.

– Открывай!

– Погоди, братец! – Манасевич, прежде чем заходить в камеру, прильнул к глазку, оценивая содержащегося там «подмастерья»²⁰, привезенного по его приказу из Москвы. Разочарованно пробормотал, отступая от двери. – Да это карлик какой-то цирковой! Отпирай! И ведро воды приготовь...

– Я полагаю, что тут вам не потребен? – осведомился Кременецкий, догадываясь о том, что будет происходить в камере – был наслышан!

Буркнув в ответ что-то неопределенно, Манасевич шагнул в камеру, остановился напротив соскочившего при виде начальства уголовника. Оглядел карлика с ног до головы, приказал:

– На стул становись. Я люблю, чтобы глаза в глаза... Живее!

²⁰ «Подмастерье» – специалист по изготовлению фальшивых документов и денежных купюр (уг. жарг.).

Дождавшись, пока карлик вскарабкается на стул, надворный советник снова оглядел задержанного с большой головы до коротких кривых ножек.

– Имя? Кличка?

– Сроду Крохой-Матехой кликали, господин начальник! Ту вашему благородию и имя, и кличка мои...

– Давно ли по «куклимам»²¹ работаешь?

– Сызмальства научен, господин начальник.

– Английский паспорт для господина литератора сделал? Для господина Дорошевича?

– Мне побоку – для кого, господин начальник! Велел старшой наш сделать – я и сделал.

– Хорошо сделал? Качественно? Не засыплется на границе человек с твоим «куклимом»?

– До сей поры претензий не было, господин начальник. Потому мне старшой и велел человеку помочь...

– «Претензий»! – передразнил Мануйлов, – паспорт-то английский! Языкам обучен?

– Знаю мало-мало, господин начальник.

– Знаешь, говоришь? – Мануйлов вытянул из кармана кожаные перчатки с нашитыми на фаланги пальцев свинцовыми полосками. – *Quel âge as-tu, la punaise pervers?*²²

При виде перчаток Кроха-Матеха заметно побледнел, переступил ногами:

– *Quarante ans dans l'année à venir sera. Battre les aures, monsieur le chef? Après tout, j'ai tout dit...*²³

– Не бить, а учить! – развеселился надворный советник. – А может, и не стану – как разговор пойдет. Вот скажи, клоп, сколько ты за паспорт тот с господина литератора взял?

– Ни копейки не взял, господин начальник, – Кроха не спускал расширенных глаз с перчаток, которые Манасевич медленно натягивал на руки. – Уважают его на Хитровке за правду, за честность, за книжку его про Сахалин...

– Уважают, говоришь? И ты уважаешь? А что ж сдал господина литератора со всеми потрохами? А? Тебя же по другому делу замели, клоп поганый!

– Мой грех, господин начальник! Я ведь перед тем, как за паспорт настоящий братья, руку на черновичках набивал. И не выбросил те бумажки, будь они прокляты! А ваши, сыские московские, нашли их. И взялись за меня...

– А ты и соврать не мог, уважаемого человека сдал, – продолжал веселиться Манусевич. – Вот отпустим тебя – как полагаешь, что с тобой общество ваше блатное сделает?

– Могут и убить, – пожал плечиками Кроха. – А может, и с пониманием отнесутся: знают, как сыскари московские допрашивать умеют! Про мать родную расскажешь то, чего сроду и не было!

– И как же тебя допрашивали? – прищурился надворный советник. – Ну-ка!

– Как? Собрали все дерьмо с камер, из параш, меня за ногу подвесили и макать стали в то дерьмо, – угрюмо признался Кроха. – Все расскажешь, чтобы не помереть в говне-то...

– Ай-й-й-й! Государевы слуги – и в говно макать человека! – покрутил головой Манусевич. – Не врешь, клоп? Не возводишь напраслину на людей?

– Вот вам крест святой! – Кроха размахисто перекрестился и тут же, только успев ойкнуть, слетел от удара надворного советника с табурета.

Полежав, пощупал ручками зубы, глухо спросил:

– За что, господин начальник, убогого калечишь?

²¹ Куклим – фальшивый документ (*блат. жарг.*).

²² Сколько тебе лет, клоп негодный? (*фр.*)

²³ Бить будете, господин начальник? Зачем? Я ведь все рассказал... (*фр.*)

– А ты Бога с говном не смешивай, поганец! – с готовностью пояснил Манасевич. – Ладно, вставай, хватит валяться! Не буду больше бить! На кого описание владельца в паспорте подогнал?

– Я же все написал, господин начальник! – карлик с трудом поднялся, по-прежнему щупая зубы. – Имя в паспорте прежнее осталось – Персиваль Палмер. Только настоящий Палмер волосы светло-русые имеет, и ростом пониже будет. А в новом описании чернявый господин значится. Брови прямые. Особую примету вписал – давний шрам на кисти левой руки, около четырех дюймов²⁴. Я и рисунок сыскным вашим представил – господин Дорошевич мне фотографию приносил. Вы спросите, господин начальник!

– Ладно, черт с тобой! Живи, клоп! Только я бы на твоём месте в Златоглавую возвращаться погодил бы, – Манасевич стянул перчатки. – Подписку о сотрудничестве дашь?

– Как скажете, господин начальник...

Не прощаясь, надворный советник быстро вышел из камеры, бросил унтеру через плечо распоряжение – запереть пока. Поднялся по лестнице на второй этаж, без доклада прошёл в кабинет начальника, упал в кресло, вставил в угол рта сигару и вопросительно поглядел на Кременецкого. Тот, слегка помедлив, вышел из-за стола, поднес спичку.

– Какие документы с клопом этим Ратко прислал? – вместе с клубами дыма первых затяжек выдохнул Манасевич-Мануйлов.

Кременецкий достал из сейфа засургученный пакет, повертел его перед глазами посетителя, чтобы тот убедился в целостности упаковки, вскрыл тощий конверт и подал надворному советнику. Тот вынул из конверта три листа бумаги и, хмыкнув, начал читать.

*Его высокоблагородию начальнику Отделения
по охранению общественной безопасности
и порядка по г. Москве
подполковнику В. В. Ратко*

Покорнейше доношу, что сентября 10 числа силами Особого отряда наблюдательных агентов при полном содействии и поддержке полицейских сил в районе т. н. Хитрова рынка было произведено литерное мероприятие № 4 (облава).

При проведении мероприятия задержано и доставлено в полицейские части г. Москвы числящихся в розыске – 160, неимеющих паспортов крестьян и мещан ближних и дальних губерний – 85, беглых из мест содержания под надзором и сибирских губерний – 16, всего 261 душ.

Особо доношу, что при проведении проверки жильцов доходного дома Бунина, в одной из комнат второго этажа, числящейся за мещанкой Сысолятиной, в личных вещах квартирующей у нее личности по кличке Кроха-Матеха в числе прочего обнаружено большое количество резаной бумаги с водяными знаками и прочими охранительными особенностями, применяемой обычно для изготовления бланков видов на жительство, «желтых билетов» и пр. приспособлений для изготовления оных. В числе прочего, у упомянутого Крохи-Матехи обнаружено три четвертушки бумаги особого качества, с надписями на английском языке и представляющие собой пробу пера, чернил и мастики для изготовления английского паспорта, выписанного на имя П. Палмера. У него же обнаружено фальшивых банковских купюр в различной степени готовности общим весом 1,5 фунта.

²⁴ Один английский дюйм равен 2,54 см.

При допросе в полицейской части упомянутый Кроха-Матеха показал, что вносил по просьбе неизвестного ему заказчика в подлинный английский паспорт Палмера изменения в разделе описания владельца. Каковые изменения позволяют использования данного паспорта другими лицами.
Ст. наблюдательный агент 2-го класса Геккель

Из второй бумаги следовало, что «усиленный» допрос Крохи-Матехи позволили установить имя «неизвестного» ему заказчика, каковым оказался, по его утверждению, известный литератор газеты «Русское слово» В. М. Дорошевич. Третья представляла собой список полицейских агентов, проявивших в ходе литерного мероприятия особое рвение и усердие – на предмет возможного поощрения и выплаты наградных сумм из особого фонда.

Манасевич-Мануйлов зевнул, небрежно отбросил бумаги в сторону, констатировал:

– За такую службу не поощрять надо, а гнать в три шеи! И начальник Московской охраны Ратко хорош! Не удосужился вникнуть в описание владельца британского паспорта и «примерить» внесенные этим клопом изменения на предмет соответствия конкретной личности... Британский паспорт – это вам не шуточки! Англичане при объявленном ими нейтралитете в Русско-японской войне открыто «макакам» помогают. И займами, и оружием, и наверняка разведочными данными. Телефонная связь у вас с Москвой имеется, полковник?

Кременецкий поскреб голый подбородок:

– Дозвониться-то можно, Иван Федорович. Только ведь горло сорвешь, объясняясь. Не только барышни с телефонных станций – все прохожие на Мойке будут в курсе наших секретов.

– Тогда пиши текст депеши! – велел Манасевич. – Москва, Охранное, подполковнику Ратко. Вам предписывается силами негласного розыска установить личность сотрудника «Русского слова», подходящего под исправленное описание Палмера. При установлении личности обеспечить негласное усиленное наблюдение за оным. Отчет предоставлять ежедневно, телеграфом. Подпись мою поставь, зашифруй и молнируй депешу в Москву.

– Слушаюсь, Иван Федорович, – с едва заметной иронией кивнул начальник охраны.

– Срочно сделай официальные запрос в английское посольство: не обращался ли к ним по поводу утери паспорта путешественника некто Персиваль Палмер? От имени директора Департамента запроси пограничную стражу: пересекал ли российскую границу в ту или другую сторону этот Палмер. В Бюро иностранцев, в лучшие гостиницы людей послать надо – может, там следы англичанина сыщутся? Ведь попал же как-то к Дорошевичу его паспорт!

Кременецкий кивал, делая пометки в своем ежедневнике.

– Ну, вроде пока все... Да! Карлика этого я бы у себя оставил, полковник. Убьют его в Москве уголовники. А клоп явно небесталанный – глядишь, и нам сгодится! Надо же – британский паспорт смастырил!

Кременецкий сделал задумчивое лицо, словно уже прикидывая должность, на которую он определит московского жулика-«недоноска», свалившемуся ему на голову.

– Впрочем, как угодно! – чувствуя за почтительностью полковника едва скрываемую неприязнь, Манасевич встал, мстительно загасил сигару в кадке с пальмой (хоть пепельница и под носом стояла) и, не прощаясь, вышел.

Трясаясь в авто по булыжным мостовым Петербурга, Манасевич-Мануйлов никак не мог отделаться от мыслей о возможной связи британского паспорта с проклятым Дорошевичем. Недолюбливая постылого газетчика, Мануйлов, как и прочая российская чиновная братия, отдавал должное талантам и пронырливости Дорошевича, сумевшего сделать из хиреющей провинциальной газетки практически европейского лидера. За совсем недолгое время «Русское слово» уверенно вырвалось в фавориты – и не только отечественной прессы. Что ж, тем больше Манасевичу хотелось вставить фитиль зарвавшимся газетчикам. И уж Дорошевичу – в особенности!

Признаков шпионства во все этой истории надворный советник, признаться, пока не видел. Криминальные умыслы Дорошевичу «пришить» можно хоть сегодня. Подделка заграничного паспорта тянула если не на чистую уголовщину, то на серьезную компрометацию газеты и ее ведущего литератора – наверняка! Но в целом комбинация с британским паспортом была непонятной.

Для чего мог потребоваться известному газетному мэтру Дорошевичу британский паспорт? В Соединенное Королевство, как и в любую другую европейскую страну, он мог без проблем попасть и по своим документам. Хотя – стоп: паспорт был сделан совсем под другого человека! Без сомнения – для близкого Дорошевичу человека, скорее всего – собрата по газетному ремеслу.

Впрочем, сути загадки это не меняло. Но человечка этого найти надо было непременно! И, уже подъезжая к массивному зданию Департамента полиции на Фонтанке, Мануйлов пожалел, что включил в это дело не слишком крепкого умом Ратко. Напортачит ведь, сукин сын! Сработает грубо, обозлит газетчиков, те спрячут концы в воду и поднимут вой на весь мир об очередном «закручивании гаек», об «атаке на демократическую прессу» – а Ратко прикроется его депешей. Нет, надо ехать самому!

К директору департамента надворный советник входил без доклада, не слишком озабочиваясь недовольным порой видом Лопухина. Так поступил он и нынче. Коротко, без подробностей, изложил суть своего беспокойства, испросил разрешения съездить в Москву. Лопухин пожал плечами: поезжайте, милостивый государь, коль есть надобность.

– Спасибо, – поблагодарил, вставая Мануйлов. – Только... Я вот что подумал, Алексей Александрович: не попросить ли у вас ваш личный салон-вагон? Не планируете в ближайшие день-два сами попользоваться?

– Не планирую, хотя, признаться, и оснований для вашей особой спешки, Иван Федорович, не вижу, – Лопухин снял пенсне, помассировал покрасневшую переносицу, и, не удержавшись, съязвил. – Но коль скоро главный ловец шпионов эту спешку усматривает – извольте! Тратьте казенные денежки...

Сделав вид, что не услышал последней фразы, Мануйлов поспешил откланяться и отправился прямо на вокзал, на ходу оставив порученцу директора распоряжение протелефонировать железнодорожникам – чтоб приготовили спецсостав.

Отлично выспавшись в салон-вагоне, Манасевич-Мануйлов ранним утром следующего дня уже был в Московской охранке. Лично отобрав четырех наблюдательных агентов посмышленнее, дал каждому подробное задание, и уже к полудню, заняв отдельный кабинет в здании Московского охранного отделения, принимал от них отчеты и доклады о том, что удалось узнать. А узнать удалось немало.

По рисунку Крохи-Матехи, сделанном им по памяти с принесенной Дорошевичем фотографии, в редакции был безоговорочно опознан Владимир Эдуардович Краевский. Он же имел на левой кисти длинный шрам – память о матросской службе в молодости. Краевский, по отзывам сослуживцев, великолепно знал английский язык, на котором говорил, уверяли, как англичанин. В «Русское слово» Краевский был приглашен лично Дорошевичем, с которым какое-то время служил в «Одесском листке». Выяснилось также, что Краевский долго жил в Шанхае и Харбине. Больше о прошлом Краевского, его происхождении и родителях никто ничего не знал.

Официально нынче у него было газетное задание в Париж, однако сумма выданных ему проездных сумм значительно превышала все мыслимые потребности такой поездки.

Манасевич-Мануйлов даже решил было, заручившись поддержкой Московского градоначальника, великого князя Сергея Александровича, нанести личный визит Сытину и в упор спросить о столь дорогостоящей командировке Краевского. В издательский дом на Тверскую был направлен сыскной агент с заданием проследить за передвижениями Сытина: навещать того в его родных стенах Мануйлову не хотелось. Совсем другое дело – разыграть, скажем, случайную встречу где-нибудь в городе. Смущало старого интригана одно обстоятельство: ходили упорные слухи, что владельцем «Русского слова» Сытин стал с личного согласия и благословения всесильного обер-прокурора Синода Победоносцева. А связываться с Константином Петровичем могло оказаться себе дороже.

Поэтому надворный советник, не приняв окончательного решения насчет «случайной встречи», предпринял покамест обходной маневр: он нанес визит банкирам Сытина, надавил на них именем директора Департамента полиции Лопухина, и те, как ни крутились, все же назвали точную сумму произведенного Сытиным займа. При этом банкиры уверяли, что деньги потребовались издателю на расширение печатного дела и закупку нового типографского оборудования.

Многое за полдня в Москве смог разнюхать Мануйлов. Были в числе прочего и весьма неприятные известия. Топтун, посланный следить за Сытиным, засек неожиданную встречу последнего с ротмистром Лавровым и его правой рукой, некогда начальником летучего отряда Московской охраны Медниковым.

Визит в Москву ярого врага привел Манасевича-Мануйлова в ярость, и вместе с тем заставил еще раз крепко задуматься: куда же все-таки настропалил лыжи подающий надежды репортер «Русского слова» Владимир Краевский, давний приятель Дорошевича?

Надежда узнать это у Манасевича-Мануйлова теплилась: один из московских сыскарей, уже к отходу спецпоезда, принес ему копию телеграфной депеши от Краевского, отправленной из Парижа. Исходя из текста телеграммы, Краевский по каким-то финансовым обстоятельствам был вынужден задержаться во французской столице еще на четыре-пять дней.

Это вселяло некоторые надежды: в Париже у Манасевича осталось немало добрых друзей и в тайной полиции. И не только там... Но «парижскую акцию» он еще успеет обдумать во время возвращения в Петербург. А пока надворный советник поманил поближе топтавшегося у выхода подполковника:

– Чего, как неродной, у дверей топчешься, Василий Васильевич? Давай-ка мы с тобой на дорожку шустовского выпьем, а? Давай-давай, проходи, не стесняйся!

После двух стопок Манасевич перешел к делу:

– Вот что я хотел тебе поручить, Василий Васильевич... Вернее, попросить: не в службу, а в дружбу, как говорится!

– Слушаю внимательно, Иван Федорович! – рывнул Ратко.

– Ты не рычи, а слушай, подполковник, – Манасевич помедлил. – Ну в том, что у тебя есть агентура в преступных сообществах Москвы, я не сомневаюсь! А вот как насчет обратной связи у тебя, а?

– Н-не понял, Иван Федорович! – захлопал глазами Ратко.

– Экий ты, брат, ту... непонятливый! – поморщился надворный советник. – Ну, слушок один надо блатарям запустить. Вроде как утечку секретной информации допустить – но такого человечка подобрать, чтобы на той стороне, поверили. Понял?

– Кажется, понял, Иван Федорович, – кивнул Ратко. – А что именно запустить-то требуется?

– Первое: что последняя облава была тобой проведена не по приказу Департамента полиции, а градоначальника. А того якобы очень попросили об этом мероприятии военные сыскари из Генерального штаба. Что охотятся те сыскари лично за Дорошевичем. И карлик тот, «подмастерье», был по их требованию в Петербург увезен и там ими же замучен до смерти. Пусть

передаст: те двое военных нынче в Москву приехали, дальше копают. Один Лавров, другой бывший начальник летучего отряда Медников. У блатных на Медникова большой зуб вырасти должен был: много он ихнего брата переловил. Понял?

– Кажется, понял...

– Ну а раз понял, то пусть твой человечек передаст Степану из хитровской «Каторги»: ежели что с этими военными сыскными в Москве случится, то полиция на сей «несчастный случай» глаза закроет. Понял?

Ратко промолчал.

– Значит, жду твоего донесения на сей счет, – прихлопнул рукой по столику Манасевич и налил по третьей. – Коли сделаешь, до Покрова полковником станешь. А не сделаешь, брат – гляди!

Выпроводив подполковника, Манасевич-Мануйлов потер ладошки и допил стопку, так и оставленную начальником Московской охраны нетронутой.

Покачиваясь на мягком диване спецвагона, мчащегося в Петербург, надворный советник составил и зашифровал личным шифром несколько депеш в Париж. Он был уверен: все его поручения, в том числе и весьма деликатного свойства, будут выполнены...

– Мсье Краевский?

Тот, пребывая в глубокой задумчивости, вздрогнул от неожиданности, поднял глава. Над его креслом в вестибюле банка под странным названием «Национальная учетная контора Парижа»²⁵, почтительно склонился молодой человек в серой паре.

– Мсье Краевский, заместитель управляющего филиалом нашего банка, мэтр Шарни, готов принять вас. Прошу следовать за мной!

Краевский, не особо торопясь, встал, демонстративно глянул на часы и проследовал за служащим. Тот пересек общий зал банка, предупредительно распахнул перед клиентом высокую дверь, за которой стоял охранник.

– Посетитель к мэтру Шарни! – на ходу бросила охраннику серая пара.

Миновав несколько наполовину застекленных дверей, сопровождающий почтительно распахнул перед посетителем последнюю, и Краевский очутился в обширной приемной с двумя дверями. У обеих за столиками сидели дамы в возрасте, усердно колотившие по клавишам «Ундервудов», а у входной двери дремал еще один охранник. Дамы-ремингтонистки разом подняли на вошедших глаза, зашевелился и охранник. Сделав ему успокаивающий жест, служащий в сером направился к левой двери и распахнул ее перед Краевским. Сухо кивнув ближайшей ремингтонистке, тот проследовал в кабинет с наполовину опущенными шторами. Человек за столом в глубине кабинета сделал движение, словно хотел подняться навстречу, однако лишь откинулся на высокую резную деревянную спинку кресла и указал посетителю на один из стульев у приставного столика.

– Мсье Краевский? Я заместитель управляющего нашего банка. Прошу прощения за некоторую задержку... Надеюсь, вас угостили чашечкой кофе? Хотите еще?

– Благодарю вас, мэтр Шарни, но я не располагаю временем, и хотел бы как можно скорее уладить наши дела. У меня назначена деловая встреча, на которую не хотелось бы опаздывать...

– Да-да, конечно, – слабо улыбнулся мэтр, сверля посетителя пристальным взглядом из-под кустистых бровей. – Еще раз приношу свои извинения за некоторую задержку, но вы же понимаете, мсье Краевский: банковское дело не терпит поспешности! И хотя мои немецкие

²⁵ Старейший депозитарный банк Франции, основанный еще в 1848 году.

коллеги из берлинского Commerz- und Disconto-Bank являются нашими старыми и добрыми партнерами, потребовалось некоторое время для сверки финансовых документов.

Передвинув бумаги, лежащие перед ним, мэтр перешел к делу:

– Итак, мсье Краевский, вы желаете обменять аккредитивы Commerz- und Disconto-Bank на ценные бумаги нашего банка, делая конечным получателем другое лицо. Я правильно вас понял?

– Да, речь идет о моей коммерческой сделке с господином Палмером из Американских Соединенных Штатов, штат Пенсильвания. Наша сделка оценивается в тридцать пять тысяч русских рублей. Ценные бумаги я желал бы отправить в Америку, в Bank of New York, причем на свое имя. Знаете, мэтр Шарни, сделка мистером Палмером еще не завершена, и товара я пока не видел. Обычная предосторожность, знаете ли...

Мэтр важно закивал головой: предосторожности были его стихией!

– Остаток средств по аккредитивам Commerz- und Disconto-Bank я желаю поменять на ценные бумаги вашего банка.

– Какие именно, мсье Краевский?

– Мне желательны дорожные чеки, либо кредитные письма, принимаемые в американских банках. И во французских франках, если можно...

Несмотря на предельную ясность пожеланий клиента, мэтр Шарни задал Краевскому еще добрый десяток вопросов, вызвав у того с трудом подавленное желание огреть банкира-зануду самым большим grossбухом с его стола. В конце концов выяснилось, что все эти пожелания клиента Национальной учетной конторой Парижа уже выполнены, и от него требуется только несколько образцов его подписи.

Выйдя из банка, Краевский уселся в ожидавший его автомобиль, предоставленный отелем и, сунув шоферу бумажку с адресом, велел ехать в парижское отделение банка Le Credit du Nord, чтобы повторить все то, что прошел с мэтром Шарни.

Шофер, проворно выскочив из авто, чтобы завести мотор, вернулся в машину и искательно улыбнулся клиенту:

– Тысяча извинений, мсье! Вы не будете возражать, если мы сделаем совсем коротенькую остановку у ближайшего общественного телефона? Мне нужно позвонить диспетчеру отеля!

– А в чем дело?

– Тысяча извинений! – повторил шофер. – Но мсье арендовал автомобиль на два часа, которые вот-вот закончатся. А поездка в еще один банк и обратная дорога в отель займет не менее двух дополнительных часов! Никаких проблем, мсье: катайтесь хоть до глубокой ночи и даже до утра, если вам угодно! Но я должен предупредить отель о задержке, чтобы не разочаровать других постояльцев отеля!

Рассеянно поглядывая по сторонам авто, распугивающее клаксоном прохожих, Краевский размышлял о том, что Париж и технический прогресс – вещи все-таки несовместимые! За минувшие четыре года, что он не был в столице Франции, она стремительно изменилась. А вот к лучшему ли?

Улицы Парижа заполнили юркие авто – а что тут удивительного, если только в окрестностях столицы появилось более 600 заводов и заводиков по их выпуску! В буклете говорилось также об открытии метро, развитии киноиндустрии в Париже. Многие считали, что гигантский толчок к развитию города дала проведенная там в 1900 году Всемирная выставка.

Но Париж многое и потерял. Он потерял очарование старины, решил Краевский.

Тем временем его шофер лихо затормозил возле цветочного павильона, на витринных стеклах которого была изображена огромная телефонная трубка.

– Я мигом, мсье! – крикнул шофер, выскакивая из салона и бегом направляясь к общественному телефону.

Вот вам и плоды глобальной цивилизации, подумал Краевский. На всю Москву можно было насчитать не более сотни телефонов, наверное. А здесь, в Париже, ими скоро оснастят каждый перекресток!

Шофер, как и обещал, вернулся довольно быстро. Еще раз принес извинения клиенту, он резко рванул авто с места.

Агент-инспектор Первой бригады Сыскной полиции Парижа повесил на рычаг телефонную трубку и выругался. Его напарники, сидевшие за столом маленького кабачка, одновременно вопросительно подняли брови.

– Леон сообщил, что наш объект поехал в очередной банк. Это еще полтора-два часа! Я ведь предлагал сразу пошерстить его номер в «Бургундии», а вы засомневались: успеем ли? Вставайте, лентяи, и пошли работать!

Напарники разом вздохнули, нехотя встали. Один бросил на стол несколько монет. Сыщики вышли из кабачка на углу улиц Камбон и Дюфо и направились выполнять задание бригаде²⁶ в отель «Бургундия», высившийся неподалеку. У отеля они разделились: один из сыщиков, вычислив, куда выходит окно нужного номера, встал у столба напротив, развернув приготовленную газету. Двое других устремились к входу в отель.

У швейцара был набитый на полицию глаз, и он молча, хоть и не без улыбки, распахнул перед сыщиками дверь. Те, засунув руки в карманы, с независимым видом проследовали к лестнице мимо дежурного портье, сделавшего вид, что никого не заметил.

Сыщики знали, куда они идут: в телеграфной депеше, которую Краевский позавчера отправил в редакцию «Русского слова», он указал и свой временный парижский адрес: отель «Бургундия», рю Дюфо. Узнать номер, в котором остановился гость из России, труда не составило.

Поднявшись на третий этаж, сыщики привычно разделились: один, уткнувшись в захваченный буклет, остался контролировать обстановку на площадке, а второй, вертя на указательном пальце кольцо с несколькими отмычками, направился по красной ковровой дорожке к номеру № 324. Перед нужным номером сыщик остановился, оглянулся и прислушался: коридор был пуст и тих.

Вторая отмычка легко открыла замок. Сыщик, придерживая дверь, щелкнул языком, и напарник, оставив свой пост, быстро устремился к нему. Зайдя в номер, первый, не запирая дверь, подsunул под нее приготовленный деревянный клинышек.

Напарники давно работали вместе, поэтому не метались по номеру, мешая друг другу. Пока один обыскивал чемодан и саквояж Краевского, второй быстро проверил обычные тайники, используемые осторожными постояльцами отелей. Он заглянул под кресла, под матрац, заглянул под несколько репродукций картин, украшавших стены номера, отогнул края ковра, хлопал тяжелые шторы.

– Этот русский – что, социалист? – деловито спросил младший сыщик. – Что мы, собственно, ищем? Только паспорт?

– Британский паспорт на имя Палмера – и все! Больше нас тут ничего не интересует! – напарник сквозь зубы выругался, наколов палец булавкой для галстука.

²⁶ Сыскная полиция Парижа, некогда тесно связанная с русской «Зарубежной охранкой», делилась в начале XX века на два самостоятельных подразделения – собственно Сыскную (Первую) бригаду и Полицию нравов. Первая подчинялась комиссару полиции и состояла из 5 главных инспекторов, десятка бригаде, нескольких су-бригаде и 215 инспекторов. Манасевич-Мануйлов, покидая Париж после закрытия «Зарубежного отделения», сумел сохранить дружеские отношения с комиссаром, и Первая бригада всегда охотно откликалась на его просьбы, в том числе и весьма щекотливого характера.

– Такие вещи обычно носят при себе, – заметил второй, не прекращая деятельных поисков.

– Бригадир сказал, что этим вторым паспортом он в Париже вряд ли будет пользоваться. Ты все хорошо посмотрел?

– Почти. Осталась ванная и туалет. Но носом чую – пустышку тянем!

– Заткни свой нос и ищи! Русские непредсказуемы!

Продолжая поиски, сыщики время от времени выглядывали в окно: не подаст ли сигнал тревоги оставшийся на улице агент. Но тот пока продолжал увлеченно «читать» газету.

Через пять минут номер был обшарен от плинтусов до люстры.

– Ладно. Приводим все в первозданный вид, – решил старший сыщик. – Ты был прав: скорее всего, он носит этот паспорт с собой.

– Значит, умываем руки?

– Бригадир сказал: любой ценой! – старший поглядел на напарника. – Понимаешь, о чем я толкую?

– Боже, как мне это надоело! – вздохнул тот. – Опять выступать в роли грабителя? Слушай, может, привлечем к этому делу Зубастика Жанно? Пусть «разомнется»!

– погоди! – старший взял в руки чемодан, вновь открыл его и внимательно оглядел изнанку крышки. – Похоже, здесь есть двойное дно. Но заделано так, что без клея и инструментов назад незаметно не поставишь! Как ты думаешь? Ломаем – и черт с ним? Пусть потом жалуются на администрацию отеля...

– Тревога, Пьер! – напарник отскочил от окна. – Наш напарник свернул газету и завязывает шнурки! Клиент совсем близко! Уходим!

– Ч-ч-черт! – старший сыщик проворно сунул чемодан на место, потом снова схватил его и ринулся к дверям. – Беги к лестнице и жди меня! Чемодан забираем с собой, поднимемся на четвертый этаж, а когда клиент пройдет в номер, смоемся! Живо!

Краевский возвращался в отель, будучи сильно не в духе. Черт бы побрал эти французские банки, придумавшие себе укороченные рабочие дни! Черт бы побрал Le Credit du Nord и его директоров! Придется ехать завтра, тратить еще полдня...

Погруженный в эти мрачные мысли, Краевский не обращал внимания на шофера, которого вовсе не обрадовала перспектива досрочного возвращения в отель. Он примолк, перестал болтать и ехал так медленно, что другие авто, вынужденные тащиться за *se monstre*²⁷, провожали их ревом клаксонов. И в конце концов обратил на себя внимание пассажира:

– Эй, мсье, вы не уснули за рулем? – раздраженно окликнул шофера Краевский. – Уж не приснились ли вам похороны вашей бабушки?

– Моя бабушка, хвала Господу, еще жива, – проворчал агент Леон, игравший нынче роль шофер, однако скорость все же прибавил.

Поднявшись к себе, Краевский сразу же обнаружил пропажу чемодана. И разумеется, поднял скандал. Однако ни портье, ни вызванный управляющий отеля ничего вразумительного сказать по поводу дерзкой кражи не могли, и лишь наперебой предлагали вызвать полицию.

Отмахнувшись от портье и управляющего – вызывайте кого хотите! – Краевский сел на угол кровати и принялся припоминать – что было в чемодане. Хвала Создателю: как раз накануне он извлек оттуда драгоценный паспорт Палмера. И, не решаясь по совету Дорошевича носить его с собой, припрятал – только не в своем номере, а под ковровой дорожкой в коридоре.

²⁷ Этим чудачком (*фр.*).

Улучив момент, он выглянул в коридор и глубоко засунул руку под дорожку. Паспорт был на месте. Ну и пусть дальше лежит, решил Краевский. Поднялся с колен, отряхнул брюки и принялся ждать прибытия полиции. Одежду, которая пропала вместе с чемоданом, жалко не было: все равно в Америке, как и было условлено, он должен был избавиться от нее и купить все вещи американского производства.

Глава седьмая

Москва

«Бумажный» коммерсант Лавров из Петербурга оказался приятным господином средних лет, по-актерски чисто бритым, в светло-коричневой паре от хорошего портного. Сытин давно подыскивал надежного и перспективного поставщика, и когда секретарь неделю назад положил перед ним сухое деловое письмо с перечнем сортов и плотности предлагаемой бумаги, сразу отложил конверт в сторону. А после прочтения всей почты продиктовал секретарю телеграмму в Петербург с выражением надежды на приятное знакомство и долгосрочное сотрудничество, пригласил коммерсанта в Москву и упомянул о готовности самому выехать в Северную столицу для детальных переговоров.

Лавров на телеграмму ничего не ответил, а через неделю свалился как снег на голову. Да еще и явился без предупреждения, с утра, когда Сытин обычно разбирался с делами, принимал директоров типографий, рассматривал отчеты, заявки и деловые письма. Повертев перед глазами визитную карточку петербургского гостя – скромную, без графских корон и упоминания о поставках ко Двору Е. И. В., Сытин счел должным самолично выйти в приемную, пожать визитеру руку и пригласить в кабинет, одновременно вежливо выставив оттуда уже проникших ходоков и предупредив секретаря о том, чтобы тот до конца беседы с господином э... да-да, Лавровым, простите великодушно – никого не пускал.

Однако разговора не получилось – только и успел Сытин вполне добродушно поинтересоваться – отчего это раньше, зная наперечет всех «бумажников» Северо-Запада, никогда фамилию дорогого гостя не слыхал? Спросить-то спросил, но ответа получить не успел: началась обычная кутерьма: посетители, как говорится, лезли и в окна, и в двери. А тут еще и неприятность случилась: сообщили, что недавно принятому ученику печатника «зажевало» машиной руку до локтя.

К счастью, гость из Петербурга оказался с понятием: извинился, что прибыл без предупреждения и сам предложил спокойно поговорить вне служебных помещений, в спокойной обстановке. Ну, хотя бы в ближайшей ресторации Тестова, наверняка знакомой Ивану Дмитриевичу. Сам гость, как выяснилось, уже заказал там для себя столик в расчете пообедать – но не сомневался, что в ресторации найдется местечко и для господина издателя.

Такая понятливость и обрадовала, и озаботила Ивана Дмитриевича: конкурентов по издательскому делу у него хватало. Вот возьмет и обидится визитер, начнет нащупывать другие каналы сбыта! Упускать же потенциального поставщика не хотелось, и, с извинениями проводя Лаврова до дверей, Сытин решил пуститься на невинную хитрость.

– А не дать ли вам, Владимир Николаевич, мой экипаж с человечком? В Москве-то нашей, патриархальной, наверняка ведь редко бываете, а? Покатайтесь по Златоглавой до обеда, мой человечек – чистый гид, чичероне! Каждый переулок в городе знает, не говоря уже о достопримечательных столичных местах, – придерживая гостя за локоток, журчал Сытин, ненароком пытливо заглядывая ему в глаза и пытаясь определить – не назначено ли у петербуржца другого свидания с возможным покупателем-оптовиком.

Однако приезжий вежливо отказался: Москву-де он знает великолепно, и экскурсия по древней столице – дело совершенно лишнее. А вот в ресторации он господина Сытина будет в два пополудни ждать непременно...

На том и расстались, условившись обязательно встретиться у Тестова.

Конечно, в издательской империи Сытина были свои, многоопытные закупщики. Однако с новыми поставщиками он предпочитал первые встречи проводить сам, всецело доверяя соб-

ственному впечатлению и изворотливому крестьянскому²⁸ уму. Вот и нынче, решая свои неотложные утренние дела, Иван Дмитриевич то и дело возвращался мысленно к визитеру из Петербурга, припоминая его живое умное лицо и ловя себя на том, что не было в том лице ничего купеческого.

Не удержавшись, он даже протелефонировал своему давнему знакомому и конкуренту Кнебелю, выразил соболезнование по поводу кончины его брата и словно между прочим поинтересовался – имел ли Иосиф Николаевич когда-либо дела с фабрикантом бумаги Лавровым?

– Впервые слышу о таком, – коротко ответил Кнебель, и, сославшись на дела, с извинениями дал отбой.

Такое заявление неприятно царапнуло Ивана Дмитриевича, и, собираясь на randevу с петербургским визитером, он попросил своего главного закупщика навести о том справки.

Метрдотель в ресторации, хорошо знавший Сытина, с поклонами проводил Ивана Дмитриевича к столику, за которым его уже ожидал Лавров. К некоторой досаде издателя, вместе с Лавровым ему на встречу явился еще один гость, представленный как Сергей Юрьевич Харитонов, помощник фабриканта.

Тот и вовсе не походил на привычный Сытину тип торгово-деловых людей. Одет Харитонов был в модный, но несколько не по фигуре пиджак американского покроя, топорщащийся тут и там, лицо, как и Лавров, имел бритое, жидкие волосы были гладко прилизаны.

Не успел Сытин повернуться к метрдотелю, чтобы сделать заказ, как новый знакомец с улыбкой положил тяжелую ладонь на его локоть.

– С вашей позволения, заказ уже сделан – согласно вашим давнишним предпочтениям! Ну, а пока заказ несут, я перед вами покаюсь, Иван Дмитриевич! Вы уж простите меня, за ради бога, но не бумажный я фабрикант! А Генерального штаба Русской армии ротмистр Лавров.

– Вот как? Из самого Генерального штаба? И ваш коллега, господин Харитонов, не сомневаюсь, оттуда же? Любопытственно, любопытственно! – слегка нахмурившись, Сытин откинулся на спинку кресла и выжидательно сложил на груди руки. – Смею ли я поинтересоваться – чему я обязать честью такого знакомства и этой «бумажной мистификации»? Уж не предложите ли вы напечатать мемуары или дневники какого-либо прославленного военачальника – особенно из тех, кто нынче без особого, скажем прямо, успеха, воюет на Дальнем Востоке? Тогда я сразу должен заявить, что мое издательство специализируется на выпуске народной литературы несколько иного направления!

Дав Сытину высказаться, Лавров сдержанно улыбнулся:

– Экий вы, оказывается, колючий, Иван Дмитриевич! Нет, речь идет не о мемуарах, не волнуйтесь! Хвалиться нашим генералам и командующим войсками на японском фронте, действительно, пока нечем! – Он повернулся к спутнику: – Придется нам сходу выкладывать свои карты на стол, Сергей Юрьевич?

Спутник Лаврова пожал плечами и промолчал. Вместо него, демонстративно поглядев на часы, решительно заговорил Сытин:

– В таком случае попрошу вас, господин ротмистр, выкладывать свои карты побыстрее: человек я, как вы можете догадаться, хоть и страдающий некоторым любопытством, но все же крайне занятой! Итак, слушаю вас!

– Что ж, слушайте. Только сразу хочу предупредить, Иван Дмитриевич: то, что вы сейчас услышите, во многом имеет статус специально охраняемой государственной тайны. А ее разглашение может привести к серьезным неприятностям.

²⁸ Неграмотный выходец из костромской деревни, Сытин, благодаря своему предпринимательскому таланту, громадному практическому уму, неистощимой энергии, стал ведущим издателем России. В какие-то десять – двадцать лет из ничтожного торговца лубочными картинками он вырос в издателя-гиганта. Четверть печатной продукции России начала XX века печаталась в его типографиях.

– Вот как? Тогда, может быть, вы воздержитесь от такого разглашения, господин ротмистр? Рискованно, знаете ли! Я ведь не только книжный издатель – у меня и газета выходит! Весьма популярная, между прочим! А огромные тиражи и народный интерес надо чем-то подкармливать. А вот ежели не удержусь, и «подкормлю» подписчиков вашей специально охраняемой тайной – что тогда?

– Хорошо, шутки в сторону, Иван Дмитриевич! Дело в том, что я возглавляю секретное подразделение Генерального штаба, занимающееся, главным образом, контрразведкой. Иначе говоря – по мере сил борюсь со шпионажем и иностранными агентами заграничных разведок.

– Час от часу не легче! – пробормотал Сытин. – Не просто Генеральный штаб, а еще и контрразведка! В таком обществе я, признаться, доселе не вращался!

– Прошу вас отнестись к тому, что я вам сообщу далее, серьезнее! – Лавров, заметив приближающихся официантов, дождался, пока те разгрузят свои подносы и с поклонами удалятся. – Ваше «золотое перо» из «Русского слова», Дорошевич, как мне стало *случайно известно*, где-то раздобыл действующий британский паспорт. И не нашел ничего лучшего, как с помощью знакомого ему уголовного привести описание обладателя этого паспорта в соответствии с личностью, вам безусловно известной. Уголовник этот попал в полицейскую облаву, и, чтобы выкрутиться, сообщил охранке и о британском паспорте, и о заказчике. То бишь о господине Дорошевиче...

– Так я и знал, что Влас со своим авантюризмом втянет газету в некрасивую историю, – немного изменившись в лице, пробормотал Сытин, отодвигая тарелку и приборы. Помолчав, он тут же попробовал перейти в наступление. – Стало быть, господа хорошие, вы все-таки присматриваете за прессой – несмотря за все уверения властей о свободе слова и демократии?!

– Полегче, господин издатель! – в голосе Лаврова зазвучал металл. – Полегче, и не путайте, прошу вас, полицейскую охранку с военной контрразведкой! Если наше ведомство и присматривает, как вы изволите выражаться, за прессой, то исключительно для того, чтобы перекрыть широкий поток информации, из которой иностранные агенты черпают выболтанные господами газетчиками государственные тайны! Полицейская облава проводилась силами Московской сыскальной полиции! И если *ваши* газетчики путаются со всякой уголовной сволочью, то при чем тут мы?!

– Ну, хорошо, хорошо! – примирительно заговорил Сытин. – Извините, господин ротмистр, если я задел ваши чувства! Скажите мне только, ради бога, при чем тут я? Почему бы вам не поговорить на эти темы с господином Дорошевичем? Разумеется, после его возвращения из командировочной поездки?

– Из Италии он вернется не раньше, чем через два месяца. Может быть, будет уже поздно, – ввернул молчавший до сих пор спутник Лаврова.

– Поздно для чего, позвольте осведомиться? И почему вы, господа военные, больше верите какому-то бандиту, нежели известному всей России и Европе талантливому литератору? Я допускаю, что в поисках интересных для газеты материалов господин Дорошевич вынужденно водит иной раз знакомства с подозрительными личностями. Но с английским паспортом могла произойти какая-то полицейская путаница! И потом: разве не мог тот уголовник придумать всю эту историю с Дорошевичем, чтобы выгородить кого-то другого?

– А вы подумайте сами, Иван Дмитриевич! – Лавров заткнул за ворот хрустящую салфетку и придвинул к себе тарелку с раковым супом. – Подумайте: не много ли чести для какого-то уголовного? В Москву, бросая все прочие дела, приезжает начальник Разведочного отделения Генштаба Русской армии. Приехав, он беспокоит или морочит голову, как вам больше угодно, столь солидной и уважаемой в России личности, как Иван Дмитриевич Сытин, обвиняет черт знает в чем Власа Михайловича Дорошевича. При этом оба работника секретнейшей спецслужбы раскрываются перед человеком, который может на всю Европу завопить: «Ратуйте, люди добрые! Опять прессу зажимают!» И вы знаете – поверят ведь вам! Вернее – поверили

бы, если речь шла о малозначительном оговоре... М-м-м, каков супец-то, Сергей Юрьевич! Верно говорят люди: только в Белокаменной, и только у Тестова можно попробовать такой суп из раков!

Сытин нахмурился, пытаясь постичь логику собеседника. Постигнув, наклонился над столом, шепотом спросил:

– Неужто поймали нашего-то? Нешто он проболтался кому?.. Впрочем, вряд ли, мы же договаривались с ним не так...

– Не гадайте, Иван Дмитриевич! Поймали пока только уголовного по кличке Кроха. Но дело серьезное, вы правы! Не ведаю, какие меры предосторожности вы придумали с вашим сотрудником, но о поддельном британском паспорте прознал господин Манасевич-Мануйлов из Департамента полиции. Слышали про такого господина? Нет? Ну и дай вам Бог дальше никогда о нем не слышать и не сталкиваться с ним! Вот уж кто способен тщеславия ради и дело о международном шпионаже раздуть на пустом месте, и невинных людей к этому делу «пришить». А чтобы этого не произошло, я должен знать всю правду. Знать и по возможности погасить сей скандал, Иван Дмитриевич! Очень может статься, что скандал – международного разряда.

– Совсем вы мне голову заморочили, господин ротмистр! – пожаловался Сытин. – Запугали-с! «Скандал международного разряда» – и не иначе! Загадками говорить изволите! Какую-то таинственную и страшную личность поминаете... Давайте уж и карты выкладывать!

– Вы правы, – серьезно кивнул Лавров. – Итак, поимка уголовного специалиста по изготовлению поддельных документов и ценных бумаг по кличке Кроха. Это чисто полицейская операция. Поймали его, насколько я знаю, случайно. А вот то, что при обыске нашли у него улики на известного литератора – это плохо! Московская охранка допрашивать умеет! И то, что сумела связать поддельный британский паспорт и господина Дорошевича, – это плохо вдвойне! Манасевич-Мануйлов – опытный интриган, и в свое время работал в Заграничной охране. Позже был отозван из Парижа за некоторые делишки финансового свойства, однако, пользуясь старыми связями в высших кругах Петербурга, убедил министра внутренних дел создать в полицейском ведомстве аналог нашей спецслужбы. Много говорит о том, что в планах господина Манасевича-Мануйлова – подмять под себя серьезную военную структуру. То бишь военную контрразведку. Пока у него не получается, и ему нужно «громкое» и безусловно успешное для него дело. А история с английским паспортом имеет все шансы стать таковым! Пока Департамент полиции поднял на ноги всю пограничную стражу на европейских границах России. Следующим ходом Манасевича могут стать европейские границы – в том же Париже и Лондоне, где у него остались хорошие связи... Вот я и прошу вас, Иван Дмитриевич: скажите, что вы с Дорошевичем задумали?

Услыхав про европейские границы, Сытин несколько успокоился: до Америки паспорт Персиваля Палмера должен был ехать на самом дне чемодана. И, успокоившись, снова попытался схитрить.

– Господин ротмистр, Владимир Николаевич! – проникновенно начал он. – Чего ради вы на меня-то ополчились? Ну, нашел где-то во время своих странствий по миру Влас Михайлович британский паспорт. Ну, не сдал его в полицию, или куда там такие находки положено сдавать. Привез в Россию, «приспособил» для себя, а сам тем временем в Италию уехал. Некрасивая история получается, не спору! Вот приедет – спрошу с него. Употреблю все влияние, чтобы убедить, что с такими вещами в игрушки не играют...

– А вы тут, Иван Дмитриевич, выходит, и вовсе не при чем? – в упор спросил Лавров.

– Ну, знал я про паспорт этот, будь он трижды неладен! Что же мне, доносить на Дорошевича прикажете? – ошетинился Сытин.

– Знали – и всё? Уф-ф... С вами по-доброму, а вы, извините, дурака валяете, господин издатель! Что ж, тогда попробую доказать серьезность *нашей* конторы. Днем раньше Дороше-

вича в заграничную командировку отбыл еще один сотрудник «Русского слова», господин Краевский Владимир Эдуардович. Причем командировочных и представительских сумм ему – по *вашему же* распоряжению, Иван Дмитриевич – было выдано несоразмерно много...

Выхватив из кармана вечное перо, Лавров с чернильными брызгами написал на салфетке несколько цифр, развернул написанное к Сытину.

– Командировка у Краевского в Париж, а денег дадено столько, что до Австралии и обратно съездить можно. С остановками в Индии, с закупкой алмазов и слонов. Это – во-первых. Во-вторых, уголовник Кроха паспорт Палмера не с закрытыми глазами подделывал. И провалами в памяти не страдает. Вот составленная им копия описания личности старого и нового владельцев паспорта на языке оригинала, вот перевод на русский язык. Подделанный паспорт изготовлен явно под Краевского, Иван Дмитриевич! И его настоящий маршрут для вас тайны не составляет – исходя из расходных сумм, выданных по вашему распоряжению. Так что – поговорим по-хорошему, Иван Дмитриевич, или я, как Пилат, умываю руки? И пусть тогда Манасевич сам разбирается с «делом о шпионстве»: не забыли еще, какая из Европейских держав подстрекает Японию и помогает ей воевать с Россией? Манасевич хоть и подлец, но умница большая, уверяю! Не удивлюсь, если он пустится по следу Дорошевича. В «Русское слово» сам нагрянет, либо сыскных агентов напустит. Сверит подделанное описание владельца паспорта с личностями сотрудников... Ну, а уж до счетоводов ваших и до банка он быстрее меня доберется! Уф-ф...

Лавров, словно позабыв о присутствии Сытина, налил себе большую рюмку очищенной, выпил ее одним глотком и снова придвинул поближе раковый суп.

Сытин, потеревив салфетку, аккуратно свернул ее, сложил ладони в замок и оперся на них холеной бородкой:

– Я так понимаю, что авантюристическая задумка Дорошевича из Володи Краевского того и гляди английского шпиона сделает. А нас с Власом Михайловичем, соответственно, в пособники запишут... Ну и что ж теперь нам делать, господин ротмистр? Отозвать Краевского я не могу: связь у нас с ним, учитывая деликатность задания, односторонняя. Да и что этот отзыв дал бы, ежели ваш Манасевич-Мануйлов до Дорошевича и меня все одно того и гляди доберется?

– Думать будем, Иван Дмитриевич! Безвыходные положения в жизни, конечно, иной раз случаются. Но крайне редко: обычно выход есть всегда. Так что для начала предлагаю отдать должное искусству здешних поваров. За кофе расскажете в подробностях о вашей «афере». А потом будем думать!

– Дозвольте на документы ваши, господин ротмистр, взглянуть, – попросил Сытин. – Для полной уверенности, так сказать...

Ознакомившись с бумагами, издатель был вынужден сдаться.

По случаю необычайно теплой осени открытая веранда ресторации была открыта для посетителей. Туда Лавров и велел подать коньяк, кофе и морс для Медникова.

Откинувшись на спинку кресла и полуприкрыв глаза, он выслушал «исповедь» издателя – впрочем, она была не слишком длинной. Задал единственный вопрос: кто знает о дерзкой задумке газетчиков. Резюмировал:

– Не считая самого Краевского, вы и ваш зять, фактический редактор «Русского слова». Ну и Дорошевич, разумеется... Четверо... А сам Краевский – как у него с язычком-то? Путь длинный – не похвалится кому-либо из коллег, случайным попутчикам? Пьющий он?

– А где вы видели непьющих газетных репортеров? – вздохнул Сытин. – Он не из запойных, разумеется – но позволить лишнюю рюмку может. Признаться, я близко с ним не знаком. И прочих своих коллег-газетчиков он расположением не балует – особняком держится... Да нет, за него я не волнуюсь: Владимир Эдуардович человек умный. Понимает, на что пошел.

– Дай-то Бог! – кивнул Лавров. – Однако замечу вам, Иван Дмитриевич, что кроме прямых свидетелей бывают и косвенные! И первые из них в нашем деле – банкиры и ваши бухгалтера. Они-то знают, что командировка у Краевского необычно дорогая. Я ведь вас, Иван Дмитриевич, этим и прижал! И Манасевич на Краевского выйдет, без сомнения! Через того же уголовных дел мастера, что в паспорт Палмера изменения вносил. Пошлет агентов в вашу редакцию – тем непременно скажут, что Краевский в командировке. А завистники непременно посетуют: везет, мол, человеку: кучу деньжищ получил!

– Да ведь я в банке ссуду на покупку оборудования типографского просил. Может, пронесет Господь?

– Ладно, Иван Дмитриевич, будем, как говорится, надеяться на лучшее! С телеграммами через своего человека в Лондоне вы хорошо придумали. Ну а возникнет тут чрезвычайная ситуация – не постесняйтесь меня в известность поставить! Адресок я вам оставлю, с условным текстом тоже что-нибудь придумаем. Ну а засим – честь имею, как говорят! У вас дела, и у нас не без них! Мы в Москве денька на два, полагаю, задержимся – Бог даст, свидимся! А сейчас вы первый идите. А мы погодим чуток...

Когда Сытин, откланявшись, вышел из ресторации, Лавров многозначительно поглядел на своего спутника. Тот кивнул, легко поднявшись, махнул прямо через невысокие перила веранды и перебежал на другую сторону улицы. Выждав несколько минут, Лавров потребовал у официанта счет и не спеша направился по Тверской в сторону Манежной площади. Миновав недавно открытый магазин Елисеева и Погреба российских и иностранных вин, в Филипповской булочной он, не удержавшись от соблазнительного хлебного духа, купил пару свежайших калачей и вскоре оказался у гостиницы «Лоскутная». Остановившись недалеко от входа, вскоре Лавров дождался и своего спутника. Вручив ему один из калачей, Лавров вопросительно поднял брови.

Медников, слегка запыхавшийся, без оглядки на прохожих немедленно впился в калач крепкими зубами и, только проглотив первый кусок, заговорил:

– Все верно, Владимир Николаевич: «хвост» за Сытиным был. И за вами, между прочим, тоже: извольте обратить внимание на господинчика в клетчатой разлетаке, на той стороне улицы.

Лавров поглядел через плечо старого сыщика, заметил разлетаку, еле заметно кивнул:

– Из старых знакомых?

Медников, занятый калачом, отрицательно потряс головой.

– Не припомню. Должно, из новеньких... Ну, что будем делать?

– А ничего! Пойдем в гостиницу. И так швейцар, видать, в толк взять не может: чего это постояльцы на улице топчутся и хлеб жуют...

– А с этим, клетчатым, как?

– Пусть потопчется возле «Лоскутной»: жалованье отрабатывать надо.

Степан разгладил скомканную бумажку обеими ладонями, поднял на кабатчика пустой тяжелый взгляд. Тот, хоть и не чувствовал за собой никакой вины, невольно опустил глаза.

– Щербатый... Кто таков этот Щербатый? Не припомню...

– Наш, наш человек! – заторопился кабатчик. – «Углы вертит» на вокзалах²⁹, весной в арестный дом попал по приговору, к Рождеству выйти должен вроде...

²⁹ «Вертеть углы» – воровать чемоданы у пассажиров на вокзалах и в поездах (*угол. сленг*).

– Чудно... Откель же он знает про господина литератора и его заказ Крохе-Матехе, ежели с весны на нарах «парится»? И как догадался *мне* маляву³⁰ прислать?

– Маляву какой-то «дядя сарай»³¹ тамбовский притаранил, он сегодня с того арестного дома «прихрюл», – кабатчик показал глазами на дальний стол, где сторбился за тарелкой суточных щей и полуштофом разведенной водки гонец из арестного дома.

Степан на гонца оглядываться не стал – чести много! Постучал сплюснутыми на кончиках пальцами по записке.

– А кто такие военные «лягаши»³²? Чудны дела твои, Господи... Никогда не слыхал! А ты, Никодим?

Кабатчик виновато развел руками:

– А хрен их знает, Степушка! Может, по случаю войны с япошками завели таковских власти наши в войсках? Не, не знаю, врать не стану!

Помолчав, Никодим осторожно спросил:

– А что Щербатый про энтих военных «лягашей» баит?

– Баит, что последняя облава на Хитровке было по-ихнему, военному указу. И что Кроху-Матеху оне же, «лягаши» военные, в город Петербург увезли, до смерти замучили и выпытали у него про последний заказ, что я его сделать просил. Для господина литератора Дорошевича. И что нынче энти военные «лягаши» снова в Златолавую наехали, вынюхивают опять что-то. И что жительство имеют в «Лоскутной». Про старшого ихнего ничего не известно, а в помощниках у него «беспоповец». Помнишь такого?

– Медникова, начальника летучего отряда? Чтоб он сдох? А как же! – сплюнул Степан. – Годов этак несколько сгинул куда-то из Белокаменной – эвон где вынырнул, паскуда! В военных «лягашах»...

Мужчина помолчали, думая каждый о своем.

– Чудно все-таки, – повторил Степан. – Одно скажу: убогого Матеху жалко! И «подмастерье» из хороших был, руки золотые! Вот что, Никодим: пошли-ка ты в «Лоскутную» пару человечков посмекалистее... Пусть понюхают вокруг, разузнают про энтих «лягашей»...

– Я уж думал! Пошлю туда Сашку Жениха, да девку, почище ему в напарницы определю. Только, Степушка, послушай меня, дурака старого: оне хоть и военные, а все одно «лягаши»! Как бы худа не вышло, Степушка! Обычные сыскные за своего из блатных души вынимают! А про военных мы и не знаем ничего!

– Не брызгай кипятком, Никодим! Я ведь и не решил пока ничего – поразнюхать посылаю! А там поглядим...

– И то верно! А с «дядей сараем», что маляву припер как поступить?

– Пригрей пока. На пару дней угол дай... Вот разузнаем все – и с ним решим. Или наградим по-нашенски, или – перо в бок!

– Сделаю, Степушка! Все сделаю! А сам-то покушать не желаешь? Говядинка свежая отварная есть, рыжиков кадушку новую утресь только открыл: не грибы, а сказка лесная! – Никодим уже суетился у шкапа, дочиста тарелку протирал, угощение накладывал.

– Не хочу пока, Никодим! Убогому вон тому отдай – пусть раба Божьего Матеху помянет!

Никодим так и замер обиженно: все жилочки с хрящиками из мяса вырезал, грибы отобрал – один к одному. А он – убогому отдай... Много их тут, убогих, на всех не напасешься!

Однако перечить не посмел: не любил Степан, чтобы даже в малости ему перечили. Шагнул кабатчик в угол, где нищевод притулился, сунул ему тарелку:

³⁰ Малява – записка, письмо (*угол. сленг*).

³¹ «Дядя сарай» – так профессиональные преступники пренебрежительно именуют случайно попавшего за решетку человека.

³² «Лягавыми», «лягашами» в блатном мире называют сыщиков.

– На! Помяни раба Божьего Матеху! – И тише, чтобы задумавшийся Степан не услышал, добавил-прошипел: – Посудину не вздумай упереть, ирод!

«Ирод» обрадовался, замычал что-то невразумительное, тарелку ухватил обеими руками – черными-пречерными, зачавкал жадно. Мигом тарелку очистил, свернулся в клубочек и заснул тут же на лавке – от сытости, должно. Никодим тарелку прибрал и потерял к убогому весь интерес.

А «ирод», полежав еще немного, встал потихоньку и по стенке, по стенке к выходу из кабака пополз. На улице очутившись, быстрее заковылял. За один угол завернул, за второй – совсем распрямылся, быстро пошел. Одежку верхнюю вонючую скинул, у колонки руки вымыл, лицо ополоснул, еще через квартал по-особому свистнул, извозчика своего подзывая. Оглянулся, нырнул в экипаж и велел:

– Давай в охранное прямо! Живо!

Извозчик службу знал, подвез «ирода» к черному крыльцу, чтобы не пугать сторожей. Тот из экипажа выскочил, своим ключом дверь открыл, и первым делом – в душ. Вымылся дочиستا, тряпье маскировочное ногой в угол запнул, оделся в чистое и превратился в сыскного агента 2-го разряда Маркова. И решил он, прежде чем докладную начальству писать, Медникова предупредить: помнил добро человек! Помнил и то, что от верной пули бандитской «старовер и беспоповец» его в свое время спас.

Вышел Марков через парадный вход, насвистывая и вертя в пальцах легкую щегольскую тросточку. Свистнул извозчику и поехал в «Лоскутную». Можно было и позвонить, конечно: телефонный аппарат в гостинице имелся. Но Марков почему-то был уверен, что с переменой места службы Медников, скорее всего, и фамилию поменял.

У портье и коридорных глаз на сыскных агентов был «набитый», поэтому долго фланировать по вестибюлю и делать вид, что ожидает кого-то в одном из просторных кресел Маркову, не пришлось. Уже минут через десять официант в белом переднике склонился перед посетителем с маленьким подносом, на котором стояли незаказанные Марковым кофе и рюмка коньяка:

– Сергей Афанасьевич, старший портье, ежели изволите помнить, вас у себя ожидает. Проводить-с?

– Пожалуй, – Марков на ходу выпил рюмку коньяку, бросил на поднос полтинник и неторопливо двинулся за официантом, ловко снующим между чемоданами и постояльцами. В служебном коридоре официант показал глазами на неприметную дверь и исчез, словно растворился в полутьме.

В кабинете сыскной агент был встречен маленьким пухлым господином во фраке.

– Чем обязаны вниманием сыскной полиции? – без обиняков поинтересовался старший портье, ловко подставляя визитеру новую рюмку и блюдечко с тонко порезанным лимоном. – В нашем заведении, можете поверить, ваших «клиентов» нету! Руку на отсечение даю – только приличные господа!

– Знаю, – кивнул Марков, глотая вторую рюмку и лишь мельком глянув на истекающие прозрачным соком лимонные колечки. – Надобен мне старый знакомец, из наших, бывший сыскной агент. Знаю, у вас он с приятелем жительство имеет. Из города Петербурга днями прибыли. А вот фамилию позабыл...

– Не про господина Медникова говорить изволите? – помолчав, поинтересовался старший портье. – Я его по прошлым временам помню, вроде летучим отрядом командовал. Есть такой у нас постоялец – только не Медников он нонес. Господин Харитонов, коммерсант.

– Вот-вот, – обрадовался Марков. – Он самый!

– Могу проводить в его номер-с, – предложил хозяин кабинета.

– Нет, лучше записку передать, – подумав, решил Марков. – Ничего, если мы у вас в кабинете минут несколько побеседуем? «Светиться» лишний раз не хочу – вон как ваши орлы меня мигом «срисовали»!

– Как скажете, господин хороший! – Сергей Афанасьевич показал глазами на небольшое бюро, где были и бумага, и перья.

Минут через десять, как и обещал, сыскной агент Марков с чувством выполненного долга покинул «Лоскутную», а Медников в глубокой задумчивости вернулся к Лаврову и коротко пересказал ему состоявшийся разговор.

Ротмистр Лавров прикусил губу, несколько мгновений подумал.

– Все-таки интуиция, Евстратий, великая вещь! Чувал я, что Манасевич у нас «на хвосте» висит! – Лавров вполголоса выругался. – Смотри-ка, чего задумал, паскудник: переложить свой грех с облавой и гибелью уголовника-«подмастерья» на нашу контору и пощупать нас через московских блатных! Записку главарию, говоришь, из арестного дома передали? Ну, тогда без начальства охранного, без подполковника Ратко не обошлось: не смог бы Манасевич без него организовать операцию в столь короткое время! Просто не успел бы! С Сытиным мы вчера встречались?

– Вчера... Может, нам нынче же и уехать, господин ротмистр?

– Думаешь, «хитрованцы» нам «обратку» рискнут сделать?

– На сыскных из полиции не посмели бы, полагаю, хвосты свои поганые поднять. А мы для них кто? Ручаться не могу, Владимир Николаевич! Ночным поездом и покатили бы, пока Степан этот из «Каторги» планы строить будет...

– От уголовников бегать – не стыдно ли, Евстратий?

– Какой же это стыд, господин ротмистр? А ежели Манасевич многоходовую операцию спланировал? Уголовники на нас насядут, положим – мы же отбиваться станем! Шум, стрельба поднимется – тут-то нас и сгребут «по нечаянности». Вы Генштаб поставили в известность о нашей поездке в Москву?

– Нет, разумеется...

– Вот, я и говорю! Сгребут нас в случае сшибки с блатными, в каталажку определят. Скажут потом: за социалистов вооруженных приняли...

– Уговорил, Евстратий! Иди к своему старшему портье, попроси содействия. Пусть пошлет кого-нибудь за извозчиком и выпустит нас через кухню ресторации. Вовремя отступить – не значит проиграть!

Глава восьмая

Токио

Вернувшись после завтрака к себе в номер, Агасфер с порога окинул небольшую комнату внимательным взглядом и криво усмехнулся: опять обыскивали! Интересно – что согладатаи-невидимки рассчитывали у него найти после вчерашнего вечернего обыска? Ведь он, вернувшись в свой отель и поужинав, никуда из номера не выходил!

Пройдясь по номеру, он аккуратно привел все свои маленькие хитрости в первоначальное состояние: приподнял и загнул угол ковра, подперев его ножкой легкой бамбуковой тумбочки, подложил под край выдвинутого ровно на два дюйма чемодана зубочистку, закрепил на двери ванной комнаты неприметную нитку...

Это начинало превращаться в какую-то забавную игру: вернувшись вчера из министерства сельского хозяйства, где вместе со своим партнером Демби пока безуспешно проби-вал разрешение на строительство консервной фабрики, Агасфер обнаружил в своем номере следы поспешного обыска. «Настроив» вновь нитки, зубочистки и пр., Агасфер отправился на встречу с немецкими коммерсантами в «Пасифик отель». Разговора с представителями германского капитала не получилось: немцы только и делали, что бесконечно жаловались на «забывчивых и неблагодарных «яппи».

– Вы только поглядите на этих самодовольных обезьян! – брызгал слюной в ухо Агасферу крупный коммерсант Шеффнер из Гамбурга. – Они с большим удовольствием ездят на электрических трамваях, которые дали им мы, немцы! Кто построил и оборудовал здесь великолепные госпитали? Кто научил их строить неприступные линии обороны? У кого они учились военному искусству, наконец?! Все это дали им мы! А что мы получили взамен? Одну подозрительность и открытое презрение! За последний месяц японская полиция трижды врывается с погромом в мою контору – без уведомления немецкого консула!

Шеффнер одним глотком опустошил кружку пива и яростно стукнул ею по столу, требуя у кельнера-японца новую.

– Смотрите, герр Берг! Пивной зал почти пуст, а этот кривоногий «яппи» еле идет к нашему столику! Уверен: если бы на нашем месте сидели американца или англичане, он давно бы подлетел сюда как ласточка! Вы только посмотрите на его нахальную морду, герр Берг! Scheißen!³³ Так бы и шваркнул его этой кружкой!

– Будьте сдержаннее, прошу вас, господин Шеффнер! – попробовал успокоить расходившегося немца Агасфер. – Говорят, что все они прекрасно понимают и по-английски, и по-немецки. И все до одного сотрудничают с полицией! Поругайте его – и не избежите третьего визита полиции в свою контору!

– А-а, плевать! Я прекрасно знаю причину двух предыдущих! Дело не в ругани! Налеты на контору – это маленькая месть «яппи» за отправленные мной два парохода риса в Китай! Вы только представьте себе, герр Берг: сами же предложили мне эту партию риса – заломив, кстати, за него втридорога – а теперь требуют объяснить, куда я отправил свои пароходы! Какое им, спрашивается, дело – куда? Неужто они полагали, что я покупаю этот рис для того, что самому сожрать!?

Агасфер вздохнул: он слышал эту историю от Шеффнера по меньшей мере четыре раза. И попробовал перевести разговор в более конструктивное русло:

– Господин Шеффнер, а что же делать мне? Подскажите, прошу вас – ведь вы живете и ведете бизнес в Японии около десяти лет!

³³ Грубое немецкое ругательство.

– Вот именно: десять лет! А что толку? Ich scheiß auf sie mögen!³⁴ – Шеффнер шумно отхлебнул из новой кружки. – Так вы говорите, что получили предварительное разрешение на ввоз оборудования для вашей консервной фабрики от министерства сельского хозяйства? А теперь не дают разрешения на монтаж уже закупленного и ввезенного оборудования? Das ist verdammt Bastarde!³⁵ Разрешение на импорт было письменным?

– Естественно!

– А что они говорят сейчас?

– А теперь они говорят, что на строительство в прибрежной зоне нужно разрешение военного министерства! Там вроде бы и не против – но требуют прежде предоставить им сертификат качества консервов от министерства сельского хозяйства! А ведь чтобы получить этот проклятый сертификат, я должен построить фабрику, произвести монтаж оборудования и предоставить партию консервов для их оценки!

– Haben sie Angst, dass ihre Soldaten können Ihre Dosen Durchfall prohvaitot³⁶? – захохотал Шеффнер. – Даже не знаю, что и посоветовать, камрад! А «подмазать» не пробовали?

– Пробовал, – вздохнул Агасфер. – Пробовал и едва избежал ареста... Отчитали как мальчишку, залезшего за бабушкиным вареньем в буфет!

Шеффнер покровительственно похлопал собеседника по плечу:

– Берут все, камрад! – убежденно заявил он. – И японские чиновники тоже! Просто в каждой стране есть свои особенности, которые нашему брату-коммерсанту надо знать! Как вы сказали? За бабушкиным вареньем в буфет? Ха-ха-ха!

Приблизив широкое нечистое лицо, усыпанное черными точками угрей, вплотную к лицу Агасфера, Шеффнер убежденно помахал в воздухе двумя указательными пальцами:

– Чтобы добраться до «сладенького» – пусть это будет бабушкино варенье – нужно точно знать две вещи: где и когда! Запомните, герр Берг: где и когда! Вы читали последние телеграммы с фронтов, камрад? – неожиданно спросил он. – Рейтер сообщает, что 22 сентября на реке Шахэ началось встречное сражение. Англичане не сомневаются, что на сей раз русские будут разбиты! И заранее, 25 сентября устраивают грандиозный банкет в своем любимом гнездышке, отеле «Плаза»! Приглашается весь цвет американской и британской колоний, японские военные власти, правительственные чиновники. На таких приемах бывает человек по 500-700, герр Берг! Нас, немцев, на такие приемы приглашают выборочно. Французскую колонию, оккупавшуюся в «Ориентал-отеле» – не зовут категорически! Политика, верно я говорю, Вальтер?

– «Политика»! – передразнил до сих пор молча сосавший свое пиво приятель Шеффнера, представившийся Агасферу только по имени – Вальтер. – Мы все заложники этой проклятой политики, друзья! Берлинские политики заигрывают с Россией, а отдуваемся за них тут мы! Вы думаете, японцы забыли, с чьего благословения и примера Россия отобрала у них Порт-Артур и Ляодунский полуостров? Ну, союз русских и французов – это японцы еще могут понять и принять. Но Германия-то, Германия!

– Вам не кажется, что ваши высказывания про фатерланд далеки от патриотичности, мой дорогой Вальтер? – осуждающе покачал головой в сторону приятеля Шеффнер. – Вы потеряли «теплое местечко начальника местного госпиталя – но не вы один! Сами виноваты: не надо было учить японских врачей столь тщательно! И благодарите Бога, что место главного врача и консультанта вы все же сохранили!

Он откинул грузное тело на спинку заскрипевшего кресла, значительно подмигнул Агасферу:

³⁴ Ср...ть я на них хотел! (нем.)

³⁵ Вот проклятые засранцы! (нем.)

³⁶ Они что, боятся, что их солдаты от ваших консервов могут прохватить понос? (нем.)

– Есть соображения на счет того, что я сказал про прием, камрад? Добудьте приглашенный билет на этот прием, и попробуйте решить свою проблему там! Я пробовал, и у меня ничего не получилось. Обращался даже к знакомому итальянскому журналисту – я говорил вам, что могу довольно прилично трещать по-итальянски? Но старый приятель оказался не в силах мне помочь, увы! Если вам повезет – поменьше говорите на приеме по-немецки, понятно? Ха-ха!

Из отеля Агасфер и Шеффнер вышли вместе. Окинув взглядом улицу, Агасфер не приметил ни одного рикши. Это было удивительно: обычно они десятками дежурили возле отелей, где обитали иностранцы. Он покосился на Шеффнера: нагрузившись пивом, он шел неуверенным шагом, часто останавливался и даже постанывал.

– Господин Шеффнер, вам лучше вернуться в отель. Уже темнеет, и вообще...

– Что – «вообще»? – немец остановился и вызывающе поглядел на спутника. – Уж не хотите ли вы сказать, что я пьян?!

– Не пьян, но... пива вы выпили достаточно, господин Шеффнер, – уклончиво заметил Агасфер, проклиная себя за то, что не придумал причины для того, чтобы отказаться от назойливого провожатого. – Сей момент я поймаю рикшу, и все будет прекрасно! Благодарю вас за дельные советы, господин Шеффнер! Но, право, вам лучше вернуться!

– Неужели вы вообразили, что я боюсь этих zheltozadyh Arschlöcher³⁷? Господь всемогущий, ob sie dreimal verdammt! Nicht in der Lage, die gute erinnern³⁸!

Остановившись у мачты, обвитой красно-белыми полотнищами – такие мачты были расставлены по всем улицам Токио – Шеффнер принялся яростно пинать ее ногами.

Прохожие-японцы поначалу испуганно шарахались в стороны, но не уходили, и начали собираться небольшими кучками. Вскоре кучки, как капельки ртути, собрались в большую толпу, заполнившую весь тротуар и даже выплеснувшую на мостовую.

Агасфер выругался про себя: вход в отель Шеффнера был совсем рядом, но путь к нему перекрывала толпа. Из нее уже начали доноситься возмущенные выкрики – Агасфер понимал не все, но вполне достаточно для того, чтобы уразуметь гнев.

Он беспомощно оглянулся: ни одного полицейского рядом, как назло! Агасфер попытался оттащить пьяного немца от мачты – бог мой, это же цвета японского флага! Хуже оскорбления для истерично настроенных патриотов и не придумаешь!

Между тем толпа потихоньку надвигалась, и Агасфер уже явственно различал отдельные выкрики, призывавшие бить «рыжих дьяволов». Оставить Шеффнера и побыстрее уйти? Об этом не могло быть и речи! Будь он проклят, этот надутый бурдюк с пивом!

Агасфер знал, что обычно японцы стараются не задевать иностранцев. Им многократно внушали: иностранцы помогают Японии одержать победу в их войне – значит, их надо терпеть! Но у всякого терпения, видимо, бывает конец...

Из-за угла, дребезжа, вывернул трамвай, традиционно увитый гирляндами искусственных цветов и маленьких флажков. Это было спасение! И Агасфер бросился наперерез, махая руками. Вагоновожатый отчаянно зазвонил в колокол, замахал руками через стекло этому сумасшедшему иностранцу: останавливаться положено только на остановках!

Но Агасфер непоколебимо стоял на рельсах, и вагон остановился. Не теряя времени, Агасфер схватил отчаянно сопротивлявшегося немца поперек его толстого чрева и поволок к передним дверям. Тот, видимо, уже начал соображать, что к чему, и сопротивлялся чисто

³⁷ Желтозадых засранцев (нем.).

³⁸ Да будь они трижды прокляты! Не умеют помнить добра! (нем.)

символически. Тем не менее, уже вскарабкавшись на первую ступеньку, Агасфер, проскочив вперед, отчаянно тянул Шеффнера внутрь – немец вызывающе оттопырил зад и громко издал неприличный звук в сторону надвигающейся толпы.

– Вы с ума сошли! – простонал Агасфер, отчаянным рывком втащив Шеффнера внутрь и поспешно закрывая складные дверцы.

– Ага! – победоносно заорал Шеффнер. – Hast du das gehört, mein Freund, ich rechts furzte in ihren gelben Gesichtern³⁹?

– Слышал, слышал! – Агасфер отчаянно делал повелительные знаки вагоновожатому: поезжай, поезжай!

Однако тот выбрался из своего закутка и советовался с кондуктором: ехать или нет? И только когда в стекла трамвая ударили первые камни и зазвенело стекло, вожатый юркнул за свои рычаги и тронул трамвай.

Но было уже поздно. Толпа окружила трамвай и не давала ему тронуться с места. Звенели разбитые стекла, наиболее отчаянные преследователи-патриоты повисли на оконных рамах, пытаясь забраться внутрь вагона.

И тут, слава богу, наконец появилось двое полицейских на велосипедах. Сначала он оторопел от такого явного нарушения общественного порядка, потом спешились, и, доставая на ходу дубинки, двинулись на обступившую трамвай толпу.

Штурм вагона прекратился. Люди отступили на тротуар, однако выкрики не прекратились: десятки голосов пытались объяснить наступавшим полицейским причину своего возмущения.

Оттеснив толпу от вагона – Агасфер всегда поражался довольно мирному ходу противостояния полиции и толпы в Японии – полицейские дружно развернулись к трамваю и направились к передним его дверям. Значит, поняли, что главные нарушители успели укрыться там. Агасфер сжал зубы: стало быть, инцидент пока не исчерпан!

Шеффнер, упав на боковое сиденье, что-то бормотал про нахальных «желтых яппи» и взмахивал руками. Агасфер прикусил губу: полицейские начнут задавать вопросы, а если сейчас вывести Шеффнера из состояния пьяного, но мирного полусна, то он, чего доброго, накинется и на них. Склонившись над скандалистом, он резко, как его учили, нажал на нужное место на его шее. Шеффнер замолк, уронил голову на грудь.

Агасфер повернулся к вошедшим в вагон блюстителям порядка и заговорил по-японски:

– Все в порядке, господа полицейские! Этот господин – мой друг. Он немножко перепил. Сейчас я отведу его в отель и уложу спать. Примите меры к тому, чтобы толпа не накинута на нас!

Полицейские переглянулись:

– Свидетели утверждают, что этот человек оскорбил флаг Японии. И выкрикивал оскорбления в адрес людей. Мы должны препроводить его в полицейский участок и составить протокол. Так положено! Вы тоже пройдете с нами, господин!

Вступив в переговоры, Агасфер всматривался в невозмутимые лица полицейских. Им лет по 40-45, лица и руки обветрены и сожжены до красноты многолетним пребыванием на солнце. Наверняка эти крестьяне откуда-то из южных префектур. Очевидно, неграмотные и слишком бестолковые, чтобы им можно было доверить винтовку и отправить на фронт. Значит, у него остался один шанс...

– Замолчите, kusotare⁴⁰! Вы поможете мне довести его до отеля и уложить в кровать! – Агасфер вынул из внутреннего кармана смокинга свернутую вдвое плотную желтова-

³⁹ Ты слышал, друг, как я пернул прямо в их желтые рожи? (нем.)

⁴⁰ Грубое японское ругательство, употребляемое обычно по отношению к младшим чинам. Дословно: идиоты, дебилы, говенные головы.

тую бумагу – свое разрешение на пребывание в Японии, аналог российского вида на жительство и мельком показал полицейским. – Вы грамотные, надеюсь? Читать умеете, *tikusemo*? Я цензор специальной службы! Кансейкеку!

Полицейские действительно были неграмотные. Но слово «Кансейкеку» они знали и замерли на месте. Агасфер продолжил наступление:

– Вот ты! – Он ткнул пальцем в одного из полицейских. – Да, ты! Беги и немедленно найди рикшу или носилки для этого важного иностранца! Второй остается снаружи вагона и проследит, чтобы бунтовщики близко не приближались! Выполнять!

Полицейские отдали честь и кинулись выполнять приказание. Через несколько минут они осторожно вытащили из вагона Шеффнера, усадили его в коляску рикши и сопроводили «важного иностранца» до отеля. Там им на помощь пришли служащие, узнавшие своего постояльца, и немца потащили в его номер.

Между тем толпа не переставала глухо шуметь и не спешила расходиться, несмотря на требования полицейских. Агасфер, замешкавшийся в дверях, получил удар камнем по голове. Второй камень пролетел совсем рядом с лицом. Потеряв самообладание, он выхватил пистолет и два раза выстрелил в воздух – только тут толпа стала разбегаться.

В вестибюле отеля Агасфер приложил к шишке на голове платок – он тут же окрасился кровью. Вертевшийся рядом портье констатировал:

– Господин, вы ранены... Позвольте позвать доктора – в нашем отеле есть доктор...

– Позови, – кивнул Агасфер. – И узнай заодно – есть ли в отеле свободные номера. Я хочу переночевать у вас.

Свободный номер нашелся, и Агасфера проводили туда. Сунув провожатому купюру, он поинтересовался:

– Я недавно в Токио, и еще не все тут знаю. Расскажи-ка, для чего вдоль всей улицы расставлены столбы, обмотанные тканью? Эта ткань так обтрепана ветром, что флаги можно узнать с трудом...

– О-о, это осталось от празднования нашей великой победы над флотом противника! – с энтузиазмом начал рассказывать портье. – Наверху каждая пара столбов была соединена перекладинами, на которых висело множество фонариков и флагов – японских и английских. Все это не убирают потому, что скоро наши войска и доблестный флот наверняка опять одержат победу, и снова будет праздник! На улицы выходят многие тысячи людей, все одеты в праздничные одежды. Дети бьют в барабаны, уличные художники рисуют на специально установленных на улицах досках батальные сцены. Почти на каждом перекрестке круглые сутки идут театральные представления – и так продолжается несколько дней, господин!

Из дальнейшего рассказа Агасфер узнал, что в дни празднования в Токио приезжает много людей из провинции. Чтобы не упустить ни одной детали праздника, они остаются ночевать прямо на улицах, и целыми семьями спят на соломенных подстилках или прямо в колясках рикш.

Устав слушать, Агасфер сослался на головную боль, вручил рассказчику еще одну купюру и выпроводил его из номера.

Решив пораньше лечь, чтобы выспаться, Агасфер разделся и забрался в кровать, решив для себя с утра пораньше, прежде чем покинуть отель, серьезно поговорить с Шеффнером.

Однако выспаться ему в эту ночь так и не удалось. Часа через три в дверь номера забарабанили. Агасфер накинул халат, сунул в карман браунинг и открыл дверь. В коридоре стоял господин Осама в окружении нескольких полицейских офицеров. Осама сделал знак полицейским и громко сказал:

– Все в порядке, господа! Благодарю вас за помощь – этой действительно мой человек! Я поговорю с ним сам!.. Вы позволите мне зайти в номер, барон?

Агасфер молча отступил в сторону и запер за разведчиком дверь.

– Своему соотечественнику я бы предложил чего-нибудь выпить, хоть и во втором часу ночи, – буркнул Агасфер, бросая взгляд на часы. – Но вы восточный человек и мой непосредственный начальник. К тому же, судя по вашему «эскорту», оставшемуся в коридоре, вы пришли ко мне отнюдь не с поздравлениями...

Указав ночному гостю на кресло, Агасфер собрал на полотенце остатки льда из таза, приложил примочку к шишке на голове и уселся напротив.

– Ну, господин Берг, рассказывайте, что тут у вас произошло?

– Выполняя ваш приказ, я заводил близкие знакомства с представителями немецкой колонии в Токио, – скрывая усмешку, откликнулся Агасфер. – Один из моих новых друзей, коммерсант Шеффнер, пожелал меня проводить и заодно проветриться. Однако он выпил слишком много пива и к тому же вспомнил какие-то свои обиды...

Внимательно выслушав Агасфера, Осама кивнул и тут же поинтересовался:

– Какой документ вы показали полицейским со ссылкой на нашу тайную службу?

– Свой вид на жительство, – хмыкнул тот. – По внешнему виду полицейских я предположил, что они неграмотны. И, как видите, не ошибся!

– Зачем вы устроили стрельбу? Кстати, сдайте ваше оружие, Берг! Иностранцам в нашей стране запрещено владение оружием.

– Я сделал это лишь после того, как меня стала осыпать камнями, господин Осама! Между прочим, именно вы, господин Осама, неоднократно уверяли меня в абсолютной лояльности населения к иностранцам! Хороша лояльность! Если бы я не разогнал толпу выстрелом в воздух – возможно, мы бы с вами сейчас не разговаривали! Ваши соотечественники чертовски метко швыряют камни!

– Зачем вы связались с этим старым пьяницей Шеффнером? – помолчав, поинтересовался разведчик.

– У русских есть поговорка: что у трезвого на уме, у пьяного на языке! – перешел на русский язык Агасфер. – Вы долго жили в России и должны знать это! От пьяных всегда можно узнать много интересного!

Осама кивнул.

– Возможно, вы правы! Однако я хочу заметить вам, барон, что данный случай беспрецедентен! Я имею в виду попытку толпы напасть на иностранцев. К тому же вам не следовало громко афишировать свою связь со спецслужбой! У нас это не принято! Именно поэтому полицейские, ввернувшись в участок, рассказали об этом инциденте своему начальнику. А тот, опасаясь принять неверное решение, информировал о вооруженном иностранце, якобы связанном с секретной службой, свое высшее руководство. Оно, в свою очередь, связалось с моим начальством. Вас, барон, спасла ваша особая примета! – Осама кивнул на протез левой руки. – Мое руководство, услышав о ней, сразу уразумело, о ком идет речь. И убедило военные власти не посылать в отель вооруженную команду для того, чтобы схватить и обезвредить иностранного «шпиона-диверсанта»! Вместо этой команды прибыл я, господин Берг! Теперь вы представляете, какой из-за вас поднялся шум?

– М-да, – только и нашелся что сказать Агасфер.

– Да, совсем забыл упомянуть, что кто-то сообщил об этом инциденте в редакции нескольких газет, и в настоящее время цензорская служба предпринимает все усилия, чтобы в завтрашних номерах газет ничего не появилось о вас и вашей стрельбе.

– Я приношу свои извинения за свою ошибку, господин Осама. И обещаю, что впредь буду максимально осторожен и осмотрителен. Однако при всем этом, хочу заметить, господин Осама, что худа без добра не бывает!

– Что вы имеете в виду, барон?

– Вечерний инцидент показал, что население не так уж и лояльно к иностранцам. И если ваши власти не хотят, чтобы из Японии сбежали ваши европейские и заокеанские друзья и тай-

ные союзники в этой войне, правительство должно усилить соответствующую пропагандистскую работу.

Разведчик вскинул на Агасфера удивленный взгляд, подумал и одобрительно кивнул головой:

– А ведь вы правы, господин Берг! Люди меняются...

– К тому же ваша страна истощена войной. В иностранной колонии ходят слухи о том, что крестьяне в провинциях буквально умирают от голода. Торговля практически замерла, ваша промышленность в глубоком ступоре. Народ зол – как бы люди не плясали при этом вокруг этих ваших увитых флагами шестов на улицах. Япония в долгах, как в шелках – между тем даже победа над Россией вряд ли принесет вашей стране ощутимые дивиденды.

– Это почему еще?

– Потому что Россия никогда в своей истории – слышите? – никогда и никому не платила военных контрибуций!

– Я непременно доведу эту мысль до своего руководства, – кивнул Осама. И тут же поправился. – Насчет того, что настроение народа и его отношение к иностранцам меняется, разумеется!

– Надеюсь, эта тема исчерпана, господин Осама?

– Вы еще не сдали мне ваш пистолет...

– И не верну! – Агасфер осторожно пощупал шишку на голове. – Вряд ли я смогу завтра надеть шляпу, черт возьми!

Подумав, разведчик кивнул:

– Хорошо. Но мы еще вернемся к этому разговору. Вы хотели мне что-то сообщить?

– Скорее, попросить. По моим сведениям, на днях английская колония в Токио снова устраивает грандиозный банкет. Я полагаю, что если бы смог получить на него приглашение, это значительно расширило бы мой круг знакомств среди иностранной колонии.

– Разумно. Вы получите пригласительный билет, господин Берг!

– Если можно, то два, господин Осама!

– А кому второе приглашение?

– Разумеется, моему лучшему другу со вчерашнего вечера, господину Шеффнеру. Не сомневаюсь, что, попав на прием, он представит меня нужным людям из американской и английской колоний.

– Разумно. Я пришлю вам приглашения в ваш отель завтра утром. Что еще?

– Моя фабрика, господин Осама! Не говоря о практической пользе консервов для нужд японской армии, разрешение на ее постройку и эксплуатацию позволило бы мне значительно повысить свой рейтинг среди иностранных коммерсантов. На меня будут смотреть иначе, чем сейчас – возможно, именно фабрика позволит мне войти в высшие круги иностранного бизнеса.

Осама рассмеялся:

– Вот за что вы мне нравитесь, барон, так это за ваше умение не только выйти сухим из воды, как говорят русские, – но и за способность даже свои промахи обернуть победами! Скажу по секрету, что ваш вопрос с фабрикой практически решен! Мы тянули с разрешительными бумагами на ввоз оборудования только для того, чтобы у вас была возможность везде и повсюду жаловаться на твердолобость японских властей...

– Так я могу рассчитывать получить вместе с приглашениями и эти бумаги?

– Ваши аппетиты растут, барон! – улыбнулся разведчик. – Я сделаю все возможное...

– Благодарю вас, господин Осама!

– А что вы там говорили насчет угощения капелькой виски или водки, барон? Я бы не отказался, признаться!

Агасфер кивнул, поднялся из кресла и, бесшумно ступая, направился к двери номера. Прислушавшись, он резко открыл ее, едва не сбив подслушивающего под дверью человечка. Тот что-то забормотал в свое оправдание, однако Агасфер перебил:

– Принеси-ка две рюмки хорошего коньяку, бой! Только хорошего, иначе мой гость обервет тебе все уши!

Бой молниеносно исчез.

– Кстати, я хотел поинтересоваться, Осама-сан: вы еще не получили ответ от ваших германских друзей относительно меня?

– Пока нет. А вас это беспокоит, Берг? Может быть, вы искали в Европе не только старые шарманки для господина Архипова? И опасаетесь, что ответ на наш запрос в Германию будет не слишком радостен для вас?

– Меня беспокоит другое: я чувствую, что ваше руководство держит меня в стороне от оперативной, скажем так, работы. И при этом слишком полагается на ответ ваших немецких друзей. А ведь он вовсе может не поступить, Осама-сан! Война, как вы сами говорили, меняет многие приоритеты! Мои новые немецкие друзья здесь, кстати говоря, жалуются на изменившееся к ним отношение. Утверждают, например, что японцы «задвигают» их. И носятся нынче с новыми друзьями – в первую очередь с англичанами. Вполне резонно предположить, что и германские спецслужбы не чувствуют себя обязанными сломя голову бросаться выполнять каждую просьбу вашей спецслужбы. И что тогда? Я так и буду в резерве до конца дней?

– Давайте все же подождем еще немного. И вообще: хочу признаться, господин Берг, что этой ночью шел к вам совсем с другими намерениями – с неопределенной улыбкой сообщил Осама, чокаясь с собеседником.

– Я догадываюсь, – кивнул тот. – Прозит! Ваше здоровье, господин Осама!

Выпроводив, в конце концов, Осаму, Агасфер велел коридорному разбудить его в 6.30 утра и попытался заснуть. Однако сон не шел: все мысли Агасфера были о Настеньке и сынишке, оставленных, по настоянию Осамы, на севере Японии, в Хакодате. Сообщив это неожиданное решение, японец мотивировал его прежде всего беспокойством своей секретной службы за семью господина барона, а также тем, что супруга и малолетний ребенок будут отвлекать Агасфера от выполнения ответственного задания. Однако тот не сомневался, что его семья осталась в заложниках у японцев.

Утешало Агасфера одно: Настенька и сынишка остались под присмотром компаньона, Демби, который поклялся не дать их в обиду. Впрочем, защита была слабой: ну что мог поделывать старый шотландец, случись что?

Ворочаясь с боку на бок, Агасфер мучительно размышлял и об истинном своем задании. Он не сомневался, что рано или поздно получит доступ к секретной информации, необходимой России. Но как ее передавать? С кем? Случилось так, что он оказался в полном отрыве и от России, и от ротмистра Лаврова. Оставалось только надеяться, что тот не сидит сложа руки и работает над тем, как восстановить связь со своим конфиденнтом⁴¹. Правда, конфиденнта нужно было еще разыскать, что в условиях тотальной слежки в Японии, ставшей частью ее государственной политики, было не так-то просто.

А следили здесь за каждым. И уж за иностранцами – в первую очередь.

И немцы. Агасфер не сомневался, что у них на него собрано солидное досье. Сообщат ли они о нем японцам или нет? Он очень надеялся, что не сообщат: с какой бы стати немцам раскрывать перед азиатами все свои секреты?

Так и не заснув, Агасфер без помощи боя поднялся в шесть часов утра самостоятельно. Одевшись, он долго маячил перед зеркалом, пытаясь надеть шляпу так, чтобы она не задевала

⁴¹ Секретный агент, доверенное лицо.

изрядно подросшую шишку на голове. Наконец, плюнув на приличия, он решил нести шляпу в руке.

Сбежав по лестнице, он рассчитался с портье за номер и зашагал по направлению к своему отелю. Навещать Шеффнера он не стал: было слишком рано, немец наверняка еще спал. К тому же Агасфер не сомневался, что элементарные правила приличия побудят того нанести ему ответный визит и поблагодарить за вчерашнее.

Несмотря на ранний час, улицы Токио были полны прохожих. Агасфер обратил внимание, что людей с пустыми руками ему практически не попадалось: каждый что-то непременно нес: корзину ли, бамбуковое коромысло с какими-то деревянными лоханями. Не обращая внимания на протестующие звонки трамваев, торговцы везли по мостовой тележки, нагруженные так, что непривычному европейцу могло показаться, что все эти корзины, горшки и ящики вот-вот рухнут. Почти все лавки и харчевни были гостеприимно открыты, и Агасфер, повинаясь зову желудка, неожиданно для самого себя решил сегодня пренебречь европейским завтраком в отеле и попробовать то, что едят простые люди. Он, свернув в ближайшую харчевню, приметив там пару пустых столиков на низких ножках.

Появление европейца вызвало у хозяина харчевни и посетителей легкий шок. Еще большее удивление вызвало то, что европейец заговорил по-японски – медленно, запинаясь, но понять его можно было вполне:

– Здравствуйте. Хозяин, я хотел бы поесть, – поглядывая на доску с меню, Агасфер сделал заказ. – Рыбная похлебка с лососем, аю, эби⁴². Можно?

Хозяин закивал, закланялся, обеими руками указал на свободный столик, принес пару подушек – чтобы гостю было удобнее. Пока Агасфер, кряхтя, примащивался за низеньким столом, хозяин снова появился откуда-то из глубин своей харчевни. Начал извиняться:

– Просим прощения, господин: рыбная похлебка у меня не совсем хорошая. Она не очень японская: у меня, к сожалению, нет рису и овощей для заправки похлебки: торговцы давно не носят нам этого... Война, – хозяин развел руками. – Все лучшее уходит солдатам...

Агасфер отмахнулся: что есть, то и неси, мол!

Вскоре перед ним поставили объемистую деревянную чашку с похлебкой и деревянной ложкой, больше похожей по форме на маленький совок. Небольшую форель, обложенную десятком алых усатых креветок, принесли на квадратной лакированной дощечке.

– Господину, видимо, будет несподручно есть нашими палочками, хаши. Я послал мальчишку к соседям – кажется, у них была ваша вилка.

Однако Агасфер покачал головой: не надо! Недаром он почти полгода прожил на Сахалине под одной кровлей с японским учителем языка: тот, помимо прочего, научил его пользоваться и японскими палочками для еды. Сомнение у него вызывали только креветки, которых Агасфер видел впервые в жизни. Потыкав в твердый панцирь палочками, он виновато взглянул на хозяина. Поняв затруднения гостя, тот присел рядом и показал, как надо есть креветок – руками.

Управившись, в конце концов, и с креветками, Агасфер прополоскал пальцы правой руки в подставленной чаше с водой, и тут же, поймав удивленный взгляд хозяина, постучал протезом левой кисти по столу:

– Железная рука, – коротко пояснил он. – Сколько с меня, хозяин?

– Пятьдесят сен⁴³, господин!

Агасфер кивнул и полез за портмоне. Ему так понравилась доброжелательность хозяина, что он решил сделать ему сюрприз: достал из отделения для мелочи металлическую довоенную иену и подал ее изумленному японцу.

⁴² Аю, эби – чтение японских иероглифов, обозначающих форель и креветки.

⁴³ Сена – одна из мелких денежных единиц Японии. 50 сен равно половине иены.

Вокруг настоящей иены мгновенно столпились все посетители харчевни. Монетка переходила из рук в руки, слышались удивленно-восторженные восклицания.

– Но у меня не будет достаточно денег для сдачи, – наконец, уныло пробормотал хозяин, возвращая монету. – Господин, видимо, не знает, что на черном рынке за монету дают не меньше сотни бумажных иен!

Агасфер улыбнулся:

– Я знаю. Пусть эта монета принесет в ваш гостеприимный дом счастье и скорое окончание войны! – И, не слушая дальнейших возражений, быстро покинул харчевню и пошел своей дорогой.

Вернувшись в свой отель, Агасфер вместе с ключом от номера получил от портье запечатанный конверт без всяких надписей. Повертев его в руках, Агасфер вопросительно поглядел на портье:

– Вы уверены, что этот конверт для меня? В Токио у меня нет знакомых...

Но конверт был для него. Оторвав клапан, Агасфер обнаружил там два пригласительных билета на прием, устраиваемый послом Англии и два скрепленных серебряной фигурной скрепкой листа бумаги с красными сургучными печатями на шнурках. Это было долгожданное разрешение на строительство консервной фабрики и ввоз оборудования для нее из Норвегии.

Бросив конверт на столик, Агасфер дернул за сонетку, вызывая коридорного, и потребовал резиновый пузырь и достаточный запас льда: полученная накануне шишка на голове и не думала уменьшаться в размерах.

Вернувшийся с грузом колотого льда бой передал Агасферу визитную карточку, сообщив, что в холле его дожидается некий господин. Это был Шеффнер.

– Попроси его подняться ко мне в номер, – велел Агасфер. – И принеси две бутылки черного ирландского пива.

Несмотря на некоторую помятость, вид у Шеффнера был торжественный.

– Господин Берг! Я пришел, чтобы искренне поблагодарить вас за вчерашнюю помощь. Мои друзья утверждают, что вы проявили себя вчера как настоящий рыцарь! И если бы не вы – ночевать бы мне в японской кутузке! А то и выставили бы из страны, проклятые яппи!

Агасфер невольно улыбнулся.

Покончив с официальной частью визита, Шеффнер рухнул на диван и, держась за голову двумя руками, спросил у Агасфера аспирина.

– Прошу прощения, но если не секрет: сколько пива вы вчера выпили, господин Шеффнер?

– О-ох! Если верить счету, который мне вручили сегодня эти макаки, то восемь пинтовых⁴⁴ кружек. И никаких больше «господинов Шеффнеров», барон! Отныне я для вас просто Дитрих. Можно еще короче: просто Ди! Аспирин, камрад! – со стоном напомнил Шеффнер.

– Восемь пинт! Ого! Боюсь, что в этом случае аспирин вам не поможет, дорогой Дитрих! Меня, кстати, называйте Михелем. Или Мишелем.

– А что же делать? Я чувствую, что моя голова сейчас просто расколется!

– Я долго жил в России, Дитрих, – сообщил Агасфер, откупоривая одну из принесенных коридорным бутылок. – И убедился на личном опыте, что русская поговорка «клин клином вышибают» – самое действенное средство! Да не морщитесь, дружище! Пейте как лекарство! Русские в таком случае говорят: первая – колом, а вторая – соколом!

– Это как? – не понял немец.

– Выпьете первую бутылку – поймете! Кстати, о ваших друзьях, которые, видимо, не пожалели красок, описывая вам вчерашнее. Я видел их физиономии, прилипшие к стеклам

⁴⁴ Одна английская большая пинта равна примерно 0,568 литра.

бара изнутри. Они с большим интересом наблюдали за происходящим, но ни один не вышел к вам на помощь! Интересно, почему? Национальный обычай?

– Вы говорите – друзья! Dies ist kein Freund, sondern nur dumme Herde Schweine. Dumm und gleichzeitig gerissen, Michael! Sie bevorzugen es, zum Morgen beobachten, Würgen Speichel genüsslich in die Details⁴⁵! Настоящий друг- это вы!

С жадностью поглядев на вторую бутылку пива, Шеффнер вспомнил:

– Как вы говорили, камрад? «Вторая – соколом»? Ха-ха, я, кажется, понял смысл! Да, русские знают толк в выпивке, теперь я в этом убежден! Кстати, чем вы намерены сегодня заниматься, Михель? Продолжите осаждать этих проклятых яппи насчет своей фабрики?

– Я уже успел провести осаду, дорогой Дитрих! – Агасфер перебросил Шеффнеру разрешительные бумаги. – Разрешение получено! А заниматься я буду своей шишкой: к вечеру я должен выглядеть достойно! Вы, Дитрих, тоже: на вашем месте, я бы выпил пару чашек горячего бульона и лег спать. И никаких больше выпивок – во всяком случае, до вечера!

Если разрешительные бумаги на фабрику вызвали у немца явное уважение, то приглашенный билет на прием у английского посла – восторженный поток ругательств.

– Как это вам все удастся, камрад? – теребил его Шеффнер. – Наверное, вы все-таки не Михель, а Санта-Клаус, слегка спутавший время визита на землю! Не беспокойтесь, камрад, я в долгу не останусь: нынче на приеме я познакомлю вас с несколькими очень полезными в коммерческом деле людьми! И не только с америкашками и этими дутыми чопорными свиньями-англичанами! Это люди из японского правительства и военных ведомств! С ними в Японии можно горы свернуть – если вовремя подружиться!

⁴⁵ Это не друзья, а просто стадо глупых свиней. Глупых и в то же время хитрых, Михель! Они предпочли наблюдать, чтобы утром, захлебываясь слюной, смачно рассказывать о подробностях! (нем.)

Глава девятая

Нью-Йорк

Был последний день плавания – Краевский вспомнил это моментально, как только проснулся в своей каюте. В редакции «Русского слова» он считался опытным путешественником и мореплавателем, однако до сей поры маршруты его странствий пролегли по Европе и Азии. В Америке он никогда не был, и это обстоятельство несколько возбуждало Владимира Эдуардовича.

Быстро одевшись, он попытался выглянуть из овального иллюминатора, однако густой туман, словно пологом, закрывал все окружающее. Краевский захлопнул за собой дверь каюты D-115 и ровным шагом направился по бордовой ковровой дорожке в сторону трапа. Коридор чуть изгибался, повторяя обводы гигантского парохода Nord Star, и в этот ранний час был совершенно пуст.

– Прошу прощения, сэр! – раздался сзади какой-то бесцветный голос, и Краевский, не останавливаясь, покосился через плечо.

Это был индеец-стюард. Чертовы стюарды в своих тапочках всегда ходили абсолютно бесшумно – очевидно, это было одним из требований судходной компании.

– Прошу прощения, – повторил по-английски стюард. – Позволю себе напомнить, что завтрак для господ пассажиров палубы D будет подан только через полтора часа...

– Знаю! – буркнул Краевский. – Я просто хотел подышать свежим воздухом...

Выполнив свой долг, стюард, на ходу поклонившись, проскользнул мимо раннего пассажира и буквально через десяток секунд своего скольжения исчез за дверью неприметного служебного помещения.

Первые три – четыре дня плавания Краевский, как, впрочем, и прочие пассажиры многопалубного монстра, бросившего вызов осенней Атлантике, путались в его бесконечных коридорах, переходах и трапах – особенно при поисках своей каюты. Выручали обычно стюарды и их помощники, несшие свою вахту возле каждого межпалубного трапа. Заприметив чье-либо растерянное лицо, они тут же покидали свое «убежище» и просили разрешения взглянуть на ключ пассажира. По цвету массивного шарика-брелка, совпадающего с цветом ковровой дорожки нужной палубы, они мгновенно определялись и указывали нужное направление, либо провожали особо бестолковых или подвыпивших в барах путешественников прямо до их кают. За неделю плавания газетчик вполне освоился на гиганте-пароходе Nord Star, и посторонняя помощь Краевскому уже не требовалась. Порой он и сам помогал собратям по путешествию разобраться в путанице коридоров и трапов.

Очутившись на верхней палубе, Краевский тут же убедился в том, что ранних пташек вроде него на пароходе достаточно много. Больше всего их скопилось по правому борту, где два судовых фотографа в поте лица фотографировали всех желающих на фоне статуи Свободы, высившейся на островке Бредлоу⁴⁶. Снисходительно покосившись в их сторону, Краевский достал сигару, закурил и принялся наблюдать за деловой суетой палубной команды, готовившейся к поднятию гигантских якорей.

Туман стелился над самыми волнами и нисколько не мешал рассмотреть великолепную панораму Манхэттена, откуда к плавучему пришельцу с той стороны Атлантики уже спешили десятки малых судов с лоцманским катером во главе. Этот катер скользнул под борт Nord Star первым, и тут же загремели механизмы подъема якорей и сами цепи.

Пароход протяжно рывкнул, оповещая Америку о своем прибытии, и малым ходом двинулся в сторону устья Гудзона, к причалу.

⁴⁶ Так до 1956 года назывался островок, на котором был воздвигнут монумент, подарок Франции.

Ну вот, второй этап путешествия, считай, позади, отметил про себя Краевский. Позади Европа и Атлантический океан. Несколько дней он планировал на «освоение» восточного побережья, потом начнется третий этап – пересечение Америки на трансконтинентальном железнодорожном экспрессе к западному побережью, в Сан-Франциско.

Сама встреча с Америкой была для прибывших сюда на редкость будничной и, как показалось Краевскому, скучновато-равнодушной. Медицинскому контролю – и то весьма поверхностному – подвергались лишь пассажиры 3-го класса: скромно одетые люди с ворохом корзин и детьми. На паспорт Краевского чиновник иммиграционной службы глянул мельком и с плохо скрытым зевком поинтересовался целью прибытия.

– А-а, журналист... Добро пожаловать в Америку, сэр... Следующий!

Толпа встречающих состояла преимущественно из газетчиков, высматривающих среди прибывших знаменитостей, гостиничных агентов в фуражках с названиями отелей и юрких личностей в шляпах-котелках, лихо сдвинутых на затылок. Это были гиды-профессионалы.

Газетных репортеров, топтавшихся в первых рядах, Краевский миновал с легкой улыбкой, злорадствуя в душе: эх, знали бы коллеги его намерения и дальнейший маршрут! Мигом бы побросали всех своих знаменитостей и устроили бы свалку за право взять интервью!

– Гид, сэр? – Краевского легко тронули за локоть. – Не нужны ли вам услуги профессионального гида? Я работаю здесь больше десяти лет и знаю в Нью-Йорке каждую собаку, сэр!

– Собаки меня не интересуют, любезный, – Краевский в раздумье приостановился, сдвинул шляпу на затылок. – А вот гида я, пожалуй, взял бы.

– Считайте, что вы меня уже наняли! – широко улыбнулся рыжий веснушчатый мужчина лет тридцати пяти и крепче ухватил клиента за локоть. – Багаж, сэр?

Краевский покачал головой и кивнул на саквояж, с которым и прибыл в Америку:

– Я путешествую налегке, любезный!

– Можете называть меня Диком, сэр! – гид легко развернулся и, распахивая налетевших конкурентов, повлек клиента к воротам порта. – Разрешите узнать ваши планы и пожелания, сэр?

– Я впервые в Нью-Йорке, Дик, – снисходительно признался Краевский. – Поэтому давайте начнем с небольшой прогулки по городу, а потом вы доставите меня в приличный тихий отель. Идет?

– О'кей, сэр! И это все? – улыбка на лице гида несколько поугасла. – Желаете прогуляться пешком, или возьмем мотор?

– Конечно, мотор! Если на нашем маршруте попадется приличный ресторанчик – остановимся: на прощальный обед на Nord Star я оставаться не стал.

– О'кей, сэр! О'кей! – Дик снова повеселел и еще энергичнее поволок клиента вперед, высматривая знакомых таксистов. – Эй, Джонни! Твоя колымага свободна и все еще способна передвигаться?

– Привет, Дик! Обижаешь: моя «старушка» пока никому не позволяет пылить себе в нос! С благополучным прибытием, сэр! – подскочивший шофер снял кепи и попытался отобрать у Краевского саквояж, но тот отрицательно покачал головой. – Куда едем, сэр?

– Прокати-ка нас по Манхэттену, Джонни, – перехватил инициативу гид. – Да смотри, выбирай улицы посвободнее, чтобы не стоять в пробках!

Гид болтал почти без умолку, без конца теребил пассажира, обращая его внимание на очередную достопримечательность. В основном эти достопримечательностями были небо-скребы, которые очень скоро изрядно поднадоели Краевскому своей монументальной величи-ственностью. Ворвавшись в небольшую паузу, он напомнил:

– Мистер Дик, как насчет тихого уютного ресторанчика? Вы вроде бы обещали...

Дик замер с открытым ртом, потом сорвал с себя кепку и в сердцах ударил ею себя по коленям.

– Простите ирландского дурня, сэр! – Он прижал кепку к груди. – Я и позабыл про то, что мой клиент голоден! Джонни, надеюсь, ты потом pomoжешь мне добраться до ближайшего сумасшедшего дома?

– Тебе там самое место, – сверкнул улыбкой шофер, с величайшей ловкостью лавируя в потоке автомобилей, извозчиков и ломовиков. Не снимая одной руки с руля, второй он почти непрерывно сигналил клаксоном, успевая при этом переругиваться с другими шоферами и извозчиками. – Но сначала надо не дать умереть с голоду твоему клиенту!

Он резко ударил по тормозам, яростно просигналил и повернул направо прямо перед лошадиной мордой, вызвав виртуозную брань возчика. Автомобиль промчался по короткому переулку, сделал еще несколько поворотов и, наконец, затормозил, прижавшись к тротуару.

– Ресторанчик Шестипалого Бредли, – кивнул он на широкую стеклянную дверь. – Тихое, уютное местечко – как вы и просили, сэр! Не больше трех драк за час – шучу, сэр, шучу! Мне как – подождать вас, сэр? Такси здесь попадаютсЯ довольно редко, а лишнего я с вас не возьму!

– Конечно, подождите, Джонни! – улыбнулся Краевский, в последние пять минут ломавший голову над тем – принято ли в Америке кормить шоферов такси? Гид по имени Дик свою проблему решил сам: выскочив из машины, он распахнул дверь для пассажира и поволок его в ресторанчик, приговаривая, что лично проследит за тем, чтобы его клиента не облапошили и не накормили всякой дрянью.

– Да, сэр! – вполголоса приговаривал он на ухо Краевскому. – Шестипалый – приятный парень во всех отношениях, кроме одного: очень уж он любит сорвать с незнакомцев пару лишних долларов!

Распахнув дверь, он заорал на весь пустой зал:

– Эй, Бредли! Просыпайся, старая черепаха! Голодные клиенты прибыли! – И, повернувшись к Краевскому, добавил: – Не беспокойтесь, сэр, я не собираюсь пользоваться случаем пообедать за счет клиента! И к вашему столику подойду только в том случае, если вы терпеть не можете обедать в одиночку. Или если у вас возникнут какие-то срочные вопросы.

Между тем к столику приближался, чуть прихрамывая, низенький человечек с лицом, состоящим, казалось из одних морщин. Сердечно поздоровавшись с Диком, хозяин тут же переключил все свое внимание на гостя. Окинув Краевского цепким и в то же время доброжелательным взглядом, он раздвинул морщины в улыбке:

– Добро пожаловать в Америку, сэр! Я полагаю, что хороший стейк из тeхасской говядины и добрый кусок пирога с черникой будут в самый раз, сэр! Что будете пить, сэр?

Готовясь к путешествию в Америку, Краевский постарался как можно больше узнать о традициях и обычаях этой страны – чтобы не попасть впросак с элементарными вопросами. Знал он и то, что вопрос хозяина ресторанчика насчет питья вовсе не означает его готовность с порога накачать клиента спиртным – хотя последнее отнюдь не возбранялось. Поэтому, улыбнувшись в ответ, он заказал холодный чай без сахара.

– О'кей, сэр! О'кей! Как прикажете прожарить мясо? Среднепрожаренный стейк? О'кей! Отлично, сэр! – Хозяин повернулся к гиду: – Ну а тебе, ирландское отродье, конечно же, кружку пива за счет заведения?

Обняв Дика за талию, хозяин увлек его к стойке бара, нырнул под нее, выдал приятелю высокую кружку темного пива и исчез за задней дверью. Дик отсалютовал Краевскому кружкой и деликатно отвернулся к стойке.

Развернув свежую газету – Краевский и не заметил, когда Шестипалый Бредли положил ее на соседний пустой стул – он сделал вид, что углубился в чтение, стараясь проанализировать события первого утра в Америке и тщательно просчитать последовательность своего «превращения» в Персиваля Палмера.

Иммиграционной службе он показал свой настоящий паспорт. Другим вариантом было бы сойти на берег Палмером из Пенсильвании, однако парижские неприятности показали, что

у его противника действительно длинные руки. Насколько они были длинны? Не дотянулись ли они до Нью-Йорка? Предосторожность оказалась излишней – ну, что ж, зато необременительно.

Сообщив гиду о желании поселиться в небольшом и тихом отеле, он сделал еще один шаг к заметанию своих следов. В маленьком отеле поселится русский репортер Краевский, прибывший из далекой Европы практически без багажа – подробность, на которую бы непременно обратила внимание вышколенная обслуга большого отеля.

Расставшись с гидом и шофером такси, он съедет из маленького отеля уже на следующий день. Съедет и направится в штат Пенсильвания – должен же уроженец этого штата хоть немного знать родные места! Самый близкий от Нью-Йорка пенсильванский город – Филадельфия. Туда он приедет, уже купив по дороге пару дорожных чемоданов и немного «состарив» их в любом мотеле. Все необходимое для этого у него уже имеется.

Далее – Аллентаун и Гаррисберг. В Филадельфии и других городах он полностью обновит свой гардероб, купит конверты и отправит сам себе письма и почтовые карточки в Сан-Франциско. Конверты и карточки с почтовыми штемпелями штата Пенсильвания – дополнительное удостоверение личности новоявленного Палмера. Потратив на поездку два дня, он вернется в Нью-Йорк, заказав по телефону номер в большом отеле. Не забыть бы еще отправить «дорогому» мистеру Палмеру письмецо оттуда! В отеле он закажет железнодорожный билет на трансамериканский экспресс до Сан-Франциско, и через три дня пути, преодолев Америку с востока на запад, окажется на Тихоокеанском побережье. Ну а дальше все просто: покупка билета в каюту первого класса на любой пароход, следующий до японской Иокогамы, и скучающий американский путешественник Палмер отправится в щекочущее нервы турне в страну, которая ведет войну...

– Пожалуйста, сэр! – Бредли поставил перед Краевским тарелку с огромным подрумяненным скворчащим стейком. – Готов поклясться, что еще позавчера этот бычок бродил по зеленой техасской травке! Мясо мне завезли только нынче утром!

Краевский поглядел на стейк с некоторым ужасом: он был столь велик, что края закрывали всю тарелку.

– Черт меня побери, если я смогу съесть хотя бы половину этой порции, хозяин!

– А вы начните, сэр! – лукаво ухмыльнулся тот, ставя перед гостем высокий стакан и запотевший кувшин с холодным чаем. – «Пролетит» в желудок так, что и не заметите! Приятного аппетита, сэр!

К удивлению Краевского, со стейком он расправился довольно легко. И тут же издал легкий стон, увидя перед собой кусочек черничного пирога размером с книгу.

Однако ему удалось справиться и с пирогом. Заказав в заключение пару кружек пива, Краевский подозвал к себе Дика и пододвинул одну из кружек ему.

– Благодарю, сэр! – сделав несколько глотков, Дик поинтересовался. – Конечно, не мое собачье дело, сэр, но могу я поинтересоваться – из какого уголка Европы вы прибыли сюда? Ваш говор...

– А что с моим говором? – насторожился Краевский.

– Понимаете, сэр, вы говорите как англичанин. И в то же время чувствуется какой-то непонятный легкий акцент... Простите за любопытство, конечно – мне просто интересно!

Краевский кивнул, возблагодарив Бога за предусмотрительность Дорошевича:

– Все очень просто, Дик. Мои родители всю жизнь странствовали по свету, надолго не задерживаясь ни в одной стране. Родился я в Британии, маленьким был привезен в Пенсильванию, а потом мы жили и в Индии, и на Дальнем Востоке. Так что сказать – кто я по национальности – довольно трудно.

– Все понятно, сэр! – улыбнулся из-за кружки пива Дик. – Как вам американский обед?

– Все отлично, только многовато, – пожаловался Краевский.

– Ну, тогда продолжим нашу поездку, пока Джонни не заснул в машине?

Краевский покачал головой:

– Боюсь, что уже не расположен к дальнейшей экскурсии, Дик. Мне бы до кровати добраться, – и заметив вытянувшуюся физиономию ирландца, рассмеялся. – Сами виноваты! Зачем было везти меня в ресторан, где гостей откармливают, как индеек перед рождеством?

– Ну, в отель так в отель! – покладисто согласился гид. – Я дам вам свою визитную карточку с квартирным телефоном нашего шофера. Возникнет желание покататься и поглазеть на город – милости просим, сэр! Эй, Бредли, неси-ка свой «приговор» нашему гостю!

После четверти часа лавирования таксиста Джонни в сумасшедшем потоке движения по улицам Нью-Йорка машина нырнула в узкий приезд между двумя небоскребами и остановилась.

– Ну, вот и ваш тихий отель, мистер! Отдыхайте, набирайтесь сил и... не забывайте про мою визитную карточку, сэр! – многозначительно напомнил Дик. – Кстати, если не секрет – чем вы вообще занимаетесь, сэр?

– Всем понемногу, – улыбнулся в ответ Краевский. – В основном – трачу наследство, полученное от тетушки. Пробую писать заметки о тех местах, где уже побывал. Иногда их берут в разные газеты.

– Тогда вам непременно нужно побывать в Ист-Сайде⁴⁷, – убежденно заявил гид. – Про его «музейную милю» можно написать не одну, а десять книг! Между прочим, я знаю одну состоятельную старушку на Ист-Сайде... Если ее разговорить, то получится еще один десяток книг! Она из русских евреек – может, слышали, сэр? Когда-то за ней гонялась полиция всей Европы! Сонька Золотая Ручка – не слышали, сэр?

Рассчитываясь с гидом и шофером, Краевский убежденно потряс головой:

– Не может быть, Дик! – Он хорошо помнил книгу и рассказы Дорошевича о Сахалинской каторге. – Это наверняка какая-то самозванка и авантюристка! Я совершенно точно знаю, что Сонька Золотая Ручка погибла на русской каторге при попытке к бегству!

– Не знаю, сэр, – задумчиво поскреб подбородок Дик. – Я возил к ней на Ист-Сайд нескольких репортеров из Европы, которые тоже сомневались. И видел их ошеломленные физиономии, когда они выходили от этой старой еврейки! Впрочем, как хотите!

Минут через двадцать Краевский уже блаженно вытянулся на обширной койке в небольшом семейном отеле. Уже засыпая, он подумал, что если ему посчастливится вернуться из Японии, то на обратном пути он мог бы и завернуть на Ист-Сайд. Настоящая живет там Сонька Золотая Ручка, либо самозванка-авантюристка – для газетчика в любом случае это находка!

На следующее утро автобус «Серая гончая» увозил его в Филадельфию, где Краевский со всей серьезностью принялся за выполнение плана перевоплощения в Палмера. Заказанные по телефону новехонькие чемоданы подверглись «косметической» обработке – в этом газетчику помог кусок наждачной бумаги. Пошоркав наждаком углы, Краевский извлек из саквояжа конверт с наклейками разных отелей Европы – ими щедро поделился с коллегой поездивший по свету Влас Михайлович Дорошевич.

Приведя чемоданы в соответствие с представлением о бывалом путешественнике, Краевский произвел настоящий переполох в магазинах готовой одежды, закупив десяток костюмов, брюк, сорочек и пиджаков пенсильванского производства. Вслед за этим вся закупленная одежда переехала в мастерскую белошвейки, которая два дня, не покладая рук, трудилась над

⁴⁷ Верхний Ист-Сайд – квартал в Манхэттене, между Центральным парком и Ист-Ривер. Его границами являются Пятдесят девятая и Девяносто шестая улицы, а также Центральный парк и Ист-Ривер. С начала XX века Верхний Ист-Сайд известен как «Район шелковых чулок», потому что считается одним из наиболее дорогих и престижных жилых районов Нью-Йорка. Квартал также славится обилием музеев. Наибольшая концентрация их приходится на отрезок Пятой авеню от Восемьдесят второй до Сто четвертой улицы, известный как «Музейная миля».

изготовлением меток с двумя буквами – «Р. Р.», а потом пришивала их к рубашкам, брюкам и даже носовым платкам новоявленного Перси Палмера.

Не терял времени даром в Пенсильвании и сам «Перси Палмер»: он ходил по улицам, заходил в кабачки и дорогие рестораны, побывал на добром десятке лекций на самые разные темы. Интересовали его, впрочем, только особенности речи жителей своего «родного» штата.

Вернувшись в Нью-Йорк, он поселился в фешенебельном отеле, заказал билет в купе первого класса на поезд «Америкэн старз» до Сан-Франциско, произвел в Bank of New York последнюю на этом этапе пути финансовую операцию по обмену ценных бумаг, необходимых каждому солидному путешественнику. В Лондон была отправлена телеграмма человеку, через которого планировалась связь с редакцией. Деша имела самое невинное содержание:

Дорогая тетюшка Мэри зпт я здоров и продолжаю свое путешествие
тчк погода в сан-франциско хорошая тчк = твой рр.

Постучав в дверь купе, стюард в белоснежной куртке вручил Краевскому-Палмеру меню вагона-ресторана. В тонкой папке был и карандаш, которым пассажиры первого класса отмечали желаемые ими блюда. Спешить Краевскому было абсолютно некуда: до западного побережья экспрессу предстояло промчаться 83 часа – чуть более трех суток. И он небрежно бросил папку с меню на подушку неправдоподобно шикарной и мягкой кровати.

С каждым оборотом колес железнодорожный потомок Пульмана все дальше уносил его от восточного побережья Америки и от длинных рук Манасевича и его агентуры. Только здесь, в поезде, у Краевского исчезло ощущение присутствия рядом некоего соглашения.

Покидая патриархальную Москву, он не слишком прислушивался к деликатным предупреждениям насчет опасности путешествия под чужим именем, с чужими документами. В Париже он заглянул, как и было условлено, к старинному приятелю издателя Ивана Дмитриевича Сытина. И был весьма удивлен отчаянно-тревожной телеграммой, которая ждала его почти сутки. Телеграмма была отправлена не из Москвы (еще одна предосторожность), а из Тамбова. Содержание телеграммы было самым банальным. Однако условные фразы сигнализировали о необходимости крайней осторожности.

Получил Краевский и еще одно предупреждение – устное, от некоего анонима. Тот явился в гостиницу ни свет ни заря, и поначалу едва не был выставлен Краевским за дверь. Однако пришелец, прекрасно говоривший по-русски, успел назвать два знакомых Краевскому имени и упомянуть тетюшку Мэри, и только поэтому был впущен в номер.

– У меня очень мало времени, поэтому слушайте меня, господин Краевский, очень внимательно. Верить мне или не верить – дело ваше, но выслушать вы должны непременно. Мои друзья из Петербурга попросили навестить вас и сообщить, что русской полиции стало известно о некоем заказе вашего друга Дорошевича. Исполнитель этого заказа пойман, и полиции теперь известно многое. В том числе у них есть ваш портрет, известна и особая примета – шрам на внешней стороне кисти левой руки. Вам о чем-нибудь говорит имя Манасевич-Мануйлов?

Краевский отрицательно покачал головой.

– Это страшный человек, и он идет по вашему следу. Хуже того: у него осталось много друзей в парижской полиции. Должен сообщить вам, что Французская секретная полиция не слишком церемонится в выборе способов действия для достижения цели. Цель в нашем случае – это вы, господин Краевский!

– Значит, украденный у меня вчера чемодан – дело рук этого самого, как его? Манасевича?

– У вас украли чемодан? Когда это случилось? Где?

– Прямо здесь, в отеле. Прихожу, а чемодана нет...

– Заявили протест дирекции?

– Разумеется, – пожал плечами Краевский.

– Вы, как я понял, газетчик. Человек, стало быть, наблюдательный. Вспомните, пожалуйста: как реагировала обслуга отеля на ваше возмущение?

Краевский задумался, припоминая:

– А ведь они не слишком удивились, мсье... Да-да, они вели себя так, словно ожидали чего-то подобного! – Краевский с силой ударил кулаком в ладонь. – Проклятые фарисеи!

Визитер хмыкнул:

– Как правило, прислуга в приличных отелях вышколена и достаточно наблюдательна. Если бы сюда заехал профессиональный гостиничный вор, они перевернули бы весь отель! Я уже не говорю о том, чтобы пропустить постороннего...

– Хм... Простите, мсье, но вы-то просочились в номера! – Краевский подозрительно поджал губы.

– Я служу в полиции! – легко улыбнулся визитер.

– Значит, мой чемодан украли плохие полицейские, а вы хороший? – не удержавшись, съязвил газетчик.

– У меня и у тех полицейских разные друзья в Петербурге, – пожал плечами посетитель. – Но мы отвлеклись. Надеюсь, паспорт был не в чемодане?

– Паспорт достаточно тщательно спрятан.

– Ваш номер был обыскан?

– Я ничего не заметил... Значит, если и обыскан, то весьма деликатно... Послушайте, а кто вас прислал?

– Я не могу вам этого сказать, – вздохнул визитер. – Немедленно, прямо сейчас, уезжайте в Лондон, и постарайтесь сделать это незаметно. Если вас поймают с чужим паспортом, то тут же отправят в Россию – и отнюдь не для того, чтобы вручить подарок. Скорее всего, там вас ждет обвинение в шпионаже и тюрьма. Прощайте, и будьте осторожны! Постарайтесь быть все время в компании людей – неважно кого, но в компании...

Незнакомец коротко поклонился и направился к двери.

– Погодите! Как же я вынесу паспорт из отеля? Как я доберусь с ним до парома, если все обстоит так, как вы говорите?

Визитер пожал плечами и взялся за ручку.

– Погодите же! – Краевский взялся за виски, мучительно размышляя над возникшей дилеммой.

Визитера могли прислать его добрые друзья, но и не только! И названные имена, и упомянутая тетушка Мэри – все это могло быть частью игры. Зачем нападать на человека, обыскивать – если можно задурить голову и сделать так, что простофиля сам отдаст драгоценный паспорт? Однако другого выхода Краевский просто не видел.

– Послушайте, – нерешительно начал он. – А не могли бы вы, мсье...

– Мы так не договаривались, – перебил визитер. – Мой русский друг просил меня только предупредить вас!

– На кой черт мне ваше предупреждение, если я под наблюдением! Я могу заплатить, в конце концов!

Визитер хмыкнул:

– Смотря за что и сколько, мсье!

– Можете вы привезти мне этот проклятый паспорт в Кале, к парому?

– Допустим, могу, – задумался посетитель. – Но тот, кто охотится за вами, может напасть на вас как раз на пароме! Ладно, где наша не пропадала! Я возьму этот паспорт и отдам его вам

в Дувре! На британской территории наши люди «работать» не рискнут! Но я потеряю много времени, мсье!

– Триста франков покроют ваши потери?

– Лучше пятьсот, – без стеснения заявил визитер. – Половина вперед, мсье!

– Торговаться не стану! Отойдите, пожалуйста, в сторону! – Краевский открыл дверь номера, встал на колени, запустил руку под коридорную ковровую дорожку и извлек драгоценный паспорт.

– Ловко! – оценил посетитель. – Надо будет взять этот способ на заметку.

Спрятав паспорт и аванс, он уточнил время отправки парома, откланялся и удалился.

Этот неожиданный визит, разумеется, не прибавил Краевскому настроения. Принятое им решение поставить на кон всю задумку было спонтанным. Собираясь в дорогу, он терзался сомнениями – увидит ли в Дувре этого незнакомца?

Утешало газетчика одно: незнакомец забрал только паспорт и не схватил при этом его за шиворот. Что ж, если встречи в Дувре не произойдет, он вернется в Москву. Не солоно хлебавши, как говорится – но что делать?

Настроение у Краевского поднялось только в Кале, когда у самого трапа дорогу ему преградили ажан⁴⁸ в традиционной форме и с ним двое в статском.

– Мсье Краевский? Вам придется пройти с нами...

Спорить было бесполезно.

В служебном помещении Краевского заставили раздеться догола, перешупали всю одежду, вытряхнули на стол содержимое саквояжа.

Уже через десять минут ажан начал бросать на статских спутников недружелюбные взгляды. А через двадцать, когда статские, не сказав ни слова, торопливо вышли наружу, сельский полицейский раздвинул густые усы в виноватой улыбке:

– Надеюсь, мсье, вы не в претензии на меня? Эти господа из Сюрте⁴⁹ заявили, что вы русский социалист и перевозите опасные предметы. Одевайтесь, мсье, а я помогу собрать ваши вещи...

Взойдя на паром, Краевский перевел дух, бросил саквояж на багажную полку бронированной им каюты и тут же вышел на палубу, присматриваясь к пассажирам и заодно поглядывая на небольшую группу провожающих. Незнакомца из гостиницы нигде не было видно – зато на берегу он заметил двух молодчиков из Сюрте. Укрывшись под каким-то навесом, они явно дожидались отхода парома – очевидно, в надежде, что кто-нибудь из припоздавших пассажиров будет искать Краевского. Борясь с детским желанием показать сыщикам язык, он ушел в каюту и углубился в газету – английские и французские газеты были предоставлены господам путешественникам в изобилии.

Лишь когда паром закачал на крупной волне Ла-Манша, Краевский предпринял детальный осмотр парома. Народу на нем было немного, не более трех десятков человек. За три часа плавания к английским берегам Краевский десяток раз обошел все палубы, столько же раз заглянул в бар. Он не пропустил внимания грузовой отсек судна, заглянул в машинное отделение и даже сунулся на капитанский мостик – незнакомца из отеля не было видно нигде!

Оставалась последняя надежда: он перебрался в Дувр на каком-то другом судне и ждет Краевского там.

Когда паром пришвартовался к причалу Дувра, пассажиры столпились возле сходней.

⁴⁸ Французский полицейский.

⁴⁹ *Sûreté Nationale* (*фр.*) – главное управление национальной безопасности. Отделение французской полиции, основанное Франсуа Видоком в 1812 году. Считается одной из первых организаций по борьбе с преступностью в мире, по образу которой были созданы Скотленд-Ярд и ФБР.

– Мсье, вы не поможете мне управиться с этой проклятой корзиной? – жалобно попросил Краевского какой-то старик в клетчатом непромокаемом плаще с капюшоном, из-под которого торчала только пегая борода.

Только врожденная деликатность не позволила Краевскому послать старикашку ко всем чертям. Выхватив тяжеленную корзину из рук старика, он присматривался к людям на причале, надеясь увидеть знакомого из отеля.

Едва сойдя на берег, Краевский поставил ношу на причал и решительно повернулся к старику с намерением посоветовать тому найти носильщика.

– Идет дождь, и носильщиков не видать, мсье! – заныл старик. – Донесите мою корзинку хотя бы до пассажирского павильона, прошу вас!

Мысленно проклиная немогущего попутчика, Краевский широким шагом направился к павильону, плюхнул корзину у его дверей на землю, сердито повернулся к старику и... замер. Тот неторопливо отдирал приклеенную бороду, густые брови и превращался в знакомого из французской гостиницы!

– Проклятая корзина! – пожаловался незнакомец, доставая откуда-то из недр своего плаща конверт с паспортом. – Но ничего не поделаешь – это часть моей маскировки. По-моему, весьма удачной: вы на пароме прошли мимо меня не менее полутора десятков раз и даже не обратили внимания! Вы не забыли, мсье? С вас еще двести пятьдесят франков... Благодарю... И последнее, мсье: я не заметил на пароме моих сердитых коллег, то тем не менее настоятельно рекомендую вам до отхода поезда на Лондон держаться поближе к бобби⁵⁰ – во-он он стоит! И в случае чего – зовите полицию во все горло! Сюте здесь не любят совершенно. Прощайте – и удачи вам!

В дверь купе постучали. Задумавшийся Краевский обернулся и мило улыбнулся стюарду, вернувшемуся за меню:

– Простите, я задумался и не успел выбрать себе обед. Может, раз уж вы здесь, вы порекомендуете мне что-нибудь особенное?

– Сэр, у нас в вагоне-ресторане два шеф-повара. Немец и француз. Обоих компания переманила из лучших ресторанов, и, как вы понимаете, не зря! Нынче вахту несет Гуго из Бремена. Утверждают, что его жареные колбаски со специальным соусом – нечто божественное! – Стюард поцеловал кончики собранных в щепотку пальцев в белоснежной перчатке.

– Вы француз?

– Я никогда не был во Франции, сэр. То есть родители привезли меня в Америку совсем маленьким. Но мне всегда хотелось побывать там, сэр...

– Вы не пожалеете. Это чудесная страна!

Когда стюард вышел, Краевский снова повернулся к окну, за которым мелькали бескрайние просторы. Он глубоко вздохнул: на трое суток пути можно, пожалуй, забыть обо всех проблемах, прошлых и, без сомнения, будущих неприятностях.

Загремели цепи якорей, и грузопассажирский пароход China остановился на последнюю ночевку перед Японией. Обитатели курительного салона, коротающие здесь время после ужина с сигарами, коньяком и бесконечными чашками кофе, переглянулись и дружно потянулись к

⁵⁰ Bobby (англ.) – прозвище британских полицейских.

выходу на палубу. За две с лишним недели путешествия многие сдружились, с десятков пассажиров звали друг друга по имени и перешли на «ты». Были, конечно, и такие, которые держались особняком и поглядывали на прочих свысока или с оттенком пренебрежения. Вот, к примеру, японец Кодама, владелец пороховой фабрики в Иокогаме – он возвращался на родину из деловой поездки. Или толстяк-араб, принц Азиз Гасан, утверждавший, что является родным племянником самого египетского хедива⁵¹.

Мистер Палмер из Пенсильвании, хоть и не был племянником высокопоставленных особ, тоже держался несколько обособленно, и уж, конечно, ни с кем не фамилльяричал. Единственный человек, которого он выделял и даже слегка опекал, был совсем молодой клерк из конторы сталепрокатного завода в Детройте, откровенно гордившийся тем, что совет директоров доверил ему важную миссию представителя компании в Токио. Питер Ривер возвращался из отпуска, и считался среди пассажиров большим знатоком Японии – если не считать самих японцев, разумеется.

Вот и сейчас Ривер выскочил из курительного салона одним из первых, пробрался к фальшборту и замахал руками:

– Это еще не Иокогама, господа! Городишко у входа в пролив – бывший курорт, Иоко-сука! Нынче здесь нет отдыхающих – немцы помогли японцам создать здесь передовой форт обороны от кораблей противника! Видите сооружения из бетона по обеим сторонам пролива? За ними спрятана добрая сотня орудийных стволов, которые в нужный момент покажутся наружу и разнесут в щепки любой корабль!

– Но чтобы попасть в прицел замаскированной артиллерии, вражеский корабль должен миновать пару минных полей! – снисходительно улыбнулся Кодама. – Мы остановились у самой границы опасной зоны! Кроме того, вы, мистер Ривер, немножко не правы: береговые укрепления построены, действительно, по германским чертежам – но ни одного немца по соображениям секретности сюда не пустили! Строили мы, японцы!

– Да, господа, вы будете пользоваться гостеприимством моего корабля еще почти сутки, – подтвердил присоединившийся к компании пассажиров капитан. – Утром мы возьмем на борт лоцмана: пройти эти минные поля без него невозможно! И сам проход занимает около десяти часов...

Принц Гасан с опаской перегнулся через фальшборт, вглядываясь в мелкие серые волны, словно ожидая увидеть там кучу мин.

– Надеюсь, что проход в минных полях достаточно широк для нашего корабля, капитан! – заявил он. – И что лоцман знает свое дело!

– О-о, насчет этого вы можете не сомневаться, ваше высочество! – слегка поклонился капитан. – Здешние лоцманы великолепно знают свое дело. Тем более что фарватер прохода в минных полях периодически меняют. Ну, переставляют мины – на всякий случай, как говорится...

Далекie берега казались абсолютно безжизненными, серые волны октябрьского моря – неприветливыми. Ощущение того, что в нескольких ярдах в этих серых волнах притаилась смерть, настроение также не прибавляло. И пассажиры, не сговариваясь, потянулись в теплоту и уют курительного салона, где и просидели почти до утра, глотая бесконечные рюмки виски и коньяка.

Едва рассвело, как к кораблю причалил лоцманский катер. Высадив на судно лоцмана, катер с его помощником потихоньку двинулся вперед, постоянно обмениваясь сигналами

⁵¹ Хедив, или хедиф – титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции (1867—1914).

флажков с береговыми наблюдателями. China послушно, как на привязи, шла позади катера самым малым ходом и встала у причала Иокогамы, как предсказывал капитан, почти через десять часов. Предстоял полицейский, таможенный и врачебный контроль. Пассажиры первого и второго классов ожидали в ресторане, трюмных путешественников выстроили на палубе.

Краевский прерывисто вздохнул: сейчас ему предстояло самое серьезное испытание с начала опасного путешествия.

Первым в ресторан вошел доктор. Он с любезной улыбкой обошел пассажиров, не задавая никаких вопросов и так же молча вышел. Следом стали приглашать к выходу пассажиров первого класса. Палмера выкликнули одним из первых. Стараясь держать лицо невозмутимым, он вышел на палубу и тут же попал в окружение агентов отелей, наперебой расхваливающих услуги своих гостиниц. Палмер кивнул маленькому человечку с надписью «Oriental Palace Hotel» и тот с бесконечными поклонами повел его к трапу, под которым кружилось множество разнокалиберных лодок.

– Погодите! – щепетильный мистер Палмер остановился у ступеней трапа. – Позвольте, а полицейский контроль? Таможенный досмотр?

– Все уже позади! – сиял улыбками агент. – Багаж отправят прямо на таможенный склад. Ваши чемоданы помечены, мистер Палмер? Тогда поставьте вашу подпись вот здесь, и я привезу ваш багаж прямо в отель через пару часов.

Палмер глубоко вздохнул и начал спускаться по трапу.

Глава десятая

Токио

– Что ж, поздравляю вас, барон! – господин Осама поудобнее устроился на диване в номере Oriental Palace Hotel, занимаемом Агасфером и понюхал, плавно покачивая, рюмку с коньяком. – Ваш авторитет в иностранной колонии возрос!

Отставив рюмку, Осама перебрал десятка два визитных карточек, разбросанных на круглом столике.

– Немцы, аргентинцы, американцы, и, конечно же, англичане... Для вас широко раскрыто множество дверей!

– Моя заслуга здесь невелика, – поскромничал Агасфер. И многозначительно добавил: – Если уж кому-то из нас и следует принимать поздравления, так это вам, господин Осама!

– Ну-ну! Мои усилия были предприняты с вашей подсказки, господин Берг! Надо же! Вы и меня приучили комфортно чувствовать себя в европейских креслах и пить коньяк!

– Я полагаю, что вы явились ко мне не только для расточения комплиментов, господин Осама! Я чувствую, что у вас есть серьезный разговор!

– Вы правы, барон! Как это сказано в вашей Библии? Вслед за временем разбрасывания камней наступает время их сбора – так, кажется?

– Не совсем, – мягко поправил Агасфер. – Вы немного упростили цитату из Ветхого Завета: время разбрасывать камни и время собирать их. Слова Экклезиаста, сына иерусалимского царя Давида, означают, что вслед за принесенным Господом миром на земле наступает время собрать камни, из которых были построены крепости, и приступить к созиданию из этих камней святынь...

– В самом деле? Простите, барон, но я имел в виду несколько другое, и цитата показалась мне уместной. Я подразумевал наступление время собирания посевов из того, что было посажено. В общем, наступает время вашей непосредственной работы, господин Берг! Я ввел вас в общество, вызывающее подозрение, и хочу получать информацию из этого общества!

– Уж не получен ли из Германии благоприятный для меня отзыв, Осама-сан?

– Благоприятный? Вы уверены, что немцам есть за что благодарить вас? Если это так, я хотел бы узнать об этом поподробнее!

– Я не совсем правильно выразился, Осама-сан. Самым благоприятным для меня был бы ответ ваших немецких друзей типа того, что никакими компрометирующими данными на меня они не располагают!

– Ответа пока нет. Возможно, вы правы: он может и вовсе не поступить. Но держать вас в «запасе», как вы выразились, не так давно, слишком расточительно! Уж не думаете ли вы, барон, что я наладил ваши приятельские отношения с гнездом иностранцев просто так, ради вашего веселого времяпрепровождения? Среди подданных иностранных государств, которым дозволено пребывание в Японии, есть немало, я уверен, и наших врагов! И ваша задача – помочь нам выявить их!

– Не слишком благородная миссия выпала на мою долю, – невесело усмехнулся Агасфер. – Утром хлопать людей по плечу и уверять в своей дружбе, а вечером писать на них доносы?

– Фи-и, теперь вы, господин Берг, начинаете опошлять мои слова! – поморщился Осама. – Я не предлагал вам писать доносы на всех и каждого! Друзей у Японии гораздо больше, чем врагов! Но среди иностранных коммерсантов, аккредитованных в Японии, есть беспринципные люди, которые используют бремя нашей войны в свою пользу! Разве не так?

– Вы имеете в виду торговцев, снабжающих оружием и продовольствием осажденный Порт-Артур? Мне доводилось слышать намеки на коммерцию такого рода, – кивнул Агасфер. –

Но хочу заметить, что и в порты Японии ежедневно приходят корабли из стран, заявивших о своем нейтралитете, но, тем не менее, снабжающих Японию так называемой контрабандой. Это просто бизнес, и ничего большего! Разве не так?

– Я соглашусь с вашей оценкой относительно снабжения нашей страны необходимыми товарами: это бизнес, выгодный Японии! Но вы же не можете не понимать, господин Берг, разницы между этой контрабандой и помощью врагу!

Агасфер был готов к подобного рода допросам. И отдавал себе отчет в том, что если он не будет приносить 2-му отделу Императорского Генштаба реальной пользы, его просто выведут из игры, «увольят». А что тогда станет с Настей, с его сыном? С самого начала он знал, что ему придется лавировать. Сегодня у него было имя немецкого торговца, работавшего на Россию. Он легко мог его назвать – поскольку торговец, почуяв неладно, успел скрыться в Шанхае. И к тому же поссорился с русскими партнерами, попытавшись их надуть.

– Хорошо, одно имя у меня есть! – вздохнул Агасфер. – Это господин Липман.

– Липман, Липман, – нахмурившись, стал припоминать разведчик. – А нельзя ли немного подробнее?

– Генрих Липман, немец по крови. Представитель крупной английской пароходной компании «Меркурий». Женат на англичанке, живет здесь и в Шанхае. Организовал по просьбе русских три доставки пароходами продовольствия и вооружения в Порт-Артур. Кстати, не без помощи неких японских чиновников из министерства военно-морского флота, – не удержавшись, съязвил Агасфер. – Именно там он добыл необходимые бумаги, позволившие зафрахтованным им пароходам буквально просочиться сквозь блокаду вашего флота в Порт-Артур.

– Очень интересно! – оживился Осама. – Есть еще какие-либо подробности? Например, имена этих чиновников? Даты? Названия кораблей, совершивших рейсы в русскую крепость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.